
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкирия)

ХОЗЯЙКА ЗДЕШНИХ МЕСТ

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

До деревни, куда Романа с бригадой отправили на две недели в командировку, добрались глубокой ночью. Весь день провели в дороге на стареньком автобусе. Часто останавливались на перекур, выходили из автобуса, чтобы размять ноги и подышать свежим воздухом, шофер, чертыхаясь, подолгу ковырялся в моторе с добровольными помощниками, а остальные уходили на обочину, рассаживались на траве и ждали, когда крикнут, что пора опять в дорогу. И тогда торопились занять места в старом изношенном автобусе, и потихонечку трогались в путь.

В сумерках проехали райцентр. И еще долго петляли по проселочным дорогам. Свет фар выхватывал из тьмы лес, стоящий стеной, а вот мелькнули склоны горы, перед автобусом засеребрилась мелкая речушка, брызги взлетели, вспыхивая искрами, и речка осталась позади. И снова кусты, деревья и заросшие склоны гор, где редкий раз пятнами выделялись полянки. Дорогу перебежала собака. В автобусе загудели, откуда она взялась, но шофер, не оглядываясь, буркнул, что это был волк, они частенько встречаются в здешних местах, а суровыми зимами бывает, что заходят в деревни. Разговоры стихли. И все прильнули к окнам, в надежде, что снова увидят волков. Но вскоре далеко впереди мелькнули редкие огоньки. Это была деревня, куда Романа отправили в командировку. Дорога запетляла по полям. Свет фар то упирался в землю, то смотрел в темное небо, словно пытаясь осветить его, и снова автобус ухал, съезжая с очередного пригорка. А вот снова, когда взобрались на очередной бугор, в ночной тьме вспыхнули редкие огоньки. И вскоре мелькнула изба в тусклом свете. За ней вторая и третья. Автобус заскрипел старыми рессорами и остановился. Шофер вышел. Долго с кем-то разговаривал в ночи, потом развернулся на ухабистой дороге и подъехал к крайнему дому, что стоял на отшибе. Все, добрались...

Впотьмах, ударившись о низкую притолоку, Роман, потирая лоб, зашел в небольшую старую избу. Возле печи стояла старушка: маленькая, словно подросток, сгорбленная, лицо сплошь в морщинах, темный платок на голове, в кофте и широкой темной юбке.

— Проходите,— надтреснувшим голосом сказала она.— В горницу проходите. Думала, раньше приедете. Я уж чугунок пустых щей сготовила, чай несколько раз подогревала, а вас нет и нет. Все выходила на крыльцо, поглядывала на дорогу. Я уж решила, что завтра появитесь, гляди ж ты, глухая ночь на дворе, а они только приехали. И где же вас носило-то столько времени?

И принялась вытирать руки об фартук.

— Автобус такой выделили, что пешком быстрее доберешься,— буркнул Роман, прошел в горницу и остановился, осматриваясь.— Думали, не доберемся...

Он стоял, осматривая при тусклом свете лампочки небольшую и низкую горницу. Стол возле окна и две табуретки, да еще печка-голландка и все. Да на полу лежали матрасы, застеленные простынями, какими-то занавесками, вместо простыней, и высились стопка разноцветных одеял. Видать, со всей деревни собирали. На неровных стенах несколько фотографий, а в красном углу на божнице виднеется темная икона. Здесь предстояло прожить две недели.

— Чаек пошвыркаете или как? — заскрипела бабка Авдотья и протяжно зевнула, прикрывая ладошкой беззубый рот.— Председатель сказал, что утром заедет. Он уже несколько раз приезжал. Все ждал, когда появитесь. А потом махнул рукой и подался на дальний покос. Сказал, утром заглянет.

Мужики, приехавшие в командировку, тоже зазевали, глядя на нее.

— Спать хочу,— сказал Роман, растирая лицо ладонями, и мотнул головой.— Ух, аж качает, словно еще в автобусе едем. Устали как собаки, пока добрались.

Сказал и передернул плечами.

Он прошел вдоль матрасов, выбирая место, потом кинул сумку в изголовье крайнего матраса, что был возле окна, стянул куртку, разделся, взял одеяло и плюхнулся, укрываясь, а вскоре засопел, не обращая внимания на товарищей. Некоторые ушли на кухню, чтобы налить чай, а другие расположились за столом, достав бутылку, лишь некоторые, как и Роман, побросали вещи и, не обращая внимания на свет, на тихие разговоры, завалились спать. Устали...

Ранним утром, когда за окнами истошно загорланил чей-то шальной петух, взлетевший на кривой забор и захлопал крыльями — зарядку делал, а может себе аплодировал, а вслед за ним устроили переключку другие, стараясь перещеголять друг друга, Роман проснулся. С недоумением прислушался, окинул взглядом низкую избу, видать спростонья не мог сообразить, куда он попал, а потом громко зевнул и поднялся. Натянул джинсы и, протирая глаза, Роман вышел на крыльцо. Ночью из автобуса и сразу в избу, да и темень такая, хоть глаз выколи и даже по сторонам не смотрели, куда завезли. У всех одно желание было — отдохнуть. А сейчас, выйдя на крыльцо, Роман потянулся, зевнул и застыл с приподнятыми руками, осматривая огромное ромашковое поле, которое протянулось неподалеку от леса. Дорога, петляя по полям, скрывалась в лесу — это через него ехали, по стеклам и крыше хлестали толстые ветви, того и гляди разобьют, а при свете фар были заметны толстые деревья, растущие сплошной стеной. Дорога через лес, на которой две машины не разъедутся, она словно по тоннелю пролежала: зеленому, извилистому — загадочному. Поездка в тридцатое царство... И правда что — тридцатое. Загнали к черту на кулички, словно поближе места не было. Но ничего не поделаешь — это подшефный колхоз. Роман снова потянулся, оглядывая поле, что было рядом с деревней. Оно золотом горело в утренних лучах солнца, а за ним виднелась далекая темная опушка леса. И вокруг деревни холмы, горы, заросшие густым лесом, редкий раз видны проплешины полян, да заметны проселочные паутинки дорог.

— Эх, ребята, гляньте, красота-то какая! — сказал Роман, когда кто-то из ребят вышел на крыльцо, и обвел оком, словно был хозяином его.— Взгляните, как в сказку попали!

— Я все бока отлежал на полу, а ты говоришь, что сказка,— недовольно провор-

чал Алексей, взглянул на часы и поежился,— Что-то прохладно. В городе бы всю жарило солнце в это время, а тут еще не раскочегарило. И что красивого увидел — не понимаю! Трава, она и в Африке — трава!

Протяжно зевнул и зашел в избу, плотно притворив дверь.

Роман остался на крыльце. Двор огорожен слегами. Некоторые сломались, другие провисли, едва держась и, казалось, дотронься и они свалятся. Старый покосившийся сарай с худой крышей. Дверь сорвана с петель. Кто-то приставил ее к стенке. Две белых курицы мелькнули и все. Не слышно мычания коровы или хрюканья свиньи. Две курицы — это вся животина, а еще пара ульев виднеется в дальнем конце огорода. Двор, заросший сорняками. Вон, какой репейник вымахал. Заденешь его, вцепится, и не вырвешься, а тут крапива чуть не в рост человека стоит. Только сунься в нее! Сразу будто кипятком ошпарит. За низким заборчиком огород. Несколько кривых грядок. Лук виден, а там стрелки чеснока. Среди сорной травы плети тянутся — это тыква растет. Позади грядок картошка посажена. Вроде бы лето теплое, а кусты чахлые, а может некому ухаживать. Вдоль забора из слег тянется старая дорога. Колея заросшая. Редко по ней ездят. Вдали, что за островками кустов, видны холмы и горы. Казалось, вот они, буквально рядышком. Пройди немного и упрешься в крутой склон...

— Здоров были,— с улицы раздался густой бас, скрипнула калитка, и во дворе появился невысокий, худощавый мужичок в фуражке, надвинутой на глаза, в пиджаке, рубашка застегнута под ворот, засаленные пузырястые штаны и запыленные стоптанные сапоги.— Нормально добрались? Все устроились? Вчера поздно вернулся. Не стал беспокоить. Я председатель, Николай Семеныч Голубев. Можно просто — Семеныч...

Сунул Роману жесткую руку, стащил фуражку с головы и прошел в избу.

Роман заторопился вслед за ним.

— Здоров были! — донесся тягучий бас, и Роман увидел, как председатель остановился в дверях, осматривая горницу и бригаду.— Так, сколько приехало? Ага... Это хорошо! Всем работа найдется. Какая, говорите? Да любая, какая будет! Работы непочатый край, а вот работников маловато. Есть пьющие? Ага... Вы уж особо не налегайте на эту заразу. Прошлый месяц приезжали командированные. Неделю побыли, и пришлось обратно отправлять. Неделю не просыхали! Здесь работа стоит, а они лыка не вяжут. У нас свои такие есть. Не знаем, что с ними делать, а тут еще из города прислали. От, радость-то какая! — сказал он и тут же хмуро буркнул: — В общем, работайте, если приехали работать, а не хотите, можете ухать. Никого не станем держать. Скатертью дорога!

— Ну, ничего себе — прием! — кто-то воскликнул из угла.— Не успели приехать, а нам оглобли заворачивают.

— И, правда, Семеныч, хватку-то ослабь,— задрезжал голос бабки Авдотьи.— Все ж чужие, а ты сразу кошки-дыбошки. Охолопись чуток...

— Я еще не начинал, чтобы прохладиться, и они не баре, чтобы перед ними спину гнуть,— буркнул председатель.— В общем, жить будете у бабы Авдотьи. Не обижайте старуху. Продукты будем выделять. Сами готовьте. У нас поваров нет. Сегодня отдыхаете и устраиваетесь с дороги, а завтра с утра пораньше машину пришлю. Веткормом займемся. План скинули. Будете ездить в лес, ветви готовить. Инструмент получите. И не теряйте. С каждого спрошу. Старшего назначу. Мы работаем от зари и до зари — это не город, так что привыкайте. Все, я поехал, а вы можете отдыхать. Завтра ждите машину.

И вышел, захлопнув дверь.

— О, с устатку выпить нельзя,— протянул кто-то.— Круто берет председатель, но забыл, что мы чужие.

— Ладно, не болтай,— следом оборвал другой.— Работать приехали, а не отдыхать.

— И правда, ребятки, не держите зла на нашего Семеныча,— снова раздался голос старухи.— Он с виду хмурый и грозный, а на деле хороший и заботливый — страсть! Привыкните к нему...

И пошла работа. Утром, едва начинало светать, ко двору бабы Авдотьи подъехала грузовая машина. Торопливо позавтракав, бригада начинала грузиться. Забрасывали в кузов топоры и секачи, поднимали одну-две фляги воды, кричали поварам, чтобы не опаздывали с обедом и, громыхая разболтанными бортами, машина направлялась в сторону леса. И вечером, когда уже темнело, возвращались в деревню. Наскоро умывшись, усаживались за большой стол, медленно ужинали. Наверное, даже не обращали внимания, что было на столе, до такой степени уставали на заготовке. И, отвалившись от стола с перекуром, тянулись друг за другом в избу, скидывали одежду, валились на матрасы...

И так всю неделю. С утра уезжали, а вечером, едва живые, возвращались. Ближе к выходным мужики забастовали. Все хотели отдохнуть. Всего лишь денек и хватит, а потом можно опять в лес подаваться на заготовку веткорма. Семеныч долго кряхтел, наблюдая за мужиками. Где уж тут пить, если сил не хватало, чтобы нормально поужинать. А потом дотащиться бы до матраса и упасть, на ходу засыпая.

— Ладно,— буркнул председатель.— Дам денек на отдых. Можете отсыпаться, а лучше помойтесь. Что-то грязью заросли. Скоро кусками начнет отваливаться. И бельишко бы простирнули да заштопали, а то сверкаете голыми задницами, будто вас собаки драли,— и басисто хохотнул.— Это вам не город, где восемь часов отдали на производстве и трава не расти. В деревне от зари и до зари, а в летнее время уходишь и не знаешь, когда домой вернешься. День год кормит, как говорят. Ну ладно, мужички, отдыхайте,— он махнул рукой и поднялся.

— Это...— Роман привстал, останавливая председателя.— Семеныч, а речка есть? Неделю живем и в глаза еще не видели.

— А что ее искать-то? — удивленно посмотрел председатель и махнул рукой.— Да вон же она, где склон горы виднеется! За огородами пройдите по низинке и упретесь в нее. А что хотели?

— Это...— Роман снова запнулся и кивнул.— Порыбачить бы... Рыба-то водится? Я на всякий случай прихватил снасти.

— Рыба есть,— устало сказал председатель.— У нас речка норовистая. Ямы и перекаты, омуты и мели. В одном месте рыбу ведром черпай, а в другом ни одну не увидишь. А что, на рыбалку собрался?

И взглянул с интересом на Романа.

— Да, хотелось бы порыбачить,— закивал головой Роман.— И на речку посмотреть. Я впервые в этих местах. Хочу взглянуть, какая рыба водится. Ну и вообще...

И неопределенно покрутил в воздухе пальцами.

— Да всякая есть,— опять махнул рукой Семеныч.— Нам-то, взрослым, не до рыбалок, а мальчишки бегают. Да вон, зайди к соседу. Спроси Алексей Петровича или Алешеньку — это сынок его. Он занимается рыбалками. Любого мужика за пояс заткнет. И не смотри, что мальчишка. Ох, толковый! — уважительно сказал председатель и покачал головой.— Шустрый малец! Всю речку вдоль и поперек облазил. Каждый омут с закрытыми глазами найдет. Про каждую рыбку расскажет такого, что в книгах не встретишь. Говорю же, головастый растет — страсть! Но учти, малец с характером. Чуть что не так, сразу от ворот поворот. Поговори с ним. На меня сошлись, при случае. Авось согласится взять с собой. Ну ладно, отдыхайте, а я еще ваш инструмент отдам, чтобы заточили,— он взглянул на Романа и снова повторил: — Ты зайди, поговори с Алексей Петровичем...

И направился к телеге, хлопывая кнутом по сапогу.

Роман следом за ним подался, долго разговаривал с соседским мальчишкой, которого, как он заметил, многие уважительно называли Алексеем Петровичем, и обра-

довался, когда малец кивнул головой, соглашаясь взять на рыбалку, но предупредил, чтобы не опаздывал, иначе один уйдет. И Роман заторопился к себе, потом весь вечер присидел на кухне, разбирая рюкзак и прихваченные с собой снасти.

А утром, едва стало светать, Роман с Алешенькой пошли на рыбалку. Алексей Петрович, пока шел по заросшей колее вдоль огородов, ступал степенно, уверенной походкой, на вопросы отвечал с ленцой, как бы показывая, что он тут хозяин. Одно-два слова буркнет и молчок. А вышли за деревню, Алешенька не удержался. Сверкая голыми пятками, он вприпрыжку помчался впереди Романа, придерживая на плече пук коротких удилищ. Охал, когда задевал крапиву или обдавало его холодной росой, приостанавливался, хмуро смотрел на Романа, словно подгонял его взглядом, а потом снова мчался по узенькой заросшей тропке.

Роман неторопливо шагал вслед за ним, хотя и его подмывало бросить удочку, подсумок со снастями, пробежаться по росной траве, заорать что-нибудь невразумительно-восторженное, потом отбросить снасти в сторону и упасть на росную траву. Затаить дыхание, прислушиваясь, как в кустарнике вовсю заливаются соловьи, а потом перевернуться на спину, заложить руки за голову и смотреть в рассветное небо, которое уже местами зарозовело, а там еще сероватый оттенок виднеется, но еще чуть-чуть, всего лишь мгновение и по небу протянутся солнечные дорожки, сначала несмелые — там одна, здесь одна, а в том месте за облаками скрылись, но пройдет немного времени и польхнет солнце, заливая золотом округу. Это новый день пришел...

Алешенька бежал впереди Романа и вдруг исчез в большой низине, сплошь заросшей высокой травой. Роман сунулся следом за ним и остановился на мгновение, осматриваясь. Удивленно качнул головой, рассматривая высокую траву. Он впервые увидел такую. Толстые стебли, чуть ли не с палец, а может и поболее будут, они поднимались выше него, покачивая своими метелками, а до некоторых верхушек с трудом можно было дотянуться. Роман скрылся с головой в этих непроходимых зарослях, и ему показалось, словно он попал в книгу «Страна дремучих трав», которую в детстве читал. Оглянись, и увидишь гигантского кузнечика, который, оглушительно застрекотав, пронесся над головой, или огромную божью коровку, что запуталась среди стеблей и ворочается, пытаясь выбраться. И Роман невольно приостановился, оглянувшись, прислушался, но доносился лишь шорох листьев и шуршание метелок. Он опять зашагал по узкой тропке, которая едва была видна в высокой гигантской траве, вокруг него был густой запах влажной земли и травы, и все это смешивалось в такой аромат, что Роману хотелось подольше задержать в себе воздух, чтобы вдосталь насладиться удивительным привкусом природы. И Роман не удержался. Приостановился. Глубоко вдохнул и затаил дыхание, прислушиваясь к шороху травы над головой, к редким возгласам Алешеньки, который мчался где-то впереди него, скрывшись в высокой сказочной траве, а еще он прислушался к себе, к своей душе, и ему захотелось закричать громко, протяжно, восторженно. Но Роман потихонечку выдохнул, покрутил головой, продолжая осматривать высоченную траву, опять удивленно мотнул головой, правда, как в сказке, и неторопливо направился вслед за Алешенькой...

Едва вынырнув из страны дремучих трав, Роман тут же попал под широкие кроны неохватных дубов, которые раскинули свои корявые ветви-руки во все стороны. Словно переплетаясь между собой, они как бы образовали над головой единую густую крону, сквозь которую не пробился бы даже солнечный луч. Летний рассвет, а вокруг сумрачно и зябко. И опять влажный запах земли и пожухлых листьев, и снова захотелось вдохнуть и задержать в себе воздух. Роман мельком взглянул под ноги, где повсюду лежал толстый ковер из желудей, по которым ступаешь, а под ногами едва слышный хруст.

Вскоре между необъятными дубами сверкнула вода под первыми лучами солнца. Роман заторопился, заметив, что Алешенька стоит на опушке и ждет его, то и дело

посматривая на речку, а потом замахал рукой и приложил палец к губам, как бы предупредая Романа, чтобы не шумел.

Роман вышел на опушку. Дубы, словно спускались поближе к речке, чтобы полукружьем обступить омут, как будто хотели скрыть его от постороннего взгляда. Не каждый может прийти сюда, не каждому разрешено ловить в омуте, как бы они хотели сказать. И правда, со стороны взглянешь и не догадаешься, что за ними находится знаменитый бездонный омут, о котором весь вечер рассказывал этот малец. И вот он, перед ними. Роман, стараясь ступать потише, подошел к мальчишке, стоявшему на краю небольшой полянки, сплошь заросшей высокой травой и разноцветьем. И опять Алешка приложил палец к губам, кивнул и подошел к краю небольшого обрыва. Вытянув шею, заглянул в омут, словно хотел что-то рассмотреть.

— Она здесь,— Алешка не удержался и прошептал, ткнув пальцем в сторону омута.— Здесь, я точно знаю...

Прошептал и опять вытянул шею, а потом присел в траве, словно не хотел, чтобы его заметили.

— Кто — она? — хмыкнув, сказал Роман.— Рыба, что ли? Так где ж ей быть, как не в речке.

И не удержался, засмеялся.

— Тише, тише,— чуть ли не зашипел Алешенька, нахмутив белесые выцветшие под солнцем бровки.— Не рыба, а она — хозяйка здешних мест. Преогромная щука! — он не сказал, а выдохнул, раскидывая руки в стороны, но казалось, что его рук недостаточно, чтобы показать настоящую длину этой рыбины.— Наши мужики уже столько крючков и блесен тут оставили — не счесть! Ни разу не вытащили. И донки опускали. Сетями перегораживали, а она словно чувствует. Ни разу не схватила наживку и не попала в сети. Не дается в руки и все тут! Я однажды хотел глубину измерить. Всю катушку размотал, а дна не достал. Бездонный омут. Правду говорю, бездонный. А она живет тут. Кто-кто... Щука — хозяйка реки!

— Да ну, болтун,— отмахнулся Роман и внимательно осмотрел речку, которая кружила между кустами, одна сторона задевала обрывы, а другая тянулась вдоль заросших гор, где-то сплошь лес, а там каменистый обрыв уходит в воду, а в том месте лужайку видно на склоне, и снова стена леса и речка словно обнимает горы, ласкается к ним, под защиту просится, чтобы никто ее не обидел, а она будет журчать-нашептывать, и нести свои воды в дали неведомые. Смотришь на речку, где-то виднелась мель, а под берегом чернела вода, а там разговаривал перекат, и за ним снова начиналась глубина. Вроде бы и правда чудье место, но чтобы такая водилась, про которую Алешенька рассказывал,— это похоже на сказку. Не может такого быть, сколько лет ее ловят и не могут поймать. Но в то же время, если подумать, зря же не станут говорить. Значит, живет щука, но, скорее всего, куда меньшего размера, чем показывают рыбаки. А они-то уж преувеличить горазды!

И снова хмыкнул.

— Если не веришь, можешь уходить,— заворчал малец.— Я не звал тебя. Сам напросился.

Алешенька обиженно засопел. Отвернулся от него и принялся развязывать пук коротких удилищ, на которых была заметна толстая леска, большие кованые крючки и массивные самодельные поплавки.

И снова не удержался Роман, взглянув на его удилишки.

— А кого ловить собираешься, Алексей Петрович? — с ехидцей сказал Роман, кивнув на разнокалиберные удилища.— Не иначе, сома или кита. Они тоже водятся в вашей речке?

И засмеялся.

— И нечего хихикать,— заворчал Алешка, словно старый дед, и шмыгнул носом.— В нашей речке всякая рыба ловится. К примеру, не только пескаррики и вер-

ховка с сорогой, но даже форелька есть. Мы называем ее пятнушкой — это из-за маленьких пятнышек по бокам. Я всю речку с мальчишками облазил. Каждую ямину проверил. Взрослые мужики советуются со мной, а ты смеешься. Если бы знал, ни за что не пошел бы с тобой на рыбалку. С такими ходить, только время тратить.

Отмахнувшись, он снова обиженно засопел. Отвернулся от Романа и принялся ловко насаживать наживку на крючки и забрасывать в омут. Пригнется, чтобы его не видно было из травы, потихонечку опустит леску с крючком в воду, аккуратно положит удилище на краешек маленького обрыва и камнем прижмет на всякий случай. И все это так быстро проделывал, что Роман с удивлением наблюдал за ним, понимая, что не каждый взрослый рыбак сравнится с этим мальчишкой. Наверняка родился с удочкой в руках.

Роман приготовил свои снасти. Хотел было тонкую леску поставить, но засомневался, поглядывая на мальчика. Смейся не смейся, но пацан знает эти места куда лучше его. Ведь не зря сам председатель уважительно по имени и отчеству назвал его и посоветовал обратиться к нему. И в разговоре председателя не было ни тени насмешки, а наоборот — уважение и ласка. Роман мотнул головой, непроизвольно взглянув на мальчика, который сидел в густой траве, лишь белобрысая голова была видна да изредка рука, перебрасывающая снасть. Всплеснет вода при забросе и снова тишина.

Роман засомневался, а потом снастил две удочки. Одну сделал с толстой леской, привязал самый крупный крючок, какой нашелся в запасниках, поплавок потяжелее и грузило, понадежнее наживку, чтобы не слетела, и, подойдя к краю обрывчика, сделал заброс, наблюдая, как грузило утаскивает за собой леску, и так же, как Алешка, положил массивное удилище на землю и сверху придавил камнем. Так, на всякий случай... А вторую удочку снастил тонкой леской и небольшим крючком, чтобы ловить всякую мелочевку. Сделал, наживил и тоже сделал заброс, а сам присел возле мальчишки, наблюдая за поплавками.

Вода медленно кружила поплавки на поверхности. Потянет небольшой ветерок, появится мелкая рябь на воде и сразу же начинаются поклевки. В основном ловились головчики, сорожечка и верховка, два-три окуня попали, но чаще рыба теребила наживку, не давая себя подсечь, и клев затихал, когда исчезала рябь на воде. И они сидели, коротая время в разговорах.

Алешенька принялся рассказывать про хозяйку здешних мест. Уважительно о ней отзывался. Говорил, когда клев прекращается — это она обходит владения свои и вся рыба старается спрятаться, лишь бы не встретиться с хозяйкой на ее пути. Грозная она — эта хозяйка, и серьезная. Не только рыба, но и местные жители уважают ее. А как не уважать, если сколько лет пытались поймать хозяйку реки, а она словно чувствует и все сети, все донки обходит и ни разу ее не вытащили. Некоторым удавалось подцепить, но никто из них до берега не довел. Вывернется на поверхность. Полежит немного, будто отдыхает, а потом выгнется и словно вздохнет, что надоели вы, людишки, устала я от вас. Махнет широченным хвостом и куда вся снасть подевалась. Как нитки рвались крепкие бечевы и металлические поводки, а крючки словно спички ломала. Махнет хвостом, окатит рыбаков и, красуясь, неторопливо скрывается в глубине омута...

Роман слушал мальчика и голова кругом шла от всех его разговоров. Словно не про рыбу говорил, не про щуку старую, а про сказочное существо рассказывал. И все это с уважением, с оглядкой на омут...

Солнце повернуло на закат, а Роман с Алешкой продолжали сидеть возле речки. Роман прислонился к корявому необъятному дубу, кора за день нагрелась, и казалось, словно дерево живое и хочет отдать свое тепло любому прохожему, кто мимо идет, кто присел чуточку отдохнуть и почувствовал спиной тепло, исходящее от дуба, а вместе с ним и силу, какую дерево отдает ему. И сила эта наполняет путника,

изгоняя усталость. Поднимется он, а усталости словно и не бывало, и пойдет он дальше своей дорогой, одному ему известной...

Роман мотнул головой. И, правда, дуб словно живой. Шелестят листья над головой, словно с ним разговаривают. Жизнь у дуба долгая. Всего насмотрелись за эти годы, и шепчут путникам, рассказывая о прошлом и настоящем, о будущем и... и чего только не предвидится, слушая Алешенькины рассказы. У него, у этого мальчишки, которому-то всего ничего годков, который только начал свою жизнь, а знает столько о своем крае, о деревне и обычаях, о природе и жителях, что диву даешься. Откуда он, можно сказать, несмышлениш, а столько ведает. А может и хорошо, что знает. Так и надо жить. Жить сегодняшним днем, думая о будущем и оглядываясь на прошлое...

— Она пришла,— едва слышно прошелестело в воздухе. Роман непроизвольно вздрогнул, услышав его шепот, и увидел, как Алешка, чуть побледневший, медленно протянул руку и показал на его поплавок.— Хозяйка вернулась в свои владения...

И снова застыл, внимательно всматриваясь в воду.

Роман взглянул на поплавок. Он не шевелился. Потом медленно пошел в глубину, словно там кто-то сидел на дне и тянул леску. Поплавок уходил без рывков, плавно и неторопливо. Вот вам, словно хотели сказать, смотрите, как я умею. И Роман заворочено продолжал глядеть, как его поплавок исчезал в бездонной глубине, а потом остановился. Там остановился, едва различимый с поверхности, словно небольшое белое пятнышко застыло в воде, а потом снова стал подниматься. И опять медленно и плавно. Вот он появился на поверхности. Чуть качнулся и улегся на бок. Роман сидел и смотрел на него. Неужели правда, что существует эта хозяйка реки. Ведь щука, если взяла наживку, сразу ее тащит, а тут словно играла с ней, а может с ними? Это, скорее всего... Роман непроизвольно взглянул на Алешку, который так и сидел, не шевелясь, и внимательно всматривался в глубину, а сам что-то нашептывал...

Роман тоже смотрел на поплавок, который лежал на поверхности, а потом снова дернулся и пошел в глубину, но уже куда быстрее, чем первый раз. И опять раздался едва слышный шепот: «Эта хозяйка здешних мест вернулась в свои владения». Неужели правда? Роман, наслушавшись рассказов, растерялся. И не удержался, заметив, что короткое, но крепкое удилище потихонечку поползло к обрыву, непроизвольно схватил его и коротко, но резко подсек. И тут же, где-то в темной глубине омота, заворочалась огромная рыбина. Не рвалась, не тянула леску, а именно ворочалась, словно с боку на бок поворачивалась. И каждый ее поворот тяжелым грузом давил на ладони, словно неподъемную ношу пытаешься оторвать от земли, но безрезультатно. Толстое удилище медленно сгибалось. Еще немного и вершинка коснется воды. Казалось, даже удилище хотело извиниться перед хозяйкой реки за нас, за людей, что потревожили покой и вторглись в ее владения.

Роман мотнул головой, пытаясь удержать в вспотевших ладонях удилище. Он с трудом его удерживал, и ему казалось после Алешкиных рассказов, что там, в самой глубине, ворочается не рыбина, а какое-то сказочное чудище, и если оно поднимется на поверхность, тогда... Роман опять мотнул головой, словно хотел сбросить с себя наваждение. И Алешка, сидевший рядом с ним, не шевелился, а словно загнипотизированный смотрел на темную воду, будто хотел рассмотреть в глубине хозяйку здешних мест...

И тут она решила показаться на глаза. Роман почувствовал, что леска стала ослабевать. Понемногу, всего лишь по сантиметрам, но она — эта хозяйка реки — стала подниматься на поверхность. Не рвалась из стороны в сторону, как всегда делает щука, не пыталась, как собака, и не собиралась пойти на свечу, как это бывает. Она просто стала подниматься из темной глубины. Видать, захотела взглянуть на тех, кто вздумал потревожить ее покой. Медленно, редкий раз ворочаясь, но не делая резких рывков, она неторопливо всплывала на поверхность омота. И снова едва слышно про-

шелестел Алешкин голос: «Это она... Это она решилась показаться нам. Она — хозяйка здешних мест!». Сказал, и снова застыл, не отрывая взгляда от бездонного омута.

Роман увидел, как из глубины показалась темная спина сказочного чудища. И, правда, это было чудище. Хозяйка реки не стала рваться, а неторопливо повернулась на бок, словно разлеглась на поверхности омута, как на мягкой перине, и будто бы хотела показать себя во всей красе при закатном солнце. Она была темно-серо-зеленая, спина более темная, бока чуточку посветлее, с бурыми пятнами и белым брюхом с желтовато-красными и серо-бурными плавниками и хвостом. И едва она появилась на поверхности, солнце словно специально коснулось ее, чтобы показать во всей красе, и она вспыхнула темно-золотистым разноцветьем в вечернем солнце. Яркая, красивая — воистину сказочная! Она лежала на боку, открыв огромную пасть, а за краешек губы едва зацепился самый большой крючок, который Роман нашел в своих запасниках. Он казался таким маленьким, что было удивительно, что она поднялась на поверхность, а может просто захотела покрасоваться перед ними — кто знает...

Хозяйка здешних мест лежала на боку, едва шевеля плавниками, на которых, как им казалось, была заметна темно-зеленая бахрома. Огромная рыбина редкий раз открывала громадную пасть с острыми зубами, едва шевелились жабры, словно она хотела подышать свежим воздухом. Щука лежала на боку, а Роману казалось, что она покосилась на него темным зрачком, когда он непроизвольно потянул удилище на себя, пытаясь подвести преогромную щуку к берегу. Она покосилась и приоткрыла пасть. И тут Роману почудилось, а может правда, он услышал, как хозяйка реки словно выдохнула, шевельнув жабрами:

— Людишки, как же я устала от вас за долгие годы! Я, хозяйка здешних мест, а вы — незваные гости в моих владениях. Оставьте меня в покое. Уходите!

Огромная щука изогнулась и, не обращая внимания на крючок, развернулась и медленно направилась в глубину темных вод. Удилище стало сгибаться, словно кланялось перед ней, толстая леска все сильнее и сильнее натягивалась, вдруг щелкнула и тут же провисла. Хозяйка здешних мест исчезла в глубине...

Роман и Алешка сидели на берегу реки в закатном солнце и смотрели на темно-золотистые воды. Позади размеренно шумела листва на необъятных дубах, шуршала трава под редкими порывами ветра. Повсюду заливались птицы. А они сидели на краю обрыва и молчали. Алешка, обхватив коленки, смотрел на темные воды. А Роман продолжал держать в руках толстое удилище с оборванной леской и тоже молчал, посматривая на речку. Каждый о чем-то думал. О чем? Кто знает... Но скорее всего, они вспоминали ее — эту хозяйку здешних мест, как она появилась перед ними во всей своей красе, словно хотела похвастаться перед ними — людьми, мол, глядите и любуйтесь мною, но запомните, не дано вам поймать меня. И ушла в свои владения... Они смотрели в глубину, словно прощались с ней, а может, надеялись, что им повезет, и они еще раз встретятся с ней — с этой хозяйкой здешних мест, но не пойманной, а вот такой, какой она предстала перед ними: яркой, сильной, неприступной и — сказочно-красивой...

Илья Чесноков

(г. Белгород)

ПОЛСПИЧКИ

Родился в Чимкенте. В 90-е годы публиковался в чимкентской прессе. В 2001 — 2003 годы публиковался в белгородских газетах. В 2020 году стал призером конкурса «Крылья Победы» как автор стихотворений на тему Великой Победы. Имеет другие публикации.

Это было солнечным апрелем 1992 года. После распада Советского Союза в родном Чимкенте только и разговоров было о том, как теперь будет жить и развиваться Казахстан. Разорванные производственные и торговые отношения между республиками и городами сразу сказались на поставках сырья, материалов и потребительских товаров. Товарный голод надвигался быстро и беспощадно обрушивался на людей. В ходу были еще советские рубли и копейки. Национальную валюту, тенге, начнут печатать только через год и то не в Казахстане, а в Великобритании и Германии. Я учился на четвертом курсе педагогического института. Что будет дальше после учебы, я не имел никакого представления. С работой было непросто. Мой папа работал, как и раньше, слесарем на фабрике, а мама продавцом в хлебном отделе продуктового магазина «Колос», который находился на проспекте имени Ленина. Магазин располагался на первом этаже пятиэтажного жилого дома и пользовался огромной популярностью среди жильцов соседних многоэтажек. Товарооборот в хорошие времена был в магазине всегда огромен. Но наступили девяностые и все изменилось. Об одном из случаев того времени я и хочу рассказать.

Я только вернулся из института и начал разуваться, как вдруг зазвонил телефон. В трубке зазвучал тревожный голос мамы:

— Сынок, приезжай быстрее в магазин! Здесь такое творится! А папа пришел с работы?

Ничего толком не поняв, я ответил:

— Папа еще не пришел. А что случилось?

— Не спрашивай. Напиши записку папе, чтобы он срочно, не переодеваясь, ехал ко мне на работу.

— Хорошо, мама, не волнуйся. Выезжаю.

Быстро обувшись, я моментально выбежал из квартиры. Записку папе я написать забыл. Встревоженный, я не заметил, как промчался через весь город двумя транспортом. И вот, выскочив из троллейбуса, я направился к магазину в ту сторону, где служебный вход. В этом магазине мама работала уже много лет и поэтому я знал здесь все ходы и выходы.

Магазин имел три входа, и у той двери, которая вела в хлебный отдел, стояла толпа людей, хаотично раскачивающаяся из стороны в сторону. Из толпы вылетали крики и ругательства. Над людьми грозовой тучей повисла гнетущая тревожность. Я обошел толпу и стремительно вбежал на террасу со стороны служебного входа, где

обычно грузчик принимал тележки с хлебом. Зашел внутрь, промчался мимо разделки, склада и очутился в торговом зале, где находились хлебные полки.

То, что я увидел, поразило меня, как молния. Весь торговый зал был туго набит людьми, толкающимися, орущими и хватающими хлеб. Были, конечно, и раньше большие очереди, но вот такого я еще не видел. Передо мной оказалась стена спин и затылков, двигающихся в разных направлениях. В нос ударил запах свежего хлеба и чего-то кислого и пропотевшего.

— Мама, я здесь. Где ты? — закричал я поверх голов, в сторону двери.

— Сынок, я за кассой! Двигайся ко мне.

И я начал двигаться. Протискиваться сквозь плотно прижатых друг к другу людей было непросто. Приходилось искать удобный момент и прорываться, продвигаясь вперед. Мне это быстро надоело, и я прокричал:

— Дорогу! Дорогу! Свежая краска!

Люди на какое-то мгновение замерли, осматриваясь вокруг. Я воспользовался этим замешательством и пробрался к кассе.

Запахавшись, я крикнул:

— Что надо делать?

— Держи кассу! Они двигают ее. И не позволяй, чтобы уходили, не оплатив за хлеб. Помогай, без тебя никак!

Раскинув руки и сдвинув угрожающе брови, я встал в проходе между кассой и стеной, за которой находился соседний отдел.

Кассы в то время стояли еще старой модели. Это были огромные и тяжелые счетные агрегаты, похожие на печатные машинки, с большими клавишами, на которых были выдавлены цифры и буквы. Внизу этого аппарата находился выдвижной отдел для денег, а справа имелась ручка для движения кассовой ленты. Кассы устанавливались на тумбочках, которые крепились к столам. Продавцы-кассиры сидели на высоких стульях, принимали деньги и пробивали чеки. Вот на таком возвышении и находилась моя мама. Она тогда была старшим продавцом хлебного отдела и отвечала за весь процесс торговли от получения товара до сдачи выручки.

Имея высокий рост, мне несложно было наблюдать за движениями покупателей. Первые мои слова, обращенные к покупателям, были еще сдержаны и даже интеллигентны:

— Товарищи, соблюдайте очередь! Не спешите! Всем хлеба хватит! Скоро привезут новую партию.

Произнося «новую партию», я, студент исторического факультета педагогического института, представлял себе совсем иное. Но реальная ситуация говорила сама за себя и я, отбросив всяческие размышления, настроился на серьезную работу.

Народ наседали, как бы ни старался регулировать движение входящих в отдел и выходящих из него, я постепенно сдвигался то к стене, то к кассе. Посмотрев в сторону мамы, я увидел ее раскрасневшуюся и немного растерянную. Очень быстро она принимала деньги, отсчитывала сдачу, отрывала чеки и что-то еще успевала говорить покупателям. А в воздухе стоял гул, похожий на грохот перекатывающихся камней горной реки.

— Мама,— крикнул я,— где Вася, рабочий? Почему он не помогает? Где он сейчас?

— Я не знаю,— долетели до меня ее слова, утопая в разноязыком многоголосье,— наверное, в соседнем отделе.

Соседним отделом был винно-водочный. Мне стало душно. Я расстегнул пиджак, приподнял на цыпочки и, приложив ладони ко рту, изо всех сил крикнул:

— Вася! Василий!

Из толпы вынырнули одновременно три мужские головы с взъерошенными волосами и приоткрытыми ртами. Они одновременно крикнули мне в ответ:

— Не?* Что? Не болды?***

Может быть, это и были Васи, но не те. Я со злостью махнул в их сторону рукой. Головы скрылись. Сжав кулаки и сверкая глазами, я крикнул в толпу:

— А ну прекратить орать! Выстраиваемся в очередь! Встали по одному! Заранее готовим деньги и без сдачи! Не отвлекайте продавца!

Во мне забурлил сплав из ненависти и уверенности в своей правоте. И это позволяло мне держаться на ногах. Я поймал благодарный взгляд мамы и мне стало немного легче.

Вдруг я почувствовал чью-то руку на своем плече и тут же обернулся. За мной стоял, покачиваясь, Вася. Это был мужчина лет сорока, сорока пяти трудноопределимой национальности, в помятом комбинезоне бутылочного цвета. Седеющая и одновременно лысеющая голова его была покрыта замусоленной кепкой неопределенной формы. Из его редкозубого рта изрыгались какие-то нечленораздельные звуки вперемежку с отравляющим все живое дыханием.

— Ты пьян, что ли? — крикнул я ему в лицо.

— Нет, — ответил он, отшатнувшись от меня и ударившись затылком об угол стены. — А что, собственно, случилось? Я был в соседнем отделе, помогал разли... расставлять бутылки. Коллеги настоятельно попросили.

Я понял, что Вася ничем сейчас нам не поможет, отвернулся от него и продолжил сдерживать людей у кассы. Касса двигалась, как живая, словно было землетрясение в отдельно взятом магазине. Была уже половина шестого. Люди возвращались с работы и сразу шли в магазин. В это время уже начались перебои поставок хлеба в магазины. Другие же продукты стали постепенно пропадать с прилавков. Только хлеб оставался палочкой-выручалочкой для многих людей, которым нужно было домой принести хоть что-то. Почувствовав на себе эти перебои, люди начали нервничать. Паника росла. И результат этого я видел сейчас собственными глазами. Мне в одиночку справиться с ситуацией было невозможно.

Люди, боясь остаться без этого ценного продукта, превращались в неуправляемую толпу, позабыв про культуру, вежливость и элементарный порядок. Они хватали булки, поднимали их над головой, чтобы не помять, и двигались к кассе. В их глазах читалось желание побыстрее выйти из магазина, но мимо кассы сложно было пройти незамеченным. В отдел заходили новые покупатели, брали хлеб, а выйти уже не могли, застревая в массе ожидающих своей очереди. Вот я и занялся тем, что пытался контролировать поток людей на входе, следил, чтобы никто не уходил, не уплатив за товар.

Я повернул голову к кассе и крикнул:

— Мама, а где твоя помощница, Нурия?

— Она сейчас должна прийти на смену. Ждем машину с товаром. Она будет принимать хлеб. Привезут триста серого хлеба и двести батончиков белого.

Покупатели с тревогой осматривали торговый зал, жадными глазами прошуывая хлебные полки снизу доверху и наоборот. Но, услышав о скором привозе хлеба, немного успокоились и начали выстраиваться в очередь. Мимо окон магазина проехала будка «НАН»*** и остановилась у заднего входа магазина. Одновременно с этим из приемочного отдела выглянуло заспанное лицо Нурии. Продавщице было на вид около тридцати лет. В ее располневшей фигуре угадывалось безмятежное спокойствие и равнодушие к происходящему. Она, протерев глаза и прикрыв ладонью рот, сонным голосом визгливо выпалила:

— Лидия Дмитриевна! Хлеб привезли! Принимать?

---

* Что? (казахск.).

** В чем дело? (казахск.).

*** ХЛЕБ (казахск.).

— Принимай, пересчитай внимательно, прими документы и распишись,— крикнула в ответ мама, не отрываясь от работы.

Я, уже немного успокоившись, скомандовал:

— Товарищи, привезли свежий хлеб! Подождите немного. Сейчас продавец принимает товар. Всем хлеба хватит.

Мне срочно нужно было найти Василия, и я отправился к соседнему отделу. Тот, из-за угла заметив мое появление, наклонил голову и хотел было скрыться в дверях.

— Василий, туру!* — требовательным голосом скомандовал я.

Тот резко развернулся, подошел ко мне вплотную и, вытирая пальцами уголки губ, проскрипел:

— Да знаю я, знаю, что машина приехала. Сейчас вот только товарищам руку пожму...

— Василий! — я грозно придвинулся к нему и схватил его за рукав.

— Все, иду, иду.

Грустно улыбнувшись, он обернулся на закрытые двери соседнего отдела, откуда доносилось звяканье посуды, и облизнулся. Пробираясь между людьми и направляясь к складу, он закричал:

— Ну, где ты там, айналайн**, моя Нуричка? Где ты, стройная ты наша? Давай хлеб принимать, мать...

Приемка хлеба началась энергично, но продолжалась она совсем не долго. Уже через несколько минут из приемочного отдела высунулась голова Васи и, обращаясь к маме, прокричала:

— Командир, товар приняли! Сто штук хлеба и сто штук белого батона. Накладные на столе. Водила уехал в другой магазин. Когда будет новый завоз, не знает.

Услышав это, мама, чуть не плача, пригрозила ему кулаком. Хотя, чему это могло помочь? Вася, конечно, видя такую напряженную ситуацию, мог бы подойти и тихо ей это сказать, чтобы не поднимать волну тревоги. Но, находясь в приподнятом настроении, ему хотелось покуражиться и быстрее вернуться к собутыльникам. Нурия же начала неспешно раскладывать булки по полкам и поправлять ценники. Люди, не выдерживая ее медлительности, стали выхватывать батоны, просунув руки сквозь полки, прямо из ее рук.

Услышав о недопоставке хлеба, толпа с новой силой взорвалась: «Нан жок!***» «Хлеба не хватит!», «Нас обманули!», «Припрятали хлеб себе!», «Будем жаловаться!», «Черствый привезли!». Я понял: все, что было до этого — только цветочки. В воздухе над головами летали искорки гнева. Ко мне присоединился Василий, почему-то быстро отрезвевший. Я поставил его в проходе, а сам направился к кассе на помощь маме. Пробираясь сквозь людей, я услышал за спиной голос отца:

— Сынок! Куда мне идти? Я ничего не вижу.

— Папа, иди к проходу, к Васе. Держите оборону!

Отец, уставший после смены, натянув на брови потертую кожаную фуражку, обрел второе дыхание и рванул в толпу:

— А ну посторонись! Зашибу!

Обладая сильным голосом, он мог перекричать кого угодно. А под хорошее настроение его крик превращался в пение. У него был сильный тенор. Папа много лет выступал в фабричной художественной самодеятельности, был запевалой мужского хора из сорока человек вместе с другим вокалистом по фамилии Соловей. Понимая, что его слова тонут камнями в бурлящем море звуковой какофонии, он мгновенно перешел на пятиэтажный нестандартный лексикон, как на русском, так и на казахском языке. Услышав до боли знакомые выражения, народ немного поостыл, всмат-

---

* Стоять! (казахск.).

** Дорогая (казахск.).

*** Хлеба нет! (казахск.).

риваясь в небритого мужчину, рвущегося в проход. Папа, доплыв до Василия, вцепился в него, как в родного. И они, схватив друг друга за руки, образовали живую цепь, качающуюся в волнах человеческой нервной энергии. Я увидел эту картину и, желая приободрить отца, крикнул ему:

— Так держать, Владимир Ильич!

Папа успел мне кивнуть, не выпуская рук грузчика Василия, как вдруг из центра толпы раздался чей-то визгливый крик:

— Бабке плохо!

Я приподнялся и разглядел, как в центре зала образовалась воронка из десятка согнувшихся спин. Люди сочувственно зацокали языками, выкрикивая советы, как спасти старушку. Ее подхватили под руки, оттащили подальше из эпицентра событий к окну и прислонили спиной к батарее. Когда ей стало лучше, она прижала к груди свежий хлеб, откусила кусочек и, озираясь по сторонам и шмыгая носом, начала энергично шамкать его во рту. Пока все внимание было приковано к спасению старушки, подросток лет пятнадцати неожиданно оказался около кассы. Это был невысокий паренек с растрепанными волосами и в распахнутой рубашке. В его узких азиатских глазах вспыхивал огонек азарта и голод. Он прикрыл батон рубашкой и, стараясь незаметно продвигаться мимо кассы, вдруг резко рванулся и устремился к выходу. Я успел это заметить и крикнул отцу:

— Папа, держи пацана!

Отец быстро среагировал и выставил ногу вперед. Но воришка видать ожидал этого и перепрыгнул через нее. И тут же он на мгновение оглянулся назад, чтобы показать отцу язык. А зря он это сделал. Парень не успел заметить, как из соседнего, винно-водочного отдела, выехала тележка, доверху груженная ящиками с водкой. Беглец на полной скорости наскочил на тележку, перелетел через нее и грохнулся на бетонный пол. Батон вылетел из его руки, пролетел мимо мясомолочного и галантерейного отделов и влетел прямо в зевающую пасть случайно забежавшей собаки. Пес, не растерявшись, мотнул головой и выбежал из магазина, пугая прохожих, но радуя ожидавших его четвероногих друзей. Несколько бутылок водки «Пшеничная» вдребезги разлетелись по сторонам длинного коридора магазина. Такой дезинфекции помещения в этом магазине еще никогда не было. На мгновение все покупатели превратились в зрителей. Я воспользовался этими секундами тишины и спокойно проговорил:

— Товарищи, соблюдайте порядок! Не проходите мимо кассы, не оплатив за товар!

По мере того, как постепенно заканчивался хлеб на полках, у мамы в кассе заканчивалась мелочь. Окидывая взглядом весь торговый зал, она, приподнявшись со стула, обратилась ко всем покупателям:

— Товарищи! Мелочи для сдачи нет. Готовьте, пожалуйста, деньги под расчет. Соблюдайте порядок и тишину.

Люди тут же углубились в свои карманы, кошельки и сумочки. Раскрылись ладони и насупились брови. Люди начали считать и пересчитывать. Кто-то радостно уже зажимал в руке подготовленную сумму, а кто-то растерянно шарил, где только возможно, в надежде найти недостающую копеечку. В очереди было много жильцов этой пятиэтажки, где находился магазин. Люди, живущие по соседству на одной площадке много лет, наконец — то встретились. Послышались вежливые слова и засверкали улыбки. Они перезанимали друг у друга мелочь, обещая сегодня же вечером отдать долг. Но некоторые были в полной растерянности, и в таком состоянии их толпа подносила к кассе.

У кассы, обняв два батона правой рукой, оказалась высокая женщина мощного телосложения. На голове у нее красовалась высокая прическа, из которой торчали заколки. Выгаращив глаза на продавца, она протянула мятую купюру вперед и пробасила:

— Вот мои деньги за товар. Дайте мне сдачу копейка в копейку.

— А помельче у вас нет? — на всякий случай спросила продавец.

— Нет! — язвительно выдавила женщина. — Вы должны иметь мелочь для сдачи, чтобы рассчитаться с покупателем!

— Мелочи было много, но вы ведь видите, что происходит. Люди дают только крупные деньги, и вся мелочь закончилась. Могу вместо мелочи дать, например, спички из расчета, что коробка спичек — это рубль. Возьмете сдачу спичками?

Поддавливаемая толпой то справа, то слева, женщина была похожа на пароход, качающийся на волнах у причала. Люди, окружившие ее со всех сторон, стали возмущаться:

— Да отдайте же вы ей эту сдачу! Что она очередь задерживает! Хоть спичками, хоть птичками, хоть чем!

Продавец, почувствовав, что волнение опять нарастает, крикнула в толпу:

— Кто готов сдачу взять спичками вместо денег, встаньте к кассе, а те, кто хочет получить сдачу деньгами, отойдите в сторону и ждите, когда мелочь появится.

— Почему я должна ждать, — протрубил качающийся пароход, — я и так проторчала в вашей очереди полчаса! Вы обязаны обслужить меня, как полагается. Я буду жаловаться!

На пароход с боков наседали мелкие суденышки, выдавливая его в сторону. К кассе потянулись руки с честно заработанными то сложенными вчетверо, то свернутыми в трубочку, а то и просто смятыми деньгами.

Сверив запасы спичек, лежащие у нее под столом, мама обратилась ко всем:

— Товарищи, учитывая сложившееся положение, буду выдавать вместо двух копеек одну спичку, а вместо рубля одну коробку спичек. Иначе не получается!

В эти дни в торговле были перебои почти на все. И на спички тоже. Проблемы были уже и с зубной пастой, и с туалетной бумагой. Всего и не перечислишь. Покупатели осознали и то, что другого выхода нет, и то, что продавец как-то все-таки пытается решить проблему.

Мама кивнула мне головой, указывая под стол. Я понял, что там лежали коробки спичек. Подошел, достал коробки и начал подавать их ей в раскрытом виде.

Теперь все перемешалось: и бумажные деньги, и монеты, и коробки, и вынутые спички, и чеки. Все это летало, мелькало, шелестело, стучалось, щелкало. Кассовый аппарат, словно живое существо, гудел и скрежетал. Клавиши, как зубы, лягали, пожирая в своей утробе деньги. Чековая лента безостановочно вылетала из узенькой щели, издавая стрекочущие звуки. А мама, как укротительница, нависала над кассовым аппаратом, тыкала в него пальцами, требуя подчинения. Мне показалось, что она разговаривала с ним, нежно похлопывая по корпусу. А я был похож на солдата, подающего из окопа снаряды вверх.

Людской поток ускорил движение. Люди хватали спички, кидая их в ту же сумку, куда и хлеб. С видом победителя они выползали из объятий толпы и, глотая на ходу слюну, устремлялись к выходу. Я, папа и Василий могли немного отдохнуть. Но все же в этой суматохе недовольные голоса продолжали нарастать: «Обманули!», «Обсчитали!», «Недодали!».

Отдохнув у подоконника и набравшись сил, старушка постепенно продвинулась к кассе. Продолжая жевать корочку, она внимательно пересчитала сдачу. Зажав в сухощавой ладошке монеты и подняв небесной голубизны глаза, старушка плачущим голосом произнесла:

— Что же ты, дочка, меня обманываешь! Я все просчитала. Ты мне должна вернуть три копейки, а даешь только одну спичку. А где еще одна?

— Бабушка, — ответила мама — возьмите еще одну спичку и не задерживайте людей.

— Нет уж, дорогая моя. Мне чужого не надо! Я за правду стою, за честность! Ломай спичку пополам и отдай мне половину!

— А зачем вам половина спички? — улыбаясь спросила мама.

— Из принципа, доченька! Из принципа! Ломай, говорю, и дело с концом.

Люди, стоящие рядом, подняли гул, который можно было принять как одобрение честности и принципиальности бабушки.

За старушкой горой возвышался мужчина. Он был одет в черный костюм и белую рубашку, на которой красовался галстук в горошек. В руке он держал пухлый коричневый портфель, застегнутый двумя широкими ремнями. На его голову была нанизана фетровая шляпа до самых бровей. По его щекам и подбородку катился пот, огибая еще не состарившийся рельеф лица. Мужчина достал платок, вытер пот, кашлянул и, четко выговаривая, произнес:

— Позвольте, позвольте! Мне тоже нужна будет сдача в три копейки. И что же, извольте мне ответить, я получу? Полторы спички?

— Другого выхода нет, товарищ. Я разломаю спичку пополам и каждому дам по полторы спички, если вам так угодно — ответила мама, едва сдерживая улыбку.

Из толпы подал голос Вася:

— Мужик! Ты что копаешься? Тебе полторашку и старухе полторашку. И все довольны! Двигай корпусом на выход. Как Днепрогэс, перегородил здесь народный поток. Дышать уже нечем.

Старушка, быстро сообразив, что к чему, протянула руки к продавщице и протаторила:

— Давай, дочка, быстрее спички мои. Но мне половинку спички с головкой. Мне с головкой, так как я раньше его подошла.

Мама поломала спичку и протянула ей одну целую и половинку с головкой. Старушка быстро засунула спички в карман кофты, надгрызенную булку кинула в сумку и, прихрамывая, засемила вперед.

Мужчина, зажав свою огромную ладонь со спичками, округлил глаза и завизжал фальцетом:

— Это что же получается? Меня обставили? Этой старухе с головкой, а мне без головки? Я требую справедливости и уважения к покупателю!

Мужчина, надувая щеки, взметнул вверх руки и затряс ими. Портфель навис над людьми, как топор палача. Шляпа с головой затряслись от возмущения. Мужчина стал похож на горную вершину при землетрясении.

— Я найду на вас управу,— загрохотала вершина, не упуская из виду удаляющуюся старушку.

Вася, держась за живот от смеха, прыснул:

— Мужик, ты сперва со своей головкой разберись. Каждому по головке не получится! Тебе достался холостой патрон! Старуха, ковыляй быстрее, а то эта гора тебя сейчас раздавит!

Весь хлебный отдел взорвался от хохота. Мужчина, расстегнув пиджак, пустился вдогонку за старушкой:

— Товарищ бабушка! Бабуля! Остановитесь! Давайте найдем компромисс. Я хочу вам предложить...

Что хотела предложить эта горная вершина в шляпе пожилой женщине, мы так и не узнали. Нам было уже не до этого. Потому что Нурия, высунувшись из-за занавески и поправляя прическу, рывкнула на весь зал:

— Машина приехала! Хлеб привезли!

И все, находящиеся в зале, разом грохнули: «Ура!», «Победа!». Все начали жать друг другу руки и обниматься. Нервное напряжение мигом спало. Вася обнял моего отца и начал его целовать, вытирая слезы.

Мама, защелкнув кассу, сказала:

— Нурия, садись за кассу. Я сама хлеб приму.

Устало облокотившись на стол, она выдохнула:

— Выручка сегодня будет что надо!

Мы с папой быстро направились к запасному выходу помогать маме и Василию в выгрузке долгожданного хлеба. И только тут я вспомнил о записке, которую должен был написать папе.

— Пап, а как ты узнал, что нужно срочно ехать сюда на помощь?

— А мне позвонил мой товарищ по хору, Соловей. Он в этом доме живет. Он зашел за хлебом, увидел то, что здесь творится и сразу позвонил нам домой. Хорошо что меня не перевели сегодня на вторую смену.

Мы закончили с выгрузкой, подождали, когда мама переоденется, и отправились все вместе домой. Горячая смена закончилась. Но завтра все это могло опять повториться. И уже в троллейбусе, как бы очнувшись, я спросил:

— Мама, а ты домой-то хлеб взяла?

Ответом была нежная и усталая улыбка.

Максим Живетьев
(г. Иркутск)

Родился в 1983 г. в городе Иркутске. Окончил биолого-почвенный факультет ИГУ и Институт высоких технологий ИРНИТУ. Кандидат биологических наук, главный редактор Литературного журнала для молодежи «Азъ-арт», член Союза писателей России. Публиковался во многих альманахах и журналах.

С ВИДОМ НА БАЙКАЛ

Капиталина Васильевна сидела за кухонным столом, подперев щеку рукой, и смотрела в окно, за ограду, на Байкал. Никого она не ждала в это утро. Конечно, где-то на задворках души она и хотела, чтобы порадовали ее неожиданные гости, но так было тяжело шевелиться лишний раз, что и не надо, гостей, не надо.

На крыльце послышалось чье-то грубое шарканье.

— Проснулся, алкаш? — язвительно бросила она, терпеливо дождавшись, когда дверь отворится.

На пороге показался сын.

Она посмотрела искоса и презрительно отвернулась.

— Есть не буду.

Она и не ждала.

— Конечно. Опять вчера с Генкой кочегарили. Молока хоть попей.

— Нет, молоко не идет. — Он отхлебнул из ковша воды, — пройдусь.

— Снова в магазин побежал?

— Мать! Ты опять? — разозлился Сашка.

— Шуруй к себе. В каморку свою. Зачем пришел!

Сашка из вредности дошаркал до холодильника, нагреб квашеной капусты и молча вышел.

Капиталина видела, как сын прошел под окнами. Проводила его, осунувшегося, постаревшего, строгим взглядом до калитки и тяжело встала из-за стола. Доковыляла до печи. Налила трясущимися руками чаю. Размочила хлеб. Постояла, о чем-то о своем подумала и пошла на огород.

В обед из города приехал племянник.

Она сетовала, что не наготовила:

— А чего. Этот се равно ниче не ест. Тока пьет. А я чаю. Сейчас картошки пожарю. Как мать? Чего не приезжает? Сто лет ее не видела.

— Работы много. Да и я на пару дней только.

— Хоть так. Сашку-то видел? Спит, поди?

— Да, спит.

— Вот построил себе летнюю кухню и живет там теперь, чтоб меня не видеть. Проспится — поговорите. Он тебе опять рюмку нальет. Тока ты не бери!

— Ладно.

— Вот помру я — как жить будет... И вы в городе. Хорошо, ты иногда приезжаешь к нам, на Байкал.

— Исключительно ради Байкала,— не отпирался Костя.— И в гости заодно.

— Хоть повеселишь бабушку. Я, конечно, иногда выхожу за ограду. Теперь с палочкой: ноги-то не ходят. Посидим, бывало, на лавочке, со стариками. Молодежь у них вся в институт поступила. Поди там, в городе этом, и останутся. А мы тут доживем как-нибудь. А что потом будет — даже думать боюсь.

— Застроят все... под дачи, небось.

— Пока не застроят. Не дадим. Вон вчера у нас сход был. Так говорят, Зойка всех больше орала. Страшала, что по ночам палить будем — и китайцев, и прочую нехристь. Пока наши старожилы тут — никого нового не будет. У нас семей-то осталось всего ничего... Вон только ненадолго все это. А потом — живите, кто хотите.

— Хоть потоп,— попробовал пошутить Костя.

— Эх. Да что я все о нас. Ты как? Куда ездил опять? Рассказывай.

Костя оживился:

— Все как всегда. В Москву летал. На конференцию по экологии города. Там один ученый мегаполис сравнивал с городом Молохом, который питается человеческими жертвами. Дескать он, мегаполис этот, поддерживается за счет постоянного притока населения из деревень, но в седьмом поколении горожане все равно вымирают. Так одна москвичка возмутилась: она, видите ли, тут живет аж в одиннадцатом поколении — так что его теория вроде как не работает. «Как это не работает,— докладчик улыбнулся.— Это ж статистика: кто-то вымирает уже в третьем поколении, а кто-то в одиннадцатом. А в среднем все равно получается, что в седьмом». Вот такой любопытный был случай.

— Возили нас разок в качестве передовиков села в Москву. Новые сапоги оттуда привезла,— баба Каппа мечтательно посмотрела в окно.— Хорошие были сапоги. Удобные. Я их даже на покос брала.

— Был доклад про то, как парки в Москве заселяют улитками, лягушками и прочей живностью, а потом их генетическое разнообразие уменьшается, и они постепенно вымирают. И через четыре года город снова закупает новую партию. «Чтобы жители верили в то, что с экологией у нас все в порядке!» — раздался у меня за спиной громкий комментарий в самый разгар доклада.

— А знаешь, мы на покос далеко ходили по молодости, в падь Сенную. Туда топать часа три. Потом пока накопишь. А подсохшее сено по мешкам и сюда на себе прешь. По тропам да уступам. Лодки у нас тогда не было. Теперь ноги не ходят. Трудились много. Я же в детстве-то жила в степном районе на том берегу, в колхозе. Паспортов тогда не полагалось. Как в рабстве. Один был способ уехать — замуж выйти. Вот так я тут и оказалась. Думала: вырвалась на свободу. Теперь, бывало, сижу за оградой, а прохожие спрашивают: как ты, бабка, сюда попала. Отвечаю: с тюрьмы бежала, да на каторгу попала. Они удивляются: как это может быть. А вот так и было. С колхоза, да сразу в тяжелую деревенскую жизнь. А ты слушай: я тебе еще и не такого понарасказываю. Пошли за стол!

— Ой, баба Каппа, я ж гостинец привез: чай индийский.

Она попивала крупнолистовой круто заваренный чай, подбеленный молоком, и приговаривала:

— Зерно собирали, и потом — в свою очередь — ходили его на мельницу молотить. Работали и так вот приговаривали: «С миленочком на мельнице мололи толокно. У миленочка под мельницу трусy уволокло». Или еще чего пошибче. И работалось легко. Или такое: «Я на пенсию пошла. Немного приделался. Отдохнули руки-ноги — деда захотелось». А ты ешь, ешь.

После ужина Костя убежал гулять на Байкал. Миновал поселок. Перешел по замшелой досточке через речку-ручеек с черной прозрачной водой и оказался у кладбища. Мимо не смог пройти, будто позвал кто, и зашел за покосившийся забор.

Вот зажиточные Вещевы лежат, вот суровые сибирские Суворовы... А вот рядом мраморные надгробия Максимовых... Три семьи... как три вехи...

— Так ведь запретили у нас хоронить — зона, вишь ли, санитарная... — вспомнил он голос Капитолины Васильевны, — и заповедник тут.

С черного надгробья ясным взглядом смотрел на него высеченный портрет Василия Суворова: добрый, стальной и сильный взгляд.

— Зона санитарная, — ухмыльнулся Костя и подумал: — да не зона... подождут немного и можно кладбище сравнять, и дома будут новые... с видом...

В глубине души Костя надеялся, что он ошибался.

«Вот как мы живем? Чем свою жизнь меряем? — задумался вдруг Костя и подпер собой кладбищенский забор, выкрашенный голубой краской. — Работой? Должностями? Тряпками? Домами? Или что о тебе потом на поминках хорошего вспомнят? Чем? Чем можно эту жизнь измерить? И никто тебе этого не скажет, в чем он, этот загадочный смысл жизни. А если вдруг и скажет, даже если красиво сформулирует — все одно глупо и неправильно покажется.

Костя дошел до воды и присел на берегу: «А может тем, что ты для этого мира хорошего сделал? О чем даже и не вспомнит никто? А оно, дело твое, останется?»

Бойкая волна докатилась до его ног и отпрянула восвояси.

Откинув невольные думы, Костя расправил плечи, снял рубашку и пошел купаться в ледяной байкальской воде.

ЧУМА В СТАНИЦЕ

Бабы на базаре шушукались, перебирая тряпье:

— Чума идет, вчерась слыхала. В соседних селах уже мереть начали, не ровен час эта пакость к нам явится.

— Ты чего, Марфа, брешешь. Мой вчера оттуда приехал, ничего такого.

— Просто насупился и сидит весь день и молчит. Ты ж сама сказывала. В глазах тоска, а когда ест, замрет, задумается. Только ложка в руке дрожит.

— Молчит он, конечно, молчит. Боится даже заговорить об этаким безобразии. У вас, как-никак, шестеро по лавкам и вон с животом Аля ваша. Без слез теперь и не взглянешь.

— Богатый двор, жаль будет, если выкосит такое богатство под корень.

— Тьфу на тебя, скажешь тоже.

— Посторонись, бабоньки! — через толпу пробирались казаки на конях.

— Хоть бы спешились, окаянные.

— Христа на вас нету.

— Митяй, и ты тут. Принесла нелегкая.

— Ой, проказник. Опять сегодня на кого глаз положишь. Гарцует тут.

— На тебя и положу, чего выбирать, — Митяй картинно подкрутил рыжие усы, залихвацки подбоченился и гаркнул так, что весь базар слышал: — Садись, подвезу.

— Да ну тебя.

— Какой охальник. Нет чтоб Анютку нашу уважить — вон глазки потупила. И не отворачивайся, дура. Стесняется она.

— Анька у нас святая, не трожь.

— Ой, Митяй. Никак застыдился? — бабы прыснули.

— Мы на заставу опаздываем, — сурово напомнил Аглай.

Приторное беспокойство повисло над заставой.

— Митяй, слышал, что говорят: чума.

— Ты больше слушай. Бабы сплетни.

— А что если не сплетни,— посерьезнел Аглай.— Тикать надо отсюда, пока не поздно. Всем тикать.

Митяй сжал зубами соломинку, помедлил и выплюнул:

— От смерти не убежишь. Все равно наступит.

Утром через заставу проходил обоз из города. Стеклянные банки, тюки, дети — все спешно погруженное по телегам бесформенными горами. На перепуганных лицах затаилась надежда.

— Куда? — спрашивал хмуро, но подчеркнуто беспечно Митяй.

— Куда-нибудь за Урал. Так надежнее.

— Хм. Ну-ну,— говорил Митяй в ответ.

Поодаль на краю дороги стояли два купца и переговаривались.

— Ты теперь куда путь держать станешь?

— Да со всем семейством в Сибирь, на промысел пойдем — что поделаешь.

— Верно, а я своих увезу, а сам вернусь. По делам. Как раз все уляжется.

Вечером Митяй сидел за столом и размеренно пил квас из деревянной кружки, по обыкновению смакуя каждый глоток, когда дверь распахнулась и в комнату вбежала Анютка.

Митяй аж привстал:

— Ты как тут взялась?

— Батька, мамка сегодня чумой заболели. Помоги, Митя! Спаси! — Анютка обняла его робко и крепко.— Я боюсь! — Нет, она не заплакала, но тело ее сотрясилось, будто от безудержных рыданий.— Я к тебе пришла.

Она все решила, и только робость и трепет выдавали ее вопрошающую надежду. И эта безграничная доверчивая мольба во взгляде больших карих глаз и несдерживаемый восторг щенячьей преданности. Они дурманили.

— Увези меня отсюда. Пожалуйста. Я знаю, ты можешь! Только ты один.

— Постой, Анют, а как же дочерний долг...— попробовал образумить ее Митяй.

— Нет, не могу я больше тут оставаться — страх за себя сильнее. Хоть секи. И не уговаривай. Я с тобой хочу. Не могу я больше оставаться в чумном этом месте. Не сможешь — так одна убегу в лес. Только знаю — ты не такой, ты сможешь.

— Пойдем,— тихо сказал Митяй.

Утром Аглай зашел в комнату, взял в руки недопитую кружку кваса, внимательно осмотрел ее, будто что-то пытаясь прознать, и пошел к привязи.

Коня Митяя на месте не оказалось.

Оттиски копыт были глубокие — вдвоем на одном скакали, но не спешили, и в русле ручья след потерялся.

— Вот хитрец! Знает, что нельзя. Ну хоть бы предупредил. Что я — не человек?!

На видном месте Аглай заметил аккуратно привязанный ремешком к кусту кисет с вложенной люлькой — его давний подарок Митяю. Табака в нем не было — его Митяй весь пересыпал в карманы и взял с собой, чтоб потом скурить.

— Не смог не попрощаться,— улыбнулся Аглай и добавил, пристально смотря на ветку: — Извинения приняты. Не ровен час на заставе и не такой беспорядок начнется.

На подъезде к заставе Аглая разбил кашель.

Аля долго не открывала ворота. Наконец подошла:

— Что? Да хоть повалите их — не открою. Чума у нас в хате.

— Дочка, открой.

Перед ней стоял батюшка Серафим:

— Есть кто живой?

— Нет никого. И отец не ровен час преставится.

— Причаститься? Исповедаться?

— Нет. Сами позовем, если попросит.

— А мы церковь новую строим. Все, кто живые есть. Вот построим и спасемся.

Имени святого исцелителя Николая...

Аля не дослушала и захлопнула ворота. Пошла к отцу.

Он был уже совсем плох. Даже не метался и не харкал кровью и гноем. А только спокойно и истощенно лежал. Обманчиво казалось, что ему становится лучше.

Аля подошла, присела рядом, тронула за рукав.

Батя устало открыл глаза и шевельнул губами.

Дочь наклонилась, чтоб разобрать, что он шепчет.

— Аля, сознайся, кто. Мне легче будет.

— Митяй, — сжалилась Аля.

— Я знал, — попробовал улыбнуться отец.

— Не думала, что когда-то скажу тебе.

— Ты у меня умница. Все будет хорошо.

И он умер. Аля перекрестилась, взяла лопату и пошла во двор.

Анютка с Митяем далеко забрались в лес. Разожгли костер. Сидели возле него, грелись, рассуждали как жить будут потом, после чумы. Митяй скрутил волглый — уже пожухлый, но все еще мягкий на ощупь — крупный лист березы, набил табаком, дымил, а Анюта прижималась к нему и понимала, что вот оно, счастье, тут, рядом. И больше никого ей не надо. Митяй не противился. Ему было хорошо.

На третий день к вечеру вдвоем они сидели у костра в глуши, у самодельного жердяного шалаша, наспех выстланного ветками, и пили свежий травяной чай, потягивая его, горячий, шумно и с наслаждением. Теплый ветер чуть шевелил листву, конь, привязанный поодаль, переминался из стороны в сторону и обгладывал с близстоящих деревьев листья. Аня покраснела вся, на лбу выступил пот, глаза озорно поблескивали. Митяй смотрел на потрескивающий костер, мельком подумал о том как утром сходит и осмотрит расставленные на зайца силки, улыбнулся в усы. Посмотрел на Аню: та была как в лихорадке и судорожно ему тараторила о том, как безумно его любит и что было бы здорово завтра ни свет, ни заря сесть на коня и скакать куда глаза глядят.

Митяй пристально посмотрел в широко раскрытые глаза Анютки. Такие милые и живые с многочисленными отблесками костра. Он отказывался верить в то, что чума все-таки настигла их. Поцеловал. Анютка горячо его обхватила за плечи, потом за пояс и судорожно повлекла под жердяной навес. Митяй поддался и растворился в приятном женском тепле.

Утром он никуда не пошел. Сидел возле Ани, которую то колотило, то она рвалась к нему, то вырывалась и бежала домой, к родителям, и Митяй догонял ее и уволакивал снова в шалаш, или садил к костру, поил чаем и ее, и себя. Она то бледнела, то серела, то неистово кашляла, то снова розовела и завывала на весь лес. Он не спал возле нее несколько ночей. Наконец она вдруг забылась и вроде бы уснула.

Митяй сходил до силка, принес зайца. Наклонился над трепыхающейся Аниной грудью. Живая. Облегченно выдохнул и стал остервенело сдирать шкуру с зайца. Было жарко. Закопал тушку в остывающие угли. Стемнело. Звезды металась по небу странным неистовым водоворотом. Ему показалось, что Аня уже мертва, и он в приступе отчаяния стал бегать по лесу, кричать, звать на помощь, и ругать себя. Понял, что руки горят, обожженные в углях, пошел до ручья. Не дошел, упал и забился в чумном припадке. Метнулся назад, к Ане, к закопанному кролику, откопал, вцепился

зубами в сырое мясо. Съел. Остервенело грыз кости, хрящи, сухожилия. Потроха и шкурку — съел. Стало вдруг холодно и хорошо. Сознание затуманилось и глаза тяжело закрылись.

Вскоро Митяй вернулся на обезплодевшую заставу. Над крышами домов возвышалась новехонькая деревянная церковь. С минуты полюбовался. И пошел до нее молиться.

Миновал кладбище со свежими березовыми крестами, приблизился к крыльцу. Встретил на пороге отца Серафима. Тот его по-отечески обнял и ничего не стал говорить.

— Она умерла. Я ее пытался выходить, но она все равно умерла. Когда я в лесу сам пришел в себя от болезни, она, ее тело, смиренно лежало рядом.

— Зайди, помолись за нее. Свечку поставь. Как ее звали?

— Аня.

— За рабу Божию Анну.

Помолчал и добавил:

— И за исцеление Господа поблагодари.

Алю он узнал со спины. Она стояла у столика с восемью зажженными свечами и молилась. Он поставил рядом свою. Одну. И они вдвоем долго молча стояли, смотря на образа.

— Митя, пошли домой,— сказала Аля, когда они, наконец, посмотрели друг на друга.

Покинули церковь молча. Отец Серафим перекрестил их со спины и пошел ужинать.

— Я самовар завела. На шишках сосновых. Чаю попьем. Я пироги напекла,— улыбнулась Аля и, придерживая низ живота, сдержанно добавила:

— А тебе, Митяй, роды, чую, придется принять: рожаю я.

— Шутишь?

— Чего так побледнел-то? Не шучу. Вот и чай горячий пригодится.

Ирина Соляная

(г. Калач, Воронежская область)

КОРОЛЕВСКАЯ ЩЕДРОСТЬ

Соляная Ирина Владимировна, юрист, кандидат юридических наук. Публиковалась во многих журналах и альманахах. Дипломант и финалист литературных конкурсов. Победитель Северозападного регионального форума-фестиваля поэзии и литературы малых форм «Капитан Грэй» в номинации «Проза», г. Мурманск, 2020 г.

Любаня Павлова смутно помнила брата и стыдилась, что облик Петруши стерся в ее воспоминаниях, но помалкивала. Как признаться в том, что не помнишь проводы брата на фронт? Он ушел после выпускного вечера, а возвращался орденоносцем, участником Парада Победы. Восьмилетняя Любаня верила, что одного страшного письма об отце, пропавшем без вести, для Павловых предостаточно, и потому гордо показывала всем знакомым весточку от Петруши: «Он написал, что придет в июле! Уже июль!» Старшая Анютка показывала единственное фото брата, но почти стертое, плохо различимое.

Младшая Катюшка родилась в сорок втором и брата не видела вовсе, но ждала, как и все Павловы. Ведь Любаня рассказала столько историй о былинном богатыре и его волшебном мече-кладенце, рубившем головы фашистскому войску!

Каждый день Любаня и Катюшка гнали козу на косогор. Пока паслась их кормилица, Любаня вязала пуховые варежки и рассказывала сестре сказки, а Катюшка высматривала, не пылится ли на горизонте грунтовая дорога. Все восторженные ожидания им испортил Семка Кривонос. Он вернулся в Малыхино за две недели до Петруши. Со станции приехала телега, заваленная трофейными чемоданами, а сверху громоздился румяный Семка, растягивавший зеленые бархатные мехи гармошки. Мотя бежала к нему с цветами, Тимофеевна плакала от счастья и семенила следом на ватных ногах. «Ну, Катюшка, не горюй,— сказала Любаня,— наш Петруша придет как герой, в кольчуге и в серебряном шлеме. Верхом на белом скакуне. А седло бисером расшито». Анютка посмеивалась над Любаней, качала головой. Василек хмыкал: «Придумщица».

Петруша пришел со станции пешком за полночь, Павловы уже спали. Загремел в сених, затопал ногами. Мама вскочила с лавки, не успев даже шаль на плечи набросить. Высокий, светловолосый, загорелый, пахнущий махоркой. Ни кольчуги, ни меча. Только вещмешок и хрусткий офицерский планшет.

Любаня провисела на шее брата до утра — не оторвать, и не заметила, как и когда уснула. Утром, когда старшие ушли на колхозное поле, она перемыла посуду, а козу привязала у обглоданного палисадника, хотя та и показывала свою обиду.

Вернувшись в горницу, Любаня украдкой рассматривала брата. При свете лучины вечером что увидишь? А теперь она примечала все: белый узкий шрам под носом, резко очерченные губы, выбритые виски и белую полоску кожи из-под воротника гимнастерки.

Все Павловы, кроме Катюшки, были похожи на отца: узкие в кости, тонконодые, белокурые. А младшая — вылитая мать, черноволосая, курносая, пухлогубая. Только смоляные кудри малышки украл тиф.

Брат заглянул за цветастую занавеску. Там на койке спала Катюшка. Брат вытянул из подушки утиное перышко, пощекотал курносый носик и разбудил сестру.

— Ну, здравствуй, Катерина Мефодьевна! — широко улыбнулся он.

Катюшка натянула на нос лоскутное одеяло и испуганно смотрела на незнакомца. Петруша нисколько не смутился, а ловко вытащил сестренку и стал подкидывать к самому потолку, пока она не лягнула его голой ножкой.

— Ох, и худая! Видно, только сныть и лебеду ели! Не ноги, а лапки лягушачьи, — Петруша засмеялся и усадил сестру на кровать.

— Это она после тифа. И не разговаривает совсем, только иногда смеется или плачет, — обняла Любаниа хмурую сестру.

— Ну, косы — дело наживное, вырастут, и станет наша царевна-лягушка Катериной Прекрасной, — смущенно провел ладонью брат по обритой головке.

Когда все прибежали на обед, Петруша достал из вещмешка два свертка белого и оранжевого парашютного шелка. Анютка подхватила невесомую ткань и закружила по горнице, напевая: «Хочу пышную юбку! Как у королевы!» Мама удивленно пожала плечами: «Желто-горячий. Откуда такой?», а Петруша засмеялся: «С сигнального парашюта». Мама отобрала ткань и строго сказала: «Если с умом, без этих ваших «солнце-клеш», то здесь на три платья хватит, и Катюшке на рубашку». Любаниа с Анюткой вздохнули, но согласились.

— А мне? — спросил Василек и покраснел, он считался в свои пятнадцать лет взрослым.

Ему достался красно-синий офицерский карандаш, заточенный с обоих концов.

Катюшка ждала очереди и сопела в углу. Петруша протянул ей жестяную банку с леденцами. С голубой крышки улыбалась лупоглазая кудрявая блондинка, а внутри лежали рядами круглые цветные леденцы. Катюша отковыряла одну и сунула в рот. Не зная ничего слаще ревеневого киселя, девчушка скривилась от приторного вкуса и выплюнула конфету на ладошку. Все вокруг засмеялись, а Катюшка неожиданно заплакала и спряталась на койке за занавеской.

Мама, не слишком обращая внимания на ее слезы, дала всем по липкому леденцу и спрятала жестянку в карман фартука. Петруша взял Катюшку на руки, прижал к плечу и, поглаживая по спине, вышел из избы. Они дошли до колхозной конюшни и вернулись довольные и примирившиеся, словно у них появился какой-то общий секрет.

На следующий вечер, когда Любаниа с Катюшкой гнали козу с косогора, Мотя Кривоносова окликнула их. Она собиралась на вечерки, потому нарядилась в новое полосатое платье с блестящими пуговками, а в толстую косу вплела алую ленту.

— Ну, что? Пришел братушка?

Катюшка радостно закивала, а Любаниа собралась простодушно выложить все, как на духу, и про карандаш, и про обещанные шелковые платья, как Мотя хмыкнула.

— Знаю-знаю. Видали вещмешок пустой. Консервов-то хоть привез?

— Каких консервов? — спросила Любаниа и покраснела до самых кончиков волос.

— В металлических банках! — с торжеством в голосе сообщила Мотя.

— А вот и привез! — неожиданно для самой себя выпалила Любаниа, — даже конфеты в консервах! Одну конфету можно целую неделю сосать, и она все равно сладкая! Вот!

Катюшка не могла поддержать старшую в споре, а потому высунула язык и зашагала в сторону калитки, а Любаниа заспешила следом, таща за веревку козу. О насмешках Моти Любаниа никому не рассказала — что взять с глупой соседки? У нее одни наряды на уме, да пляски под гармошку. А все равно Анютка и стройнее, и кра-

сивее, ей бы платье... Хотя бы и желто-горячее, из парашютного шелка, на платье не написано же из чего оно!

На закате закрапал дождик, размочил глинистую дорогу, прибил жару, и усталая после работы, но неугомонная Анютка тоже убежала на посиделки. Мама тревожилась, потому что семья ужинала без Петруши. Любаня шепотом спросила, когда же мама начнет кроить яркий парашют, но та была расстроена и лишь рукой махнула. Тогда сестры пристроились у керосинки и погрузились в потрепанную книжку сказок. Василек штудировал геометрию, по которой был оставлен на осень. Тикали ходики, навевая сон. Дождь перешел в ливень, и уже на окнах чертил дорожки. Вымокшая до нитки Анютка забежала в избу.

— Что-то ты быстро обернулась,— заметила мама.

— Плохие дела у Кривоносовых. Мотя только пришла на вечерки, как ее участковый вызвал. Что-то Семка натворил. Федул-почтальон заявление написал.

— А Петруша где?

— Не видала.

Больше от Анютки ничего не добились, она вытирала полотенцем потемневшие от дождя русые косы и отговаривала беспокойного Василька бежать к соседям. Мама у окна вздыхала, словно чувствовала, что беда Кривоносовых коснется и Павловых. Наконец дверь отворилась, и вошел старший сын. Сняв тяжелый промокший пиджак, он сел за стол и тихо сказал: «Я из сельсовета». Катюшка забралась к нему на колени, а мать придвинула сыну подогретую миску с затиркой. Малышка разевала жадный рот, и каждая вторая ложка отправлялась ей, пока мама не прикрикнула. Все ждали, когда Петруша расскажет все сам.

— Иди-ка спать, царевна-лягушка! — легонько хлопнув сестру пониже спины, Петруша повернулся к матери.— Кривоносос сидит под замком в сельсовете. Из-за письма.

— Оказывается, не соврали про Федула,— протянула Анютка.

— Вот черт хромой! — всплеснула мать руками.

Оказалось, что почтальон Федул отнес «куда надо» письмо фронтовика Кривоносова фройляна Бонке в Штутгарт. И завертелось! Семка когда-то вывернул карманы у пленного немецкого солдата, нашел там портсигар, фотографию и письма от немецкой невесты. Умолчав о бессмысленном трофее, Сема привез его в Малыхино, как говорится, «до кучи», а потом взял да и написал письмо немочке: «Не ждите своего Ганса, мы наголову разбили поганые фашистские орды и водрузили над побежденным Берлином красный советский стяг».

— Не для детских ушей! — грозно посмотрела на всех мама и отправила спать.

Дети затихли, только Любаня прислушивалась к негромкому разговору, все больше наполняясь неясным смутением. Вокруг еле горевшей керосинки витали косматые страшные тени.

— Сынок, я прошу тебя, отойди в сторону,— тихо сказала мама, и Любаня удивилась ее странному тону,— ты не знаешь, какие это люди, Кривоносовы. Пусть Тимофеевна сама с Федулом решит, по-бабьи.

— С Федулом уже поздно говорить,— немного помолчав, решительно ответил Петруша.— Семка — фронтовик, после контузии. Я его не оставляю. Завтра уполномоченный придет. Я хотя бы с ним перетолкую.

— Ну, ради меня, сынок, не надо! — мама положила ладонь поверх его ладони, стараясь убедить, уберечь,— нам еще отца искать. У нас своя беда, у них — своя.

Взрослые еще что-то бормотали, но так тихо, что Любаня не расслышала, хоть даже шею вытянула из-за занавески. Наконец они загасили керосинку и отправились спать, но мама еще долго всхлипывала на лавке.

Наутро Петруша ушел в сельсовет, а к Павловым прибежала воющая Тимофеевна с чемоданом трофейного барахла. Мама стояла у двери, широко расставив ноги, уле-

рев руки в боки. Любания никогда не видела ее такой рассерженной. Катюшка смотрела на соседку поверх кружки разбавленного козьего молока.

— Твой Петр коммунист, вон вся грудь орденами сверкает. Вам чего бояться? А за моего дурачка кто заступится? Кто? — Тимофеевна падала в ноги, выла. Ее цветастый платок сбился на затылок, обнажив седые косматые прядки.

— Забудь сюда дорогу! Забирай свое добро! Вон из избы! — мать сердилась и рукой показывала на дверь. Любания почувствовала, что мама не только сердита, но и не меньше соседки напугана.

— Посмотри на детей, голые и босые! — Тимофеевна утерла слезы и подвинула чемодан к ногам мамы, — мне не жалко ничего, бери хоть все. Хочешь, иди ко мне в избу, выбери, что надо тебе. Только пусть Петр поможет!

Из-за печи вышел Василек и волоком вытащил чемодан за ручку на порог. Следом вышла завывающая Тимофеевна.

Стараниями Петруши Семку вскоре отпустили. Непутевый дурачок два дня отлеживался дома, а на третий шустрая Тимофеевна отвезла сына в областной госпиталь. Через неделю, когда соседи устали чесать языками о Семке, Петрушу неожиданно вызвали в военкомат.

Он быстро и хмуρο собрался, перецеловал всех и посмотрел на маму долгим взглядом. Когда за ним закрылась дверь, Василек ляпнул:

— Если бы его из-за Семки, то в милицию бы вызвали или в НКВД...

— Ишь, умник! — хлопнула мама Василька по спине полотенцем, — слова-то какие знаешь! Языком не трепли!

Но сама не выдержала и закрыла лицо ладонями. По Петруше заплакали в три голоса, а Любания обнимала ничего не понимающую Катюшку и держалась. Только когда мама ушла на ферму, слезы полились сами. Даже, как казалось, навсегда замолчавшая после болезни Катюшка четко произнесла: «Беда!» и уткнулась носом в плечо сестре.

Радоваться ли тому, что малышка заговорила? Сказать маме или нет?

До позднего вечера в избе царил тягостная тишина, изредка прерываемая скрипом двери. Это Василек мотался к кособору, пока мама не пригрозила ему всеми небесными карами.

Наутро, едва старшие ушли на прополку колхозного поля, Любания с Катюшкой погнали обиженную козу на пастбище. Бог знает сколько дней бедная животинка объедала скудную траву перед двором, а теперь резво трусила впереди девчонок как собачонка. Всегда хмурая Катюшка улыбалась странной, счастливой улыбкой. Любания прикрикнула на нее, копируя маму, потом неожиданно опустилась на землю и горько-горько заплакала. Катюшка обвила шею сестренки тонкими, почти прозрачными ручонками и что-то залепетала, потом стала дергать за плечо, а когда Любания отмахнулась — сдернула косынку с ее головы. Сквозь мокрые ресницы Любания посмотрела вдаль с кособора. По грунтовке пропылил грузовик и остановился возле избы Павловых. Силуэт мужчины, спрыгнувшего с кузова, узнала даже Катюшка. Любания заметалась под чахлыми яблоньками, наспех привязывая козу. Поволокла Каюшку за руку, а потом и вовсе посадила себе на спину и, ожесточенно пыхтя, обзывая сестру толстухой, побежала к своей избе.

Петруша готовил тюрю в большой плошке. Он засмеялся, встречая чумазых и запыхавшихся сестер.

— Кто это такие? Кажется, Золушка и Царевна-Лягушка пожаловали?

Любания и плакала, и смеялась одновременно. Она увидела свое чумазое лицо в осколке зеркала над умывальником и смутилась. Потом умылась и села на лавку рядом с братом. Ей и в голову не пришло побежать за старшими на поле. Катюшка немедленно вскарабкалась к Петруше на колени. Брат прижимал к себе ее бритую голову.

— А я подарки привез. От королевы. Знаете, в Великобритании живет королева Мария, а правит ее супруг — Георг четвертый,— сказал он шутливо, когда девчонки немного успокоились. Доверчивая Катюшка таращила глаза, а Любаня подозревала подвох.

— А как же милиция? — робко спросила она, шмыгая носом.

— Да не был я в милиции! — поднял брови Петруша,— в военкомат вызывали. Всем офицерам-участникам Парада Победы королева Мария прислала посылки. Прямо из Великобритании. А я не получил вовремя, попал в госпиталь, когда рана открылась... Вот посылка и нашла меня.

Петруша кивнул на огромный ящик возле окна, который сестры в спешке не заметили.

— А что там? — робко спросила Любаня.

— Разное. Шинель из сукна, костюм штатский, ботинки, всякие отрезки материи. Но главное — там подарок для Катюшки.

— Разве королева знает о нашей Катюшке? — с сомнением посмотрела Любаня, но у сестры уже заалели щеки, и она захлопала в ладоши со всей энергией, на которую была способна.

Петруша ссадил сестру с колен и вытащил из ящика что-то белое, невесомое. Это были детские носочки, отороченные по верху вязаным кружевом. Катюшка вертела их в руках. Она никогда не видела ничего подобного. Петруша поднял палец вверх и сказал:

— Придется помыть лягушачьи лапки. Ради такого дела...

Вскоре Катюшка ехала на шее у брата, свесив тощие ножки в бесполезных, но невыносимо великолепных носочках. Ее глаза искрились улыбкой, пальцы сжимали ворот гимнастерки брата, а губы лепетали: «Не беда, не беда».

Евгений Асташкин

(г. Омск)

МУСОРЩИК

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

1

Лешкина мать на старости лет пристрастилась навещать мелких торговк-дачниц, занимавших металлический стол близ местного продуктового магазина. За столом умещалось всего два-три человека. Кроме овощей порой выставлялись разно-солы в разнокалиберных баночках.

В этом городском закутке никто никого особо не зазывал в гости, поэтому мать была рада и такому уличному общению. Для нее всегда могли потесниться, высвобождая местечко на лавочке.

— Сейчас разговаривала с одним деловитым человеком, он принес для одной сельчанки, что по средам привозит молоко, целый мешок тетрапаков из-под питьевой воды. Умеет человек крутиться. У него много всяких способов заработать хоть на чем. Тебе надо с таким познакомиться, может, что переймешь полезного. А то у тебя туго с этим, мало предприимчивости. Сходи к тем бабусям, пока он не ушел.

— Кто такой? — сразу заинтересовался Лешка, не по годам сноровистый и легкий на подъем.

— Говорит, что родом из Эстонии.

— А, я, кажется, понял, кто это...

Как помянули Эстонию, сразу стало ясно. Не каждый день встретишь в сибирском мегаполисе представителя этой крохотной прибалтийской страны. А Лешка Назаров за всю жизнь повстречал лишь одного такого. Это точняк он собственной персоной. Только что он потерял на их окраине?..

С занятым прибалтом Лешка познакомился на Хитром рынке. Лешка нарисовывался там по выходным уже который год подряд. Приносил на горбу тяжеленный рюкзак с книгами, довольно удачно сбывая их. Обремененный поклажей народ с раннего утра рышуще устремлялся на уединенный проулочек, тянущийся вглубь — от остановки до Хитрого рынка. Люд быстренько занимал все дворики между компактными двухэтажками затейливого старорежимного вида, с крохотными балкончиками. Каждый на газетке раскладывал нехитрый товар, в основном все излишнее или ставшее ненужным в собственном обиходе. Нужда заставляла. Лишь редкие удалыцы умудрялись делать на перекупке чужого неплохой навар.

Сам Лешка стал здешним завсегдатаем тоже не от хорошей жизни. Переехал сюда с матерью из пропащей глубинки в самый разгар перестроечной вакханалии. Оказалось, что и здесь более-менее нормальную работу трудновато найти, предприятия закрывались с неумолимой очередностью или почти вдвое сокращали персонал. Вот и потянулись люди на эту барахолку невиданными ранее косяками. Хозяева

ближних домов и квартир постоянно жаловались в инстанции, что от торгашей шумно, после них остается мусор. Время от времени люди при погонах проводили рейды, уговаривали собравшихся разойтись по домам, в ответ — возмущенный гуд растрепанного улья. Мол, дома куска хлеба нет, а где еще раздобудешь копейку? Служивые согласно кивали головой: все прекрасно понимаем, но мы всего лишь выполняем вышестоящее распоряжение.

Порой удавалось справиться с народными массами, и дворики очищались. Но на следующие выходные близ Хитрого рынка опять возникала прежняя толчея. А что — привычка уже выработалась. Прямо магнитом тянет сюда. Многие нашли себе новых приятелей, требуется повидаться, не только поторговать...

Вот и Лешка обзавелся здесь новыми знакомыми. Он всегда притулялся рядом с прибалтом Артуром и одной женщиной неопределенного возраста и социального статуса. Заметно молодящаяся, она называла себя Тамарой Петровной. Кто из них первым прибывал на толкучку, тот и занимал на всех троих места. Если прозеваешь, то придется горевать на отшибе, куда разные зеваки и праздношатающиеся не заглядывают. Покупки делают случайные прохожие по пути на Хитрый рынок. Попадется что броское на глаза — на ходу прикупят, хоть и не собирались этого делать.

Глядя на своих новых знакомых, Лешка отмечал про себя иронично: вот две крайние ипостаси! Одна за столько лет так и не обзавелась торговыми хватками. Принесет пару детских книжиц или иную мелочевку, потом на выручку прикупит стакан семечек — вот и вся удача. Другой всегда при барыше. Он кормится не только на этом рынке. Знает сто один способ делать деньги прямо из воздуха.

Артур всегда старался устроиться мусорщиком в большом доме, чтобы выуживать из мусоропровода вещи, которые вполне можно сбыть. Устраивался шабашить, строя чьи-то дачные домики. Собирал металл для сдачи в скупку. И много чего другого...

Подходя к родному продмагу, Лешка действительно увидел балакающего с дачницами поджарого, неустанного Артура. Бесшумно раскрывались рты, словеса поглощались гулом проезжавших по шоссе автомобилей. На лице у Артура неподдельное внимание — не пропустит и словечка, как будто даже из разговора можно выудить какой-то доход.

— Что тебя сюда занесло? — не мог скрыть удивления Лешка, по-свойски обращаясь к давнему знакомому.

— А я теперь здесь живу, — огорошил тот в ответ.

— Как это?..

— Продал квартиру и купил новую в вашем районе.

— Ты же жил в самом центре, — не мог понять такого форс-мажора Лешка. — Чем лучше наше захолустье? Здесь даже транспорт ходит намного хуже.

А Артур по своей привычке стал подробно объяснять, что он делает на этом пятачке возле магазина:

— Я теперь сюда приношу пустые тетрапаки одной сельчанке. В мешок помещается ровно тридцать три тетрапака. За это мне дают сто рублей.

Он никогда не скрывал своих секретов, словно не боялся возможной конкуренции, не юлил, отвечал подробно на все неудобные вопросы. Не успел поселиться на новом месте, как уже и здесь развернул свой бизнес.

— Вон видишь девятиэтажку? — он указал рукой на самую окраину. — Там моя квартира на первом этаже. Пойдем прогуляемся до меня, если не сильно занят...

Лешка охотно потопал следом за своим знакомым, действительно чувствуя его превосходство во многих житейских сферах. Все-таки он горожанином стал не так давно, а душа у него невытравимо сельская, это многие замечают. Мимо по трассе беспрерывным потоком пролетали легковушки, болезненно давя на перепонки.

Свернули на параллельную улочку, ушам стало легче, прямо блаженней, оттого

что шум удалился и теперь не приходится напрягать голосовые связки. Узенькая дорога между частными домиками была напрочь искалеченной — сплошные рытвины и глинистые ухабы. Вдали открылся вид на широкую девятиэтажку из красного кирпича, за которой начиналась загородная трасса.

Дверь второго подъезда оказалась незапертой — сломан замок. В фойе темно, как в склепе.

— Лампочки постоянно выкручивают,— пожаловался Артур каким-то излишне вкрадчивым тоном.

Хорошо дверь нужной квартиры оказалась совсем рядом. Две полупустые комнаты, сервант с такими же аскетически полупустыми полками. Типовой шифоньер, в спальне диван местного производства а ля эконом.

Примостились на кухне за столиком с совершенно пустой столешницей. Хозяин изобразил минималистический подход к питанию: поставил пару чашек с чаем, сахарницу, сыпанул груды овсяного печенья.

— Все-таки я не совсем понял твой переезд,— пытался разгадать Лешка загадку, прочно поставленный в тупик.

— А я перепродаю свои квартиры,— все очень просто объяснил Артур, словно это было обыденным явлением.

— И какой с этого прок? — не доходило до гостя.

— Конечно, навар не очень большой. Тысяч двадцать, пара средних зарплат. Ищу по газетным объявлениям выставленные на продажу квартиры, примерно такие, как у меня. Кто-то срочно уезжает и соглашается сделать скидку. Я быстро продаю свою и покупаю другую подешевле.

— Но это же сколько мороки с переездом! — Лешкина душа не принимала такого рискованного бизнеса. Да и люди могут передумать в последний момент или резко подорожает жилье.— И сколько раз ты уже переезжал?

— Раз восемь, надо подсчитать...

— Ничего себе! Я такого еще не слыхивал,— Лешка нещадно морщил лоб в раздумье.— Если только поставить на поток...

— Что я и делаю...

Лешка вспомнил, как несколько лет назад случайно встретился в переполненном автобусе с Артуром, при котором были два приличных баула из китайской плетенки. Поинтересовался, куда тот снарядился. «А вот везу в Нефтяники сдавать бутылки. Там их принимают по двенадцать копеек, а у нас по десять. Представляешь?» Артур словно жаловался на такую несправедливость. Можно было только поражаться такой расчетливости — ехать пятнадцать километров в тот конец города ради такой мизерной разницы?..

— Слушай, а зачем тебе деньги? — не воздержался Лешка от вопроса напрямик.— Семью так и не завел, по курортам вроде не разъезжаешь...

И опять он получил полный отчет.

— Я хочу перебраться на родину. Мой отец был военным, а в советское время, сам знаешь, их перебрасывали из гарнизона в гарнизон. Вот и приходилось жить то на Крайнем Севере, то в Азии. Наконец, обосновались в Омске. Родителей уже нет. А в Эстонию вернуться не так-то просто, после того как Союз рассыпался. Я ездил туда, узнавал в консульстве подробности. Надо иметь чистую биографию и банковский счет на десять тысяч долларов. Вот и собираю эту сумму...

При своих многочисленных заработках Артур экономил буквально на спичках. Ежемесячно покупал у одного дельца за полцены фальшивый проездной билет, которые тот печатал дома на принтере. Узнав об этом, Тамара Петровна шепнула Лешке: «Попроси своего товарища, чтобы он и мне доставал такой проездной. Я буду их покупать регулярно». Но оказалось, что тот погорел — контролеры отобрали у него подделку и стали разбираться. Лешка выкрутился, сказав, что нашел его на остано-

ке. Но ничуть не растерялся. Теперь ездит бесплатно по чужому удостоверению, попросив его на время у соседа по квартире. Найдет выход из любого положения.

После чаепития Артур легко поднялся с табурета.

— Пойдем, я тебе что-то покажу.

Открыл кладовку, а она под завязку забита разным хламом. И сразу стал пояснять:

— Все это я набрал из нашего мусоропровода. Настоящий Клондайк. Смотри, совсем новые грампластинки, как из магазина. И не жалко людям выбрасывать. Тебе не нужно чего, посмотри, уступлю по десятке.

Лешка замотал головой:

— У меня лет десять назад сломалась по неосторожности игла на проигрывателе. Когда-то, да, фанател, покупал даже фирменные пласти за бешеные деньги. Теперь не выпускают таких игл. Хотел было заказать импортную, в Мексике делают неплохие Shure по лицензии. Но оказалось, что такая игла, даже самая бюджетная, стоит как три моих проигрывателя. Нет уж, обойдусь без всяких пластинок...

— А коньки тебе не нужны, вот с ботинками, как раз твой размер...

— Да зачем они мне?..

— А вот бюстик какого-то важного гражданина, жаль, нет надписи. Некоторые такое коллекционируют...

— Только не я...

— Тогда я его сдам одному антиквару, у него свой бутик. А вот кожаные перчатки, уступлю всего за десятку...

Лешка брезгливо отстранился и стал прощаться.

По пути домой до него дошло: хитроумный приятель нарочно пригласил его, чтобы сбыть ему что-то из своих безразмерных запасов...

2

Через какое-то время Артур на рынке поделился с Назаровым:

— Устроился еще и гаражи охранять. Отсиживаю в дежурке ночь, в месяц десять выходов, за каждый платят наличкой по триста рублей. Жаль, без трудовой. Время от времени устраиваюсь официально, — надо же и стаж зарабатывать для пенсии. Набрать лет двадцать и хватит. А ты, я слышал, устроился на Барановский завод?

— Да, уже два месяца там работаю — в учебном центре.

— Я тоже отработал на том заводе два года — охранником на проходной. И какая у тебя зарплата?

— Обещали десятку, но едва устроился, всех перевели на четырехдневку из-за того что мало заказов. Теперь получается восемь тысяч.

— Да за такие деньги надо просто отсидеть свои часы, ничего не делая, — и домой. Просто за то, чтобы люди держались...

— Да, там теперь текучка. Поработают несколько месяцев — и увольняются. У меня здесь на рынке больше получается. Поэтому не буду бросать это дело.

— Торгуй, раз идет дело...

А сам однажды принес на рынок целую коробку электролампочек. В магазине стоваттных и более уже не было в продаже, люди бойко раскупали их.

— Так вот кто выкручивал лампочки в твоём подъезде! — осенило Лешку.

Артур сконфуженно отвернулся, не ответив ничего.

А потом он стал носить на базар уличные фонари.

— Ты добрался и до фонарей, — востро подначивал Лешка своего знакомого.

Артур рассмеялся, не пытаясь опровергать эту версию.

— Пока ты дежуришь в гараже, можно успеть срезать два-три фонаря.

Именно столько каждый раз приносил Артур и продавал их по восемьдесят рублей.

— Хоть бы провода убирал, а то видно, что они отчекрыжены бокорезами,— изгалялся Лешка по-дружески.— А вдруг хозяин узнает свой фонарь?

— На них не написано имя владельца. Все они одинаковые,— наконец признался Артур в своем ночном баловстве.

— Как ты забираешься на гаражи?

— А я припрятал в кустах небольшую лесенку...

Однажды Артур разложил на своей газете литровые баночки с белым порошком.

— Что это такое? — поинтересовалась Тамара Петровна.

— А шут его знает! Шел через железнодорожные пути и увидел выгруженную кучу этого химиката. Лежит под открытым небом. Ну я и набрал несколько банок, буду говорить, что это каустик для чистки посуды. Когда я набирал его, неожиданно сзади подошел милиционер. Я даже не заметил, откуда он взялся. Смотрит на меня и молчит. Я тоже молчу. Так и ушел, не сказав мне ничего...

И действительно, хозяйки стали разбирать у Артура эти банки, чтобы чистить свою посуду.

Но совсем огорошил Назарова прибалт накануне зимы. Он подозвал рыночного соседа и проникновенно произнес:

— Я хочу попросить тебя помочь в одном деле.

Лешка на всякий случай насторожился.

— Я собираюсь переезжать на другую квартиру.

— Опять продаешь?! Неужели нет привязанности ни к одному месту?..

Артур отмахнулся.

— Сделка уже состоялась. Во вторник надо освобождать квартиру. Ты не сможешь мне перевезти вещи?

Хочет сэкономить на грузчиках, сразу догадался Лешка и стал отбояриваться:

— Я же хожу на работу. Только пятница свободная...

— До пятницы нельзя тянуть. Во вторник новый хозяин тоже будет въезжать в мою бывшую квартиру. Отпросись на работе.

— Ну, не знаю... У нас закручивают гайки. Чуть что — и увольняют. А мне тоже нужен стаж.

— Придумай что-нибудь...

Лешка ожидал, что тот захочет чем-нибудь отблагодарить его за услугу, но он даже не заикался ни о каком гонораре. А Назаров должен рисковать на работе...

Ему вспомнилось, что на днях сосед, что живет через огород, предостерег его: «Заведи собаку. Вчера часов в одиннадцать вечера, едва стемнело, я вышел во двор покурить и увидел, что в твоём огороде кто-то шарится. Думал, что это ты, позвал, а тот человек юркнул под яблоню и затаился. Наверно, охотники за металлом». Действительно, в последнее время стали забираться на чужие дачи, выносят тазики, ведра, бидоны. У Лешки на воротах были набиты прежним хозяином увесистые украшения из нержавеющей стали. Его все время укалывало предчувствие: ведь сорвут когда-нибудь. И точно — однажды утром увидел, что на воротах неряшливо зияют не покрашенные места — там, где были эти украшения в виде орнамента. Поживились килограммов на десять. Лучше бы он сам все сорвал и сдал в приемку.

Надо бы повесить в саду фонарь и среди ночи внезапно включать его, отпугивая воров...

— Ты не презентуешь мне один фонарь? — решил спросить Лешка у Артура.

Тот замер в тяжкой раздумчивости и выцедил находчиво, словно делал большое одолжение:

— Я могу уступить тебе... ну, скажем, рублей двадцать...

Вот жмот! Хочет, чтобы кто-то за спасибо корячился с его диванами. Пожалел ворованный фонарь...

Лешка выслушал напоминание Артура, что тот в час дня ждет его у своего подъ-

езда, и не стал ничего говорить. Просто как обычно пошел во вторник на работу. Пусть жлоб побегает, поищет каких-нибудь бичей. Меньше чем за двести рупий и они не согласятся рвать свои пупы.

При следующей встрече на рынке Лешка отговорился перед вопрошавшим Артуром, что его не отпустили с работы, зная: тот не поверит в такое оправдание. Ну и пусть, большая беда!..

Это была последняя квартирная сделка Артура. Ввели тринадцатипроцентный налог на такие операции, лавочка закрылась.

Артур стал приносить на базар новые носки с этикетками. Брал их на оптовой базе и они хорошо расходились, хоть накрутка было в пятерку, не больше. Зато постоянный спрос — в любую погоду.

Отношения между Артуром и Лешкой стали более прохладными, хотя и раньше они были в общем-то никакими. На рынке Артур отмалчивался, больше общался с покупателями, боясь упустить очередного.

Раз Лешка увидел на подстилке прибалта несколько книг в обрамлении разноцветных носков. Наметанным глазом он сразу определил, что они неходовые. Люди уже пресытились разными «Анжеликами», детективами Чейза и Агаты Кристи. Теперь ищут другое. Артур отмечал, конечно, что Лешка после базара идет на остановку с сильно похудевшим рюкзаком, а то и вовсе опустевшим. Решил попробовать и его товар. Но если человек в литературе ни бум-бум, он сразу прогорит на этом — будет бесполезно таскать тяжести туда-сюда. А Лешка хорошо разбирался в книгах и принимал только стоящее.

Артур кое-как продал подешевке свои книжки, которые явно выудил на той же мусорке, а две прочно застряли — «Королева Марго» и «Асканио» А. Дюма, в мышино серых обложках, на плохой бумаге, тиражом аж в пять миллионов. Такой ширпотреб был почти в каждой семье. Артуру надоело носить их и он к концу торговли искательно обратился к Назарову:

— Эти книги нормальные? Что-то они застряли у меня. Второй месяц ношу, но никто ни разу не клонул. Тебе не нужны такие? Я бы отдал их по десятке.

— Я такие не принимаю,— поморщился Лешка.

Видимо, Артур заподозрил его в лукавстве и подумал, что он хочет сбить цену, а по пятерке взял бы. Обычно торгаши, если им надоело таскать бросовые книги, оставляли их на чужих подоконниках — может, кому-нибудь понадобятся за бесплатно. Назаров думал, что Артур так и поступит, тот уже складывал в баул свой товар. Вот он повертел в руках одну книгу и вдруг стал с хрустом отрывать у нее обложку, при это косясь на Лешку: как тот реагирует. Не заметив никакой реакции у своего знакомого, лишь Тамара Петровна слабо ойкнула, то же самое проделал и с другой книгой, и лишь тогда положил их у цоколя двухэтажки. Любой, кому они попадутся на глаза, сразу поймет, что их казнили,— лишь бы они никому не достались. Артур явно думал, что Лешка подберет их на халяву, если их оставить целыми на ближнем подоконнике. Тамара Петровна точно бы подобрала и потом носила их на базар месяцами.

Вскоре Назаров сдружился с другими местными делаварами и ему щедро выделили один квадратный метр дефицитной площади на самом рынке. Теперь можно не вставать спозаранку — эти места чужие не занимают. Заодно Лешка арендовал место в чужом гараже, чтобы оставлять там свои вещи. Теперь он мог значительно расширить свой ассортимент. Он выкладывал стопками сотню книг, а по убыванию их приносил из гаража новую порцию. Выручка стала стабильней. Он теперь мог позволить себе пропускать морозные или дождливые дни.

После базара Назаров налегке возвращался на остановку. Во дворах еще оставались припозднившиеся торгаши и среди них Тамара Петровна. Он подошел к ней поздороваться по старой памяти.

— А ты не знаешь, куда подевался этот... как его... мусорщик?..

Так она хлестко окрестила Артура. Уж она-то не стала бы рыться в мусорных контейнерах несмотря ни на какую нужду.

— Давно не видел его,— пожал плечами Лешка.— Наверно, уже уехал на свою родину, он собирался...

— Странный какой-то, все деньги-деньги. Так и прожил бобылем, а ведь ему поди уже полтинник...

— В прошлом году столько стукнуло. Он даже не отмечал свой юбилей. Да и с кем? Ни детей, ни друзей...

— Ты хоть выполнил свою «программу», двое детей, пусть семья и развалилась...

— Зато дети у меня молодцы: пишут, звонят, приезжают в гости. Дочка уже замужем, а сын после школы собирается поступать в Омске. Будет жить у меня.

— Посторожи-ка мои вещички,— вдруг спохватилась торговая соратница.— Я сбегая на остановку.

— За семечками? — подначивал Лешка.

— Я быстро,— уклончиво бросила она.

Буквально через пару минут она вернулась с выражением поимевшей новости на лице.

— А наш друг оказывается здесь!

— Кто, Артур?

— Вон там расположился со своими носками. Какой-то угрюмый. Давай перенесем туда мои манатки, там есть свободное место. Еще можно постоять с часок, народ ходит...

Они примостились рядом со старым знакомым. Тот сидел на раскладном стульчике насупившись, глаза спрятаны под козырьком джинсовой кепки.

— Ты где пропадал? — почти обрадовался Назаров.

Козырек немного приподнялся, ему невесело ответили:

— Ездил в Новосибирск, хотел купить там квартиру.

— Ты же собирался совсем в другое место.

— А-а! — махнул он рукой.— В Новосибирске у меня живет младший брат.

— Ну и что? Не хватило денег на квартиру?

— Да нет, у меня скопилось аж шестнадцать тысяч баксов.

— Передумал, что ли?

— У меня похитили эти деньги.

— Не может быть! Чтобы у тебя... Как ты так опростоволохился?..

— Я зашил деньги в пояс и остановился у брата. Разъезжал, смотрел квартиры. А у брата сынок какой-то приплатненный, к нему ходили разные дружбаны. Раз вечером в жуткий мороз я пошел в магазин за продуктами. Не успел отойти от подъезда, а мне сзади кто-то как врежет по затылку. Когда очнулся, смотрю — исчез мой пояс с деньгами. О нем знали только родственники...

— Ничего себе! Ограбили родного брата...

— Я, конечно, обратился в милицию, написал заявление. Следовательно мне прямо сказал: «Я нисколько не сомневаюсь, что это дело рук вашего племянника».

— И чем все закончилось?

— А ничем. Свидетелей нет, вещдоков тоже. Следовательно предупредил, что такое хищение трудно доказать. Племянник украденное дома не будет держать, спрячет подальше.

— Все равно надо было добиваться...

— Брат косится, да и как у него оставаться после такого? В гостиницах жуткий ценник, а у меня осталось в карманах всего-ничего. Еле набрал на обратный билет...

— Так и сойдет им с рук?

— Вижу, что бесполезно дергаться. Уже прошло два месяца, а меня больше не вызывали по моему делу. Так и спустят все на тормозах...

Лешка был подавлен такой новостью. Вот вам сюрприз от родного братца! Даже подумать страшно о таком.

Небо тоже нахмурилось, начали опускаться на разложенные носки мохнатые снежинки. Артур быстро скидал свой товар в сумку и, не прощаясь, отправился на остановку.

Молча пересматривались с Тamarой Петровной, не зная, что и сказать. На их глазах в прах разрушилась чья-то жизнь. В таких случаях полагается вымолвить что-то весомое, вот, мол, какими бывают повороты судьбы!

Пока Лешка собирался с мыслями, у Тamarы Петровны получилось это поженски точнее и естественней, чем выразился бы он, уяснивший, что искусный делец, их знакомец Артур в мгновение ока стал гол как сокол. Она, глядя в землю, с расстановкой произнесла:

— Конечно, обидно, когда такое случается. Но я почему-то не испытала к нему никакого сочувствия...

Михаил Спивак
(г. Виннипег, США)

МЕДАЛЬ УШАКОВА ДЛЯ КАНАДСКОГО МАТРОСА

Михаил Спивак — писатель, сценарист, член Союза журналистов России. Родился в г. Кемерово. Проживает в Канаде. Автор нескольких книг. Публиковался во многих периодических изданиях. Автор на канадском радио «Голос Альберты» и телеканале RTV. Сценарист документального сериала «Вещдок». Лауреат литературных премий.

Вьюжило северным ветром, белую пыль несло по чешуйчатым крышам домов. Центральные магистрали бойко чистила тяжелая дорожная техника, а на боковых улочках одноэтажных спальных районов Виннипега, города в самом центре Североамериканского материка, образовались непролазные скрипучие залежи снега. Крупные хлопья, будто просеянная сквозь сито мука, попавшая под вентилятор, липли к лобовому стеклу. Дворники едва справлялись. Мутные фонари отбрасывали длинные тени, и дома, уже укутанные зимним покрывалом, поблескивали в вечернем сумраке яркими пятнами окон.

Я приехал по указанному адресу и позвонил в дверь. Послышалась мелодичная трель.

— Иду-иду, минутку!

Только бы дома оказался кто-то из детей или внуков ветерана, подумал я тогда. Мне и раньше доводилось беседовать с участниками Второй мировой войны. Старенькие даже те, кто застал ее окончание, а мой собеседник воевал на канадском королевском флоте с начала 1942-го. Сколько ему — уже за девяносто. Помнит ли он события далекой молодости?

Дверь открыл неожиданно бодрый старик с лукавой по-пиратски ухмылкой и вихрами редких, седых волос вокруг блестящей лысины. Старик поправил слуховой аппарат и ловко посторонился, приглашая меня войти. С промозглой стужи я ступил внутрь натопленного жилища. Линзы очков моментально заволокло почти непроницаемым туманом.

Голос хозяина, наполненный радушием, звучал приподнято и суетливо. Старик был многословен и рад моему появлению, будто мы виделись не в первый раз, а были завсегдатаями одного паба или гольф-клуба уже много лет.

— Заходите, господин редактор, заходите скорее. Дверь закрывайте. Однако, дрянная сегодня погодка — штормит. Арктический ветер, так его растак! — сказал он с прямоотой старого вояки. — Как добрались по нашему морю разливанному? Вижу, у вас серьезный немецкий транспорт?

Слова его меня удивили. Оказалось, ветерану так сильно хотелось выговориться, что моего появления он дожидался у окна. Откуда бы еще он узнал марку моего автомобиля? Старик не обратил внимание на мои раздумья и с места в карьер пустился в воспоминания:

— Да, немцы отличные жестянщики: им хоть автомобиль, хоть подводную лодку

склепать — пара пустяков. Слышали про «волчьи стаи» субмарин? Да, их подводные лодки, как косяки рыб, плавали в Атлантике, — он вдруг опомнился, прервал собственный монолог, протянул руку и представился. — Дональд МакАдам (*Donald McAdam*), старшина второй статьи флота Ее королевского высочества! — он замялся, подумал и четко отрапортовал: — Разжалованный в матросы старшина второй статьи! В отставке, разумеется. Вы ведь не подумали, что я до сих пор плаваю?

Он рассмеялся собственной шутке.

Старый дом МакАдама, покрытый изнутри лакированным деревом, заливал чуть приглушенный мягкий свет. Я сразу отметил, что обстановка и сама аура жилища слишком аккуратная для одинокого мужчины. Мебель в доме массивная, из натуральной древесины, напоминала готический стиль.

Пока я собирался с мыслями, Дональд сделал широкий жест рукой.

— Рад, что вы позвонили и приехали! Кому сегодня интересно, что происходило семьдесят лет назад? Молодые люди мало что знают о той войне. Вы уж там, у себя в газете, как следует напишите о морских баталиях и мне принесите статью! Что говорите?.. На русском пишите? Какая досада! Я бывал в Советском Союзе с морским конвоем, но русским языком не владею. То ли дело мой товарищ Джонни Себастиан... Я вам про него расскажу. А для меня вы сделайте, пожалуйста, перевод на английский. Да? Спасибо! Сами-то в армии служили? В израильской... в бронетанковых войсках? Ну, только без обид, романтики в танках никакой — грохот и пыль. Ничто не сравнится с морем! — мы из коридора направились в зал, и Дональд вдруг сменил тему. — Знаете, за сколько я купил свой первый дом? — не дожидаясь ответа, сообщил: — За четыре с половиной тысячи долларов. Сейчас таких цен нет. Конечно, зарабатывали тогда меньше. Мой отец в 1908-м году получал одиннадцать центов в час, а я в 1941-м — уже тридцать два с половиной цента! Свой следующий дом я купил в 1961-м году за восемнадцать тысяч...

Интервью грозило оказаться бесконечным, но перебивать словоохотливого старика я не стал. Кто знает, каким сам буду в его годы, если вообще доживу до столь почтенных седин. Вдруг меня тоже потянет на воспоминания, и хорошо, если найдется благодарный слушатель.

Я доброжелательно кивнул и аккуратно попытался задавать наводящие на цель моего визита вопросы. А именно, поговорить с МакАдамом о его высокой российской награде — медали Ушакова. Не так много иностранных военнослужащих удостоились этой чести.

МакАдам не без удовольствия достал из красной коробочки серебряную медаль с голубого цвета колодкой. Пока я вертел в руках медаль и читал сопроводительное удостоверение, старик начал свой рассказ.

— Мне в 1941-м исполнилось восемнадцать. Пришли с повесткой и загребли в армию. О какой добровольной службе вы говорите? Враки все, молодой человек. Вра-а-аки! Военный призыв. Я мог бы попасть в пехотное подразделение или плавать на тральщике вдоль восточного побережья Канады, ловить немецкие субмарины... Куда? В Европу воевать насильно не отправляли. Только добровольцев. Но призыв был обязательным. Плавать вдоль собственного побережья — скукота! Если уж оказался в армии, я хотел увидеть другие страны «на халяву», за проезд-то платить не надо! Формировали нашу группу в Галифаксе. После окончания специальной подготовки полтора месяца я плавал на корабле береговой охраны «Шарни». Потом получил распределение на огромный дредноут «Малайя» (*HMS Malaya*) с большим количеством тяжелой артиллерии. Так я отправился с парнями из экспедиционного корпуса в Великобританию. То было настоящее боевое плаванье.

Он вдруг замолчал и устремил немигающий взгляд в верхний дальний угол комнаты. Только ноздри его раздувались, будто он прямо сейчас вдыхал морской воздух, стоя на палубе того сверхмощного линкора класса «Королева Елизавета».

На одной из полок я заметил фотографию бравого матроса с подписью «Дон МакАдам, 20 мая 1922 года». Я все ждал, когда Дональд вернется в уютную комнату и мы продолжим беседу, но там, на гребне волны посреди бушующих океанских просторов, вновь молодой моряк наслаждался стихией. Его глаза блестели, осанка выпрямилась. Он говорил быстро и увлеченно, поглядывая на мой диктофон, как на диковинного зверя.

* * *

...Июль 1942 года. Вышли из порта в Галифаксе. Мы посреди ревущей Атлантики на палубе тяжелого линкора «Малайя» возглавляем конвой в южную Англию. В лицо летят холодные брызги пены в грохоте низвергающейся воды. Корабль то кряхтя взбирается на волну, то носом летит вниз. Сзади плетутся транспорты с тысячами наших парней на борту, в основном, летчиков и пехоты. Парни измучены морской болезнью, им даже в гамаках дурно. На линкоре пехотинцам не лучше. МакАдам хочет во все горло.

— Сейчас блевать будут! — потешается матрос. МакАдам гордится своим хамоватым, но честным юмором. — Вперед, капитан Катберт Коппинджер, добавь пару, и плевать нам на гитлеровские подлодки с их скоростью восемь узлов, против наших двадцати восьми! Тут главное борт под волну не подставить, как морду в боксе — под хук. Перевернемся? Не глупите, молодой человек! Но все равно, не надо. Яху-у-у, мы короли Атлантики!

Рубим носом волны, аж свист в ушах. С подводными лодками, конечно, не все обстоит так просто. Тут я малость приврал. Всего год назад у Зеленого Мыса «Малайя» торпедировала германская субмарина U-106. Тогда линкору повезло, что второй торпедой немецкий капитан атаковал транспортный пароход. Оба судна смогли относительно благополучно выйти из боя. Получив пробоину в борту, заметно крепнясь, «Малайя» улизнул в безопасный порт на ремонт. Впрочем, год на войне — это целая вечность. Нельзя постоянно думать о прошлом.

Волнение в океане улеглось и горести забылись. Молодым Атлантика по колено. С шутками и прибаутками приплыли в шотландский порт Росайт. Там кораблей — как домохозяек на сезонной распродаже. Нас отправили в местечко Ниоби (*HMSC Niobe*), там располагались штаб-квартира Канадских военно-морских сил в Великобритании и перевалочная база. Толпой неожиданных гостей свалились мы англичанам на голову. А ну, хозяйева, принимай! Поселили нас в заброшенном дурдоме. Народ у нас шумный, сами за психов могли сойти. Но не долго мы прохлаждались на берегу, пришло время отрабатывать «бесплатный» круиз до Англии.

19 августа 1942 года на эсминце класса «Хант» в предрассветной мгле крадемся вдоль побережья Северной Франции в районе населенного пункта Дьепп. Легкая пелена тумана тянется над водой. Стараемся не шуметь, чтобы не утратить фактор внезапности. Готовится высадка десанта, парни уже заняли места в баржах.

Раздается команда: «Огонь!» Корабль сотрясло от залпа. Пушки изрыгают пламя, грохот взрывов эхом катится с берега. «Перезаряжай!» Транспорты мчатся к берегу — только бы проскочить самые гибельные метры, когда пехота совсем без защиты. Вдруг огрызнулись немецкие береговые батареи. Проклятье, нас ждали! Первыми залпами мы не смогли подавить артиллерию противника. Ад боя разверзся вокруг нас, но парням в баржах и того хуже. По ним с закрытых позиций лупят мортиры. Тех, кто добрался до берега, немцы встречают густым пулеметным огнем. В небе вспыхнул «Спитфайер» и камнем ухнул в воду.

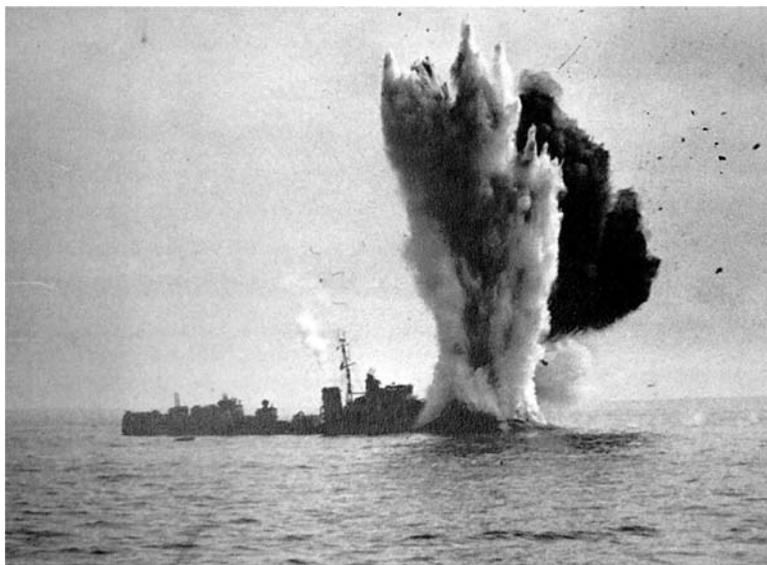
Нашим командос на берегу совсем туго — эсминцам не хватает огневой мощи для надежной поддержки наступающей пехоты. Британское командование побоялось отправить в район высадки тяжелые корабли и мощную артиллерию из-за угрозы

Операция «Ратгер». Канадский десант, 19 августа 1942 г. (источник The Canadian Encyclopedia)

подводных лодок. Наши танки «Черчилль» выгружаются на берег с опозданием, когда атакующая пехота уже смята заградительным огнем противника. Теперь вся бронетехника сама становится легкой добычей противотанковых орудий.

В воздухе тоже фиаско. Вражеские истребители выдавливают наших асов, и уже немецкие бомбы сыплются на наши корабли. Битва на земле и в воздухе проиграна. Проклятье, сейчас примутся за нас! Пришло сообщение — эсминец «Беркли» подбит двумя попаданиями авиабомб. Команду частично удалось спасти на эсминце «Албригтон», после чего потерявший управление «Беркли», чтобы не достался врагу, «Албригтон» торпедой отправил на дно.

Эсминец «Беркли» в момент попадания торпеды с эсминца «Албрайтон». 19 августа 1942 г. (источник <http://www.wrecksite.eu>)

Скоро становится ясно — мы наголову разбиты. Огромные потери! Уносим ноги, оставив на берегу догорающую технику и сдающихся в плен командос. Среди эвакуированных с берега солдат оказались несколько французских монашек из местного монастыря. Хоть кому-то спасли жизнь в той самоубийственной атаке.

Залечиваем раны на берегу: кто душевные — в кабаке, кто физические — в госпитале. Мне повезло пройти боевое крещение и остаться целым и невредимым. Даже благодарность и повышение по службе получил. Отмечаем в кабаке, бухаем... так боль от утраты товарищей притупляется. Затем шляюсь по городу. Это на кораблях мы всегда на боевом посту, а на берегу предоставлены сами себе. График не то чтобы вольный, но и не казарменное положение.

За что меня разжаловали? А вот за то самое — поборогозили мы малость с ребятами. Ну, может и не малость. Газу дали как следует.

В один из праздных дней на берегу я встретил очаровательную шотландскую девушку, скромную и веселую. Представился, слово за слово, познакомились, стали встречаться. Ее родители особо восторга от нашей увлеченности не испытывали. Известно, что на войне случается с подругами военных. Плачут потом в похоронку, и ребенок рождается безотцовщиной. Но никакая война не способна противостоять любви. Стали готовиться к свадьбе.

Местный священник не разрешил жениться в церкви, потому что все боялись германского авианалета. Бомбардировщики могли внезапно появиться. Приходилось соблюдать светомаскировку. У родителей невесты был новый дом. Его разбомбили. По счастливой случайности никто из родственников не пострадал. Незадолго до свадьбы случился новый авианалет.

Гул нарастал, казалось, что он повсюду. Стая черных «птиц» — едва различимые во мгле «Юнкерсы» — заходили с юго-востока. Шли строем. Затем вдруг, один за другим, стали заваливаться на крыло, и тогда послышался душераздирающий вой падающих бомб. Земля содрогнулась от раскатистых взрывов. Бомбы ударили в самую оконечность поселения и дальше — в поле, там на отшибе стоял винный погреб. Его разнесли в щепки. Пожар мы быстро потушили, а воздух пропах разлитым спиртом. Казалось, беда миновала, но тут же хлынула вторая волна бомбардировщиков. Мой тесть и другие мужчины решили схитрить — снова подожгли разлитый спирт и убежали. Летчики противника видели внизу огонь, думали, что горит поселение, и скинули на пустой винный погреб новые бомбы. Поселение не задели.

В общем, свадьба моя была наполнена яркими, в прямом смысле этого слова, образами. Священник зарегистрировал наш брак дома и без больших торжеств. Из гостей присутствовали сестра и брат моей жены и еще девочка с цветами.

За добросовестную службу и проявленную храбрость МакАдам получил месячный отпуск, и на лайнере «Мавритания» поплыл в Канаду. Когда вернулся, узнал, что приписан сопровождать конвой с военными грузами в Советский Союз.

Самый короткий, но и самый опасный путь в СССР лежал из Шотландии вокруг оккупированной Норвегии. Германский надводный флот, авиация и субмарины всячески пытались сорвать стратегические поставки союзников. Задача была настолько важна, что немецкое командование задействовало в операциях крупные силы, включавшие два тяжелых крейсера «Адмирал Хиппер» и «Лютцов», а также линейный крейсер «Шарнхорст», который в 1943 г. в ночном бою был потоплен британским линкором «Дюк оф Йорк» и кораблями эскорта.

Мы в боевом охранении, как овчарки вокруг стада овец. Неповоротливые транспорты кое-как плетутся, и мы вынуждены держаться поблизости, прикрываем с боков и сзади.

Вдруг сонар уловил подозрительный звук. Тревога — гребные винты вражеской субмарины! Мы их засекали, и теперь преимущество на нашей стороне, за счет превосходства в скорости и маневренности. Полный ход! Глубинные бомбы за борт! Глубина двести метров. Ухнули первые взрывы — мимо. Немецкий капитал заметил наш маневр и стал уводить свою подлодку. Мы продолжаем охоту. Бомбы за борт! Взрывы... и тишина. Утопили? Нет... Где-то прячутся, заглушили двигатели. И мы ждем. Патрулируем. Куда им деваться? Как только запустят винты, мы их сразу вы-

числим. Так и есть — заработали. Всплывают. Почему они не утонули во время нашей атаки? Потому что погрузились на двести семьдесят пять метров — глубже, чем мы думали. У них закончился кислород и обшивка дала течь. Сдаются! Пленных погрузили на одно из наших судов, а подлодку пустили на дно.

Германская подлодка U-744 сдается кораблям союзников. После снятия экипажа ее затопили торпедой с эсминца «Икар». (источник <http://www.uboatarchive.net>)

В Мурманск добрались более или менее спокойно. Нам позволили сойти на берег. Любопытно гулять по советскому городу. Возле кинотеатра увидели афишу знаменитого фильма «Hudson Bay». Но фильм смотреть не стали, а направились в кузницу, расположенную на пригорке. Мой друг Джонни беседует с кузнецом и переводит мне. Джонни в совершенстве владеет польским, поэтому с русскими может общаться довольно сносно.

Кого забрали в НКВД — кузнеца, за что? Хм, общался с иностранцами, говорите. Мы же союзники! Не важно? Ну, я в этих русских штучках мало что смыслю. Кузнец выковал нам с Джонни в подарок по стальному ножу с кожаной рукояткой.

Разгрузка транспортного судна в порту Мурманска. 1944 г. (источник: энциклопедия «Кольский север»)

Мы несколько раз плавали в СССР, но на берег сходили только однажды. В один их таких походов чуть не огребли. Это уже под самый конец войны случилось. Идем на большом эскадренном миноносце «Гурон» (*HMCS Huron*): солнце светит, настроение хорошее — весна... Вдруг Джонни срывается с места, бежит к спаренному крупнокалиберному пулемету. Воду очередями поливает, грохот, неразбериха, гильзы летят на палубу! Я бегу к борту... Fuck! Вончое дерьмо! Прямо в борт «Гурону» идет немецкая торпеда! Скользит практически по поверхности воды. Отчетливо вижу ее след, и страшно до усрачки — сейчас рванет! Святые угодники, нам пи...! Капитан орет: «Полный назад!» Тяжелый корабль пятится, как черепаха. Торпеда нас догоняет, сейчас взлетим на воздух и... тишина! Еще секунда... Тихо! Торпеда прошла в нескольких дюймах от нашего носа. Фу, пронесло. Чуть в штаны не наделал.

Вытер пот со лба, как будто действительно только что пережил торпедную атаку. В тот день, 29 апреля 1945 года, кораблями эскорта были утоплены две германские субмарины: U-286 и U-307. Предположительно, «Гурона» атаковала подлодка U-286, так как подлодку U-307 немногим раньше уничтожил фрегат «ЛокИнш»...

Были и другие случаи, правда, не такие острые. В конце войны у немцев появились самонаводящиеся акустические торпеды «Цаукенинг», которые двигались на шум гребных винтов. На самом деле торпеды так себе. Во-первых, они были тихходными. «Гурон» имел скорость раза в полтора-два выше, чем у акустической торпеды. А еще у нас была английская торпедная ловушка «Фоксер». Это такая громыхалка, которую буксировали за кораблем на канате длиной в двести метров, и за которой гонялась торпеда. Проблема с «Фоксером» в том, что она громыхала на весь Атлантический океан, выдавая нашу позицию. Но все закончилось благополучно. Как видите — я живой, в сентябре 1945-го демобилизовался и с молодой женой вернулся в Виннипег. Джонни? После войны он вернулся Онтарио.

* * *

Дональд МакАдам снова взял медаль Ушакова.

— Я ее заслужил!

Делаю несколько фотографий, благодарю за интервью и прощаюсь. Выхожу в ночь.

Ветер в Виннипеге улегся, густой снег валит большими, мягкими хлопьями. А в окне стоит одинокий старик, как будто все еще на вахте эскадренного миноносца.

Алексей Яшин
(г. Тула)

**ИЗ ЦИКЛА НОВЕЛЛ
«БОЛДИНСКОЕ МЕЖСЕЗОНЬЕ»**

СУХОПУТНЫЙ МОРЯК МОРЗИСТ КИРЯ

— Так за что же-с, за что,— говорю,— меня в военную службу?

— А разве военная служба — это наказание? Военная служба это презерватив.*

Н. С. Лесков «Смех и горе»

◆ Сколько помнил себя с сознательного возраста Кирилл, Киря по-дворовому и школьному, Федорищев, по праздничным и иным дням с застольем отец его, Андрей Филиппович, человек сугубо штатский, даже военную кафедру в Тулуповском политехе, упраздненную в разоруженческих девяностых годах, не застал, после третьей-четвертой стопки пускался в генеалогические, отчасти даже геральдические, воспоминания, передаваемые в роду Федорищевых со времен начала набегов крымских татар на Московскую Русь. Хотя и технарь по образованию и роду занятий, был он любителем отечественной истории. За накрытым столом, как правило с гостями, по обычаю всех непрофессиональных ораторов, что говорят не глядя на всех пространственно, а избрав кого-то одного, кому безотрывно смотрят в глаза, Андрей Филиппович в качестве такового предпочитал сына. Может потому, что Кирилл в невозбужденном состоянии мог долгое время не моргать, а значит не сбивал отца, не без усилий передававшего разбегающиеся в легком подписти мысли на их словесное выражение. Если гости являлись новичками в доме Федорищевых, то Андрей Филиппович строил рассказ пространным, а по времени от распада Золотой Орды. Звучало это в следующем изложении, как в общих чертах сложилось в голове Кирилла.

За сто ровно лет от Куликовской битвы до Противостояния на Угре — это в соседней Калужской области — Золотая Орда распалась на отдельные улусы, а еще раньше отделившиеся от нее сепаратисты Мамай, что обосновались в Крыму, подпали под власть османов и начали регулярные набеги на Московское княжество, иногда на Малороссию и Литву, то есть нынешнюю Белоруссию. Поэтому еще до Ивана Грозного, добившего орду на Волге, на южных и юго-западных границах все растущего Московского княжества, выгнутого вовне от Москвы полукругом от калужских сосновых лесов до Коломны, спешно устраивались кремли, сторожевые посты, крепостцы, соединенные сплошными засеками. Ну-у, вокруг кремлей города разрастались с народом, а маленькие крепости и сторожевые посты заселялись присылаемы-

---

* Во времена Лескова, то есть во второй половине XIX века, слово «презерватив», то есть предохранение, использовалось только в социальном, как в настоящем эпитафе, и в техническом смыслах — например, устройства искусственного охлаждения продуктов, предшественники нынешних холодильников. Кстати говоря, в нынешнем понимании термин этот появился только в 30-х гг. XX века; до этого — кондом.— Прим. авт.

ми стрельцами, которые поселялись семейственно, их род занятий становился родовым, наследственным.

Стрельцов на Засечную черту, в которую и наш Тулуповск входил, присылали из людных мест, что севернее Москвы, ярославцев, владимирцев и тверичей, потому и язык засечных стрельцов являлся самым что ни на есть северным старорусским, в котором, как мне как-то одна... Андрей Филиппович, почувствовав на себе внимательный взгляд супруги, оговорился... один приятель студенческой поры, из пединститута с исторического факультета, растолковал, многие слова произносились с окончанием на «ище»: громадище, пушище, лешище и так далее. Словом, с подчеркиванием огромности, крупноты, если можно так выразиться. Соответственно и фамилии под эту статью стали стрельцами от имен крещеных и прозвищ давать — а им, как государевым людям, с записью в военные списки-столбцы. Образовались Степанищевы, Иванищевы, Пороховищевы... Вот и наша такая же — Федорищев. Так что, как встретятся вам люди с такими фамилиями, так в точку попадете: из потомков засечных стрельцов! И по внешности даже сейчас мы, их далекие потомки, заметно схожи между собой и отличны от остальных. Вот гляньте на меня, на Кирю и что? — Правильно, крикните, со здоровенными кулаками, волос на голове жесток и мелко светса, а глаза чуть навыкате, с голубиной. Иной незнакомый посмотрит и даже слезка испугается: а вдруг по морде хрястнет! Дед вот сегодня, то есть батя мой, не смог прийти, так и он такой же: никакой лысины! Волосы, хотя и сплошь седина, также в мелких и жестких завитках. Та же... тот же студенческих лет приятель-историк, из серьезных отличников, много чего уже знающий, говорил: «Вот, Андрюха, такой же как у тебя облик имели старорусские люди, что от Новгорода и Пскова потом расселились к востоку, образовав княжества в Ярославле, Твери и Владимире. И небольшая смуглость наша от них же — не были они «белокуроыми бестиями»! — да еще на границе с Дикой степью не одно столетие под тамошним солнцем загорали. А характер решительный и речь быстрая — это уже от нелегкой и ответственной стрелецкой службы. С татарами почти в непрерывных стычках, а попозже с донскими казачками и запорожцами — им тоже палец в рот не клади».

Дед мой, не батя, подлинный дед, давно от нас ушедший, земля ему пухом, с педагогическим тож образованием, работал по партийной линии, курировал облархив в числе прочего, розыск в нем организовал, отыскал-таки столбец этот с упоминанием нашего предка-стрельца. Фотография столбца у бати хранится. Запись в нем старописанными буквами насчет того, что стрелецкий пушечный десятник, это как сейчас, сержант, артиллерийский отделенный командир, Трофим по прозванию Федорищев из засечной стражи Староямного городища за отражение набега сотенной ватаги крымчаков пожалован наказным воеводой Коновницыным наградным серебряным рублем. Это тогда вроде как за георгиевский крест считался.

Я-то на военную службу не попал, а батя мой в артиллерии срочную служил — тоже поддержал традицию от засечных стрельцов-пушкарей. А вот дед, Кирюхин значит прадед, что после войны пединститут закончил и пошел хорошо по партийной части, пока ее самую родную не упразднили за семь лет до кончины его, изменил стрелецкому роду, во флоте служил. Призван в тридцать девятом на только что образованный Северный флот, там же войну встретил и всю ее ломал; демобилизовали только в сорок седьмом: тогда кадровых, то есть призванных до войны, солдат и унтер-офицеров во флоте и авиации подзадержали на пару-тройку лет — чтобы не снижать боеготовности...

Поскольку стрелецкая тема исчерпана, а стопки не устают наполняться, то разговоры за столом переходили к общим темам: о происках америкосов и мудрой политике кого надо, мировом кризисе и падении курса рубля к поганым доллару и евро.

♦ О своем флотском прадеде, Илье Егоровиче, Кирилл, сам-то всего лишь три года как не заставший его в живых, все досконально знал от деда Филиппа Ильича, ро-

дившегося в сорок девятом году — два года потребовалось демобилизованному военному-североморцу, чтобы по прибытии в родной Тулуповск жениться и обзавестись наследником рода и нехитрого капитала: колодки военных медалей и ордена Красной Звезды, да еще высокочтимых в армейско-флотской среде двух нашивок за ранения.

Призванный по кряжести фигуры, среднему образованию и курсов ОСОАВИА-ХИМ'а по радиodelу во флот, Илья Егорович после учебного отряда на Соловках прибыл в Полярный, главную базу Северного флота, самого молодого в стране, где был определен радистом на эсминец «Стремительный», вроде как флагман тогда еще не богатого надводными кораблями флота за Полярным кругом. После начала войны эсминец повоевал недолго: в самом старте осени немецкие самолеты с норвежской базы сумели обойти зенитные батареи, плотно окружавшие подступы к главной базе флота, и сбросили бомбы на корабли и пристани Екатерининской гавани Полярного. Прямым попаданием полутонной фугаски «Стремительный» разломило пополам. Половинки мигом затонули, но большая часть экипажа, оказавшись в воде, да еще перепачканные разлившимся мазутом — эсминец полностью заправился топливом перед выходом в море, — была поднята на борта подоспевших катеров и деревянных ботов. Екатерининская гавань не слишком уж широка; от стоявшего на рейде эсминца до обоих берегов, острова Екатерининского и материкового городского недалеко, поэтому многие из краснофлотцев и сами доплыли. Уже старшина второй статьи Федорищев плавал хорошо, но без подошедшего катера вряд ли бы спасся: при взрыве ранило в ногу. Поэтому его, вместе с другими пострадавшими, прямо от пирса на носилках отправили в стоявший неподалеку главный флотский госпиталь.

После удачного излечения старшина Федорищев вышел из госпиталя с легкой — на всю долгую жизнь — хромотой на левую ногу, а на форменке с первой нашивкой за ранение — редкостная в самом начале войны медаль «За боевые заслуги», поскольку в момент взрыва бомбы, разломившей «Стремительный», не поддавался панике: выбегая из своей радиорубки, действовал по уставу — схватил шифровальную, с грифом «Совершенно секретно», книгу, засунул ее в вырез форменки и выпрыгнул за борт. Как он вспоминал, действовал на автомате, почти не чувствуя раны ноги... И когда в конце сорок третьего ему, вызванному в Полярный уже главстаршине, героический командующий Северным флотом адмирал Головкин вручал «Красную Звезду», то тотчас припомнил: «А-а, так ты и есть тот Федорищев со «Стремительного», что раненый сумел вынести с корабля шифровальную книгу? Ну вот теперь и орден вдобавку к медали носи!»

Увы, все по тем же флотским уставам даже слегка хромающим на кораблях быть не положено. Так Илья Егорович стал и до Победы воевал «сухопутным моряком», а конкретнее — сначала радистом, потом главстаршиной и начальником береговых постов наблюдения и связи. Первый год такой службы пришелся на различные посты на выходе из Кольского залива в Баренцево море: Кувшинская Салма, остров Торос, на полуострове Средний. К осени сорок второго года, как крепкий крестьянин обживается в своем новом, хлопотном хозяйстве, так и Северный флот, подошедший к началу войны в стадии спешного доустройства, избавился от лихорадки торопливости, установился в своей, так сказать, инфраструктуре от сухопутного фронта, который в его «владениях» почти что не отодвинулся в нашу сторону от довоенных границ с Финляндией и Норвегией, до Йоканьги и далее по Терскому берегу Кольского полуострова, что омывается Белым морем. Людей уже не дергали поминутно.

Послужив полгода на очередном посту в Сеть-Наволоке, обеспечивавшем связь и наблюдение для береговых батарей морской артиллерии, прикрывавших вход в Кольский залив, заслужив звание главстаршины, Илья Егорович получил под свое начальствование пост на стыке полуостровов Рыбачьего и Среднего, где и «застабиллизировался» до конца войны.

...И сейчас в домашних застольях, в память о славном краснофлотце, патриархе семейства, после перехода от разговоров к песням, Филипп Ильич, а в его отсутствии (жил он с супругой отдельно) Андрей Филиппович, затягивали гимн Северного флота: «Прощайте, скалистые горы, на подвиг отчизна зовет...». И с особым одушевлением пели строки: «...Растаял в далеком тумане Рыбачий, родимая наша земля!» Так непроизвольно, сызмальства в голове Кирилла и сложилась неразрывная связь ассоциаций: героический прадед — Северный флот — полуостров Рыбачий в почти что осязаемых туманах.

Илья Егорович хотя и окончил пединститут, но по физике, куда как близкой к его военной профессии связиста, радиотехнике. И хотя пошел по партийной линии, в каковой тогда очень приветствовались основательные, образованные люди с большим военным и жизненным опытом: все же год войны за три мирных! Опять тогда еще не появились позднебрежневские «шалуны-партайгеноссе» в среднем партийном звене, что порхали по карьерной лестнице как «и в поле жнец, и на дуде игрец»: неважно где руководить, лишь бы *руками — водить*. Партийный руководитель должен был хорошо, желательно отлично, разбираться в сути дела организации или предприятия. Таким парторгом был Илья Егорович, возглавляя (сам напрашивался!) организации в исследовательских институтах и заводах Тулуповска с профилями, близкими к связи и радиоэлектронике. Даже став, на вершине невеликой своей карьеры, одним из райкомовских секретарей — по промышленности, — он сам себя порекомендовал, для пользы дела, в тот район областного центра, в котором преобладали предприятия и организации такого профиля.

Более того, сына своего Филиппа по окончании срочной службы склонил на вечерню учебу по существовавшей тогда в тулуповском политехе радиотехнической специальности (сын после армии скоро женился, поэтому совмещал работу с учебой). Но самое удивительное, за что Илья Егорович получил в широких начальственных кругах Тулуповска прозвище, впрочем, вполне добродушное, *радиопарторга*, так это его любительское радиоконструирование и даже личная радиолубительская коротковолновая радиостанция с позывным *UAPY*. Даже пары-тройки доносов-анонимок, дескать, партийные тайны морзянкой империалистам передает, в «службу Кленового переулка» удостоился. Тамошние «компетентные» хохотали; мол, для целей контроля этого спортивного занятия, возглавляемого в рамках страны героем-полярником Эрнестом Теодоровичем Кренкелем, есть инспекция электросвязи, которой в Тулуповске заведует отставной полковник «органов» Авзурагов...

К паяльнику* и азбуке Морзе Илья Егорович приучил сына Филиппа еще в дошкольном возрасте. У них осечка вышла лишь с внуком и сыном, соответственно: Андрей, отец будущего Кирилла, испытывал неодолимое, явно от предков-стрельцов, тяготение к военной механике, потому и окончил соответствующий факультет политеха. Но здесь наступила эпоха частнособственничества, Андрей Филиппович занялся торговлишкой и постепенно дошел до нынешних времен «среднеклассным предпринимателем, России спасателем», как иронизировал над сыном Филипп Ильич, лишь в преддверии своего семидесятилетия ушедший на пенсию из знаменитого Конструкторского бюро академика Гусакова. Он же, что называется на дому, прошел с внуком Кирей почти полный курс радиотехникума. С азбукой Морзе по второму спортивному разряду впридачу.

♦ День рождения Кирилла случился неудачным, то есть в первый класс он пошел почти восьмилетним. И родители его как-то не сообразились отдать его в школу в неполные семь лет. Как раз мировой кризис случился, мелкопредпринимательские заботы Андрея Филипповича отвлекли от семейных дел, а мать Кирюши, как и все

---

* Буквально на днях услышал по центральному радио нынешнюю присказку в том роде, кто из современных мужчин знает что такое паяльник и как им пользоваться, тот заслуживает звания уникама...— Прим. авт.

жалостливые русские женщины, даже рада была: пусть чадо еще годик на воле, а не за партией, проведет. С нынешними-то молодыми училками, глупыми и кобылистами! А тут еще раз (первый при Никите в шестидесятых годах...) с американцев собезьянничали одиннадцатилетку. Словом, по окончании школы у Кирилла имелась только одна попытка поступления в университет, если принимать во внимание повестку из военкомата. Дедово воспитание и авторитет Филиппа Ильича в отношении сына со снохой, тем более Кирилла, в таком случае полностью исключал откуп внука от службы, добывание медсправки и прочего инструмента отлынивания. Впрочем, Кирилл не особо-то верил в военкоматовские повестки, исходя из статистики. Слыша в начале весны и осени из телеящика об очередном призыве, где уже привычно фигурировала цифра призываемых в полторы сотни тысяч по всей стране, не выходя за пределы арифметических операций, он вычислял вероятность попадания на срочную в 0,1 %, а в течение года в 0,2 % от численности населения страны, что означало, соответственно, не более десяти и двадцати процентов для ребят призывного возраста. Так что эта самая вероятность попасть в таковые счастливицы не то что мала, но разумна. Да и по жизни он это видел: мало кто из его дворовых и школьных знакомцев, просто знаемых, в армии служил. И в самом, относительно большом областном городе, после спешного закрытия высшего ракетно-артиллерийского училища (с девяностых — института), он видел людей с армейскими атрибутами одежды только в традиционные праздничные дни десантуры, моряков и пограничников. Да и то здесь преобладали парни в тридцать и более лет. Все понятно, время миллионных сражений под барабанный бой, с развевающимися знаменами прошло. Теперь армии мобильные, но достаточные, как говорили с тех же телеэкранов. Политический, совковый оппортунист дед Филипп Ильич ядовито вторил при этом известному эстраднему смехачу: «Пенсия у меня маленькая, но хорошая».

Поэтому, обидно не добрав по своим «эге»-баллам всего-то одного «шара» на радиоэлектронную специальность тулуповского универа (почему-то в этом году она вдруг приобрела популярность?), он вовсе не огорчился, решил, переждав год, повторить попытку. Идти же на платную учебу, о чем было заикнулся отец («Дела, Киря, у меня сейчас, тьфу-тьфу, вроде нормально идут, осилим...»), он — с подачи деда — категорически отказался. Все по его разумным доводам, да и сам он серьезно избрал радиодело своей будущей профессией, Кирилл не стал этот год тратить на обычную подработку: по компьютерной части поденщиком, мелочной торговлишкой, иной лабудой, а устроился — по газетному объявлению — учеником радиомонтажника в опытное производство оборонного радиолокационного исследовательского института. Правда, заведение это, некогда гремевшее в оборонпроме, где был работал в послевоенные годы первый советский военный радиолокатор, в девяностые годы почти затихло, но сейчас оживилось, конечно, в намного меньших, по сравнению с советскими временами, масштабах.

Окончив краткосрочные курсы и сдав на профессиональный разряд, Кирилл до весны трудился в опытном цеху, многое научившись делать, а главное — соотносить в части практической радиолокации. А полновесная, уже не ученическая стипендия! зарплата вызывала неподдельное уважение родителей, гордость совкового деда и, разумеется, некоторое чувство самоуважения самого Кирилла. Собирался он работать до второй попытки поступления. Тем более, в университете со следующего учебного года открывалась специальность радиофизики. Это Кирилла очень обрадовало: во-первых, радиофизика — это инженерная теория радиолокации — здесь он в точку попал! во-вторых, именно по причине инженерно-физической сложности этой специальности желающих поступать на нее, во всяком случае, не толпы наберутся. Не случится давешнего казуса с недобраным «эге»-баллом.

«Бог не Микишка, видит на ком шишка» — неожиданно сбылась на Кирилла обычная дедова притянутая за уши история. Негаданно в военкоматовской лотерее, или как там они

выбирают призывников, он получил повестку на весенний призыв. Даже советский дед несколько огорчился, вспомнив о броне девяностых — начала двухтысячных годов для работников оборонных предприятий. Может даже поэтому — «и ты, Брут, проданся красным командирам» (эпопея о Бендере была прочитана Кириллом трижды) — он с неизжитым еще юношеским гонором пошел в военкомат, где очень даже одобрили его отменное здоровье и кряжистую статью потомка засечных стрельцов. Углядев же в коридоре военкомата пожилого флотского офицера, явно трудившегося здесь на пенсионной отставке, Кирилл подошел к нему, рассказал о северноморце Илье Егоровиче, своем прадеде, воевавшем на полуострове Рыбачьем, раненом на потопленном немцами эсминце «Стремительный», о своем желании именно на Северном флоте служить. Кавторанг обнял парня как родного: «Да ты... да я...». Выяснилось, что сам он, в числе прочих флотов, семь лет базировался в Полярном на дизельной подлодке: от выпускника ленинградского училища подводного плавания, знаменитого ЛВВУПП* до четырех звездочек каплея на погонах. А узнав, что крепкий телом и рассудительный языком призывник еще и радиолобитель со стажем, спортсмен-морзист и имеет профессиональный разряд по монтажу и сборке радиолокационных станций, и вовсе пришел в восторг и прямо повел его к военкому. Несмотря на малую квоту по Тулуповску на флот, еще меньше на Северный, Кирилл в положенный срок, напутствуемый гордящимся внуком Филиппом Ильичем, озабоченным своим *business* отцом и даже слегка всплакнувшей матерью, а также недоумевающими («Мало ему года в пехоте, так, чудила, на удлинненную службу во флоте сам напросился!») приятелями, прибыл на сборный пункт военкомата. Через Москву, затем полторы суток на мурманском поезде, а далее служебным автобусом по левому берегу Кольского залива, он прибыл в Полярный в начале заполярного лета с незаходящим суточным солнцем. Из карантинной казармы любовался неожиданно большим городом, раскинувшимся вольготно своими многоэтажными домами по гранитным сопкам и пологим ущельям между ними. Окна его учебного отряда выходили прямо на Екатерининскую гавань, в которой тонул восемьдесят лет назад раненый на разбомбленном немецкими самолетами эсминце «Стремительный» его прадед Илья Егорович.

♦ С первых дней учебки, естественно попав по сопроводительным из тулуповского военкомата (давешний отставной кавторанг постарался на совесть, расписал как надо!) документам на него в разряд радистов, Кирилл узнал, что главной базой Краснознаменного Северного флота является Североморск — в получасе ходьбы катера от Полярного наискосок по Кольскому заливу, а Полярный суть главная же база Краснознаменной Кольской флотилии, задача которой есть охрана в мирное, а главное в военное время береговых и водных рубежей «владений» Северного флота от норвежской границы до беломорского Терского побережья Кольского полуострова. То есть, как объяснил начальник учебки по-военному кратко и доходчиво, Североморск с его крейсерами, сохранившимся единственным авианосцем, атомными подводными лодками, рассредоточенными по губам кольского побережья и большими противолодочными кораблями крейсерского типа — это стратегия, а наша флотилия есть оперативно-тактическое охранение этой стратегии в местах ее базирования.

Действительно, около пирсов Екатерининской гавани Кирилл видел только стоящие в несколько номеров, то есть ошвартованные борт к борту, сторожевые и торпедные катера, минные тральщики и другие корабли малого класса. «Ничего, служить на них даже ответственнее», — не огорчился Кирилл, что не суждено ему попасть на крейсер, эсминец, стратегическую или ударную атомную подлодку. Сам ведь в военкомате в Полярный напросился! — продолжать прадедову традицию. Назвался груздем, так полезай в кузов.

---

* Ленинградское высшее военное училище подводного плавания — знаменитая, орденоносная кузница кадров советских (и нынешних) подводников. — Прим. авт.

Но к окончанию изучения уставов, освоения маршевого шага и ознакомления с корабельными радиосредствами Кирилл ожидало огорчение. Ему объяснили, что вакансии корабельных радистов сейчас заняты и вообще все идет к тому, что экипажи все более формируются из сверхсрочников, которых ныне именуют по-американски (здесь солидный, близкий к отставному возрасту начальник учебки по-морщился) *контрактниками*. Поэтому, учитывая добротные рекомендации матросу Федорищеву с места призыва, профессиональное знание радиолокационной техники, навыки радиоконструктора и — здесь офицер уважительно растянул слова — спортивный разряд по азбуке Морзе, оный матрос направляется для прохождения дальнейшей службы на береговую радиолокационную станцию на полуострове Рыбачьем. Заодно кавторанг, отметив некоторое усумнение на лицах матросов при упоминании азбуки Морзе, разъяснил, что нынешняя высококлассная техника связи, даже с привязкой к космосу, дело хорошее, но флот по диспозиции всегда должен находиться в состоянии, близком к военному, а в начале боевых действий и спутники могут сбить, телекоммуникационные сети вирусами и иными действиями из строя напрочь вывести, сложно организованную радиосвязь заглушить средствами радиопротиводействия... «словом, товарищи матросы, по крайней необходимости нет ничего надежнее в пехоте мосинской винтовки, а в радиосвязи азбуки Морзе! Говорят много знающие люди, что и в технических службах генштаба, в управлении стратегическими войсками обязательно есть морзисты».

...Сторожевиком, идущим в район Печенги на норвежской границе, матроса Федорищева и еще одного салагу, призванного из Медвежьегорска, что на юге Карелии, доставили на «точку» восточного берега полуострова Рыбачьего. Где-то рядом в войну служил прадед Илья Егорович. Круг через восемьдесят лет замкнулся его потомком.

♦ Уже вполне освоившийся со службой, Кирилл, вновь возвращенный годками* к прежнему дворовому и школьному Кире, в законный выходной, что на их точке не общий воскресный, законодательный ранее для царской, потом советской, а сейчас российской армии, но по дежурному скользящему графику, в ласково-теплый августовский день спустился по пологому склону *своей* береговой сопки в ложбину, объелся уже перезрелой, значит в самой сладости, морошкой и неторопливо по травянистому взгорью поднялся на соседнюю — в материковую сторону — сопку. По простоте уединенной жизни их точки, на полтора десятка километров, как циркулем отведенных, удаленной от мест обитания других живых душ, все отделение, обслуживающее радиолокационную станцию, давно забыло, что такое отутюженные клешни, форменки с гюйсами, щеголеватые надраенные ботинки. Если по повседневно-выходной форме и одевались, чертыхаясь, то когда радист Киря оповещал командира отделения главстаршину Игоря Семейкина, родом из Курска, что к ним на катере приближается начальство, обычно регламентное инженерное. Понятно, чаще не официально сообщали, а по «флотской перекличке: огонь по линии, ку-ка-ре-ку!». Но такое случалось редко, раз в полтора-два месяца. А так форма одежды, исключая время сна, регламентируемая как рабочая. Летом — отродясь не знавшие утюга холстинковые, то есть из тонкого брезента, белые просторные штаны и поверх выпущенная роба с вырезом, как у форменки, под которой тельняшка. На голове черная пилотка — если дождик накрапывает, ноги обуты в ботинки-бахилы чуть ли не из бычьей кожи с подрезиненными подошвами. На гражданке такие носят грузчики, строители и канализационные ремонтники. В совсем жаркие летние дни щеголяют, у кого имеются, в кроссовках. На самой же точке в такие дни, в «избушке», в рабочем отсеке станции и в ходьбе между ними и вовсе черные тапочки с запяточниками на резинках. Как объяснили Кириллу, удобные эти тапочки по форме одежды не значатся,

---

* Годки на флоте, как и земели в сухопутных войсках, принятое обращение друг к другу сослуживцев рядового состава.— При. авт.

но по сложным взаиморасчетам с интендантскими годками даже в такой глухомани они не редкость. Поговаривали старослужащие, что такая обувка суть рабочая форма одежды атомных подводников. Чтобы под водой, затаившись, ботиночными каблучками не стукотали.

...Поэтому, взобравшись на сопку, на плоской верхушке поросшую на тонком слое мшастого торфа уже пожухлешшим вороничником, не опасаясь помяться, он полуприлег, подперев скулу ладонью правой руки, локоть которой мягко утоп в пружинистом мху. Полное, увы, короткое блаженство несуетливой жизни на кромке Заполярья: в полутора километрах отсюда и вполовину ближе от их точки — берег Баренцева моря, от которого по прямой линии до Северного полюса *ни единого клочка земной суши*.

Не ленив, тем более не трусоват Кирилл, потомок засечных стрельцов рода Федорищевых, но вовсе не сокрушался, что не попал на боевой корабль. Здешняя жизнь, флотский устав, во всем регулирующий разумно человеческие взаимоотношения, сама дикая и контрастная — теплое лето и полярная ночь, которой незлобиво пугали его старослужащие — природа, словом, все так поразило среднерусского горожанина Кирилла в первые две-три недели пребывания на отъединенной от всего мира точке, что и сейчас, ко всему привыкнув, полагал себя то ли жильцом обитаемого Марса, а скорее путешественником минувших веков, добравшимся до края окоема земли. Даже хозяйство их точки не снижает впечатления: радиолокационная станция на колесах, застопоренных гранитными булыжниками, круглосуточно отслеживающая свой сектор моря неспешным поворотом вправо — влево решетчатой, изогнутой в рабочее поле обзора антенной, установленной на коробе рабочего отсека с дежурным, рядом «избушка» — кирпичный домик казармы на отделение, десяток матросов, а между ними уже подлинно избушка без окон и курьих ножек, но с дверью, из гофрированного оцинкованного железа, в которой установлен аварийный дизель и стоят бочки с соляжкой. Это на случай, если в мирное или военное время закоротит или перерубится взрывом, соответственно, проложенный неглубоко — не гранит же взрывать! — силовой кабель от центрального поста, далекого отсюда. В параллель с ним уложен и связной кабель, по которому круглосуточно же идет на этот пост отслеживаемая станцией картина сектора обзора. И еще уставная скамейка с бочкой, наполненной до половины песком — место курения. Но это скорее в здешней безнадзорности для проверяющего начальства. Наконец, утопанная уже не одним призывом годков спортплощадка: с одной стороны символические футбольные ворота из жердин, с другой — столб с волейбольной корзиной. Понятно, это самодеятельность предшественников. Проверяющие золотопогонники не возражают.

Вот дымок из печи казармы. Это Антон, кок по совместительству, харч на обед и ужин сразу гоношит. Главстаршина Семейкин, впрочем Игорь в общении, вышел из рабочего отсека станции, повернулся лицом к берегу. Что он там высматривает? Наверное, замечтался о своей будущей квартире в Курске, на которую второй год зарабатывает деньги, оставшись на сверхсрочную, то бишь контрактную службу. Невеста, с которой он познакомился в отпуске после окончания срочной, надежная. Это главстаршина безо всякого сомнения в голосе говорит: «Пока я здесь бабки заколачиваю, она тоже без дела не сидит: учится в медучилище и работает одновременно в больнице. Как раз через год и я отсалютую Северному флоту, и она в медсестры выйдет».

А на уставной скамейке сидит прибывший вместе с ним сюда Витя Кайнолайнен, карел из Медвежьегорска, но называет себя финном*. Кирилл усмехнулся: как у Мая-

---

* Без обиды как для карелов, так и для финнов: это совершенно один и тот же народ, только исторически разделенный в госпринадлежности. Язык у них один — финский; карельского даже диалекта нет. А знаменитый финский эпос «Калевала» был записан в Восточной Карелии, на берегу Белого моря...— Прим. авт.

ковского тот электромонтер Ваня, что «в духе парижан нарек себя электротехник Жан». Но — отменно хороший парень. Сидит же на скамеечке не для курения, а книжку читает. У него сегодня не выходной, но он на подсмене дежурного оператора станции. Вышел из казармы с удочкой на плече Серега Тишинский, москвич, прошлогоднего осеннего призыва, и — курс норд-норд на берег, треску ловить. Кок Антон, по согласованию с Игорем Семейкиным, отправил: «Рыбу жареную на ужин все любят с пюрешкой рубать, товарищ наш главстаршина, а ловить треску кто будет? Фаддей Фаддеевич Беллингаузен, а?»

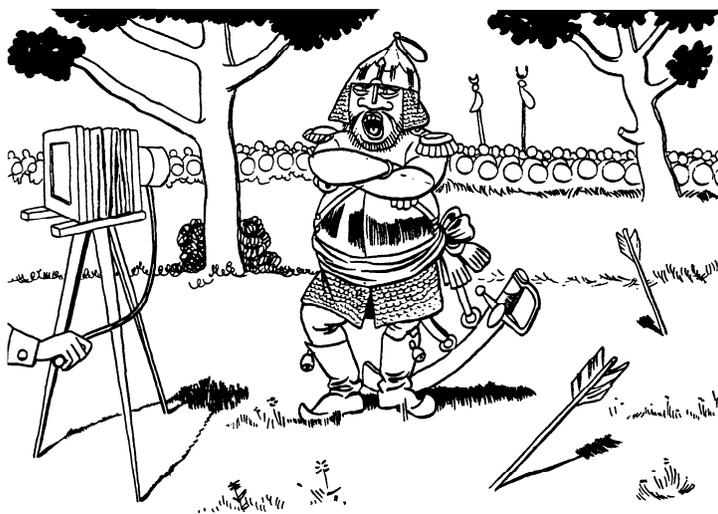
...Кирилл расхохотался, мысленно представив разговор остряка Антона с добродушнейшим, но служакой Семейкиным.

Точно, в другой мир попал. Люди немногие... Кирилл подыскивал нужные слова и нашел: точно вошел в кадры старых фильмов о Максиме Перепелице и Иване Бровкине. И не предполагал, когда случайно смотрел их по телевизору, усмехаясь пропагандистской советской наивности, что все это может быть сейчас в нынешней безличной жизни. Даже не сплывающая людей отъединенность от большого мира и тот факт, что во флот военкомат и медкомиссия не пропустят невротиков и психопатов, хоть с подозрениями на таковые распространенные ныне характеры молодежи, переносили их крохотное подразделение в кадры тех давних фильмов, той совершенно другой жизни. Просто достаточно современному, наглухо компьютеризированному «онлайкину», почти что моральному уроду, подперченному лицемерием «толерансии» и политкорректности — Кирилл не по-бабски на других здесь кивал, но здраво и себя оценивал, — попасть в естество природы, тем более дикой северной, как вся воспитанная дурь, уничтожающая все естественное человеческое глобальная оцифровка — все в считанные недели отлетают в небытие.

Сейчас же Кирилл почти с ужасом вспоминал о городской своей жизни, исключая только наставительные, не нудные, но занимающие воображение рассуждения деда Филиппа Ильича, домашнюю радиомастерскую и работу в радиолокационном производстве. Нет, да и по инструкции не положено быть здесь интернету. Вместо отсутствующей сотовой связи только раз в месяц короткий телефонный звонок домой через коммутатор в Полярном. Зато Кирилл впервые в жизни стал писать «бумажные», не э-мейловые, письма. Откуда-то взявшийся на точке телевизор хотя и принимает слабенько передачи мурманского телецентра — далеко, но по подстилающей водной поверхности сигнал, когда нет туманов, доходит, — но радиолокатор круглые сутки этот сигнал напрочь глушит. Одно радио, да еще кто-то из предшественников оставил на память братве видик под диски, вот и телевизор пригодился. Уже сложилась коллекция фильмов. Как говорят старослужащие, в полярную ночь хорошо помогают коротать время. И что? — Совсем распрекрасно, голова постепенно сама, без подсказки, учится мыслить. Глаза не портятся. Даже кончики пальцев, отвыкнув от клавиатуры компа и скольжения по стеклу планшета и смартфона, приобретают чувствительность, для которой они и были созданы природой. Кирилл, конечно, понимал категоричность своего юношеского максимализма, но от реальности же никуда не денешься? — Ведь все десять его сослуживцев, совершенно разных мест призыва, образа жизни, воспитания-образования, словом, все различные, даже четырех национальностей — с преобладанием русской, все одинаково забыли о механизмирующем людей интернете, мобилломании, идиотизирующем телеяшике. И все армия... в смысле флот помогли снять наваждение. Значит, военная служба сейчас единственно *предохраняет* человека от превращения его в робота непонятного назначения.

...Кирилл служил добросовестно. И чем ближе шло к дембелю, тем чаще он вспоминал дедовы сожаления, что-де в свое время послушался отца своего Илью Егоровича и поступил в тулуповский политех, а не исполнил его армейскую мечту: идти в военные, для чего закончить в Ленинграде военную академию связи имени

Семена Михайловича Буденного.* При случае расспросил прибывшего на точку с регламентной инспекцией инженерного офицера. Тот его порадовал: академия эта в Питере, правда, с несколько иным названием, жива-здорова. А при хорошей аттестации старшего матроса (Кирилл уже и в чине подрос!) Федорищева до приема в академию допустят после окончания срочной.

Если между шахматными фигурами и большинством современных российских сословий приходится, наморщив лоб, искать аналогии, то между шахматными офицерами и их коллегами в вооруженных силах никакого различия нет — за исключением контрактников, воюющих в «горячих точках», и младших офицеров в гарнизонах глухих мест. В больших же городах, не говоря уже о столицах, улицы в разгар служебного дня заполнены чинами не ниже майорского достоинства в самых разнообразных мундирах. Все они при портфелях-дипломатах, останавливаются перед каждой витриной, в винных отделах магазинов покупают водку хорошей выделки или «мартини» для дам, в аптеках запасаются презервативами. Пистолеты у них отобрал еще «кранний Ельцин».

* Здесь имеется в виду, что дед Кирилла родился в 1948—49 гг., то есть окончил школу в 1966 году, когда завершилась «хрущевская одиннадцатилетка» и имел место одновременный выпуск десяти- и одиннадцатиклассников. Забота советской власти, учитывая и двойные конкурсы в вузы, проявилась и тем, что в этот год, в порядке исключения, было разрешено принимать в военные академии не только офицеров, но и школьных выпускников. Кстати, это же имело место быть в послевоенные годы. В определенных случаях это и сейчас допускается.— Прим. авт.

ЛЕЧИТЬ ПРОБЛЕМУ...

Когда летом 1892 года, в самом конце девятнадцатого века, появилась в нашей стране холера, немедленно же появилось и разномыслие, что надо делать. «Врачи говорили, что надо убить запятую*, а народ думал, что надо убить врачей».

Н. С. Лесков «Импровизаторы (картинки с натуры)»

◆ Шалопайный Серега Евсюков никогда не задумывался о философских категориях, вполне резонно полагая, что для обретаемой им профессии врача, как сугубо практической и приземленной, всякие наукообразия излишни и вообще вредны. Хотя интуитивно и догадывался: всякие последствия имеют предшествующую цепь причинностей, причем цепь эта не обычная собачья, а хитросплетенная с совершенно случайным сочетанием завитков. Но ведь и самый изощренный ум не может предугадать архитектуру таких сплетений?

К чему это мы? А к тому, что огорчительному конфузу студента-медика Сереги Евсюкова на выпускном госэкзамене предшествовали самые различные звенья, одни из которых не имели отношения к Сереге, другие — к госэкзамену и так далее. Например, его происхождение: из классической семьи — отец инженер, мать учительница — оба с советским началом, но только до окончания школы. Поэтому-то отец только по образованию инженер, а так на подхвате по технической части, правда, в достаточно крупной фирме, и с деньгами не роскошествует, но и не нищенствует. Словом, небольшую свою семью содержит, так сказать, среднестатистически.

Вот-вот, здесь другое звено сплетается с предыдущим, коль скоро о статистике проговорено. Проговорено же было московским профессором, но здесь и другое звено цепи пристегивается. Медицинский факультет, на котором шесть лет учился, а теперь оканчивал Серега, был из разряда классики лихих девяностых, а именно: два десятка с лишним новообразованных в областных центрах, из прежних технических и педагогических институтов, университетов «классического типа» в одночасье обзавелись, в числе прочих, медицинскими факультетами. Коль скоро в те славные годы первоначального, ваучерно-воровского, накопления капитала никому дела не стало до образования, разные министерства которых употребили той фольклорной короле, которую доит деревенский вор, то там просто махнули рукой: открывайте какие хотите факультеты, хоть изучения марсианской флоры и фауны, только не толпитесь в наших приемных. Дескать, не до тебя, паря, не до тебя. Зато областные воеводы с возвращенными их сословию званиями губернаторов поддержали новооткрывателей: теперь в *их* областях *своих* эскулапов будем готовить! Сложнее дело с кадрами. Поэтому поначалу часто приглашали вахтовым порядком московскую профессуру. Те с удовольствием в Тулуповск приезжали: недалеко, дорога неустойчивая, а здесь покрасуются, пообщаются с робкими (не московское хамье!) студентами, а по вечерам банкеты за счет заведения. Это ведь как отдых на дачке. И милое провинциальное юношество, по наивности неопитованных знаний жаждущее, с восторгом слушало лекции маститых столичных профессоров, которые наизусть лекции читают, а не посматривая в раскрытые и перелистываемые учебники, как местные преподаватели, спешно набранные из различного народа...

А профессора те свято продолжают со времен первых русских университетов сложившиеся традиции, в каковые по части медицины входят неперемные остроты и анекдоты. Так и доверие студентов достигается и разрядку дает, мол, мы писали,

---

* В русской публицистике конца XIX века *запятой* называли уже открытый холерный вибрион, под микроскопом имеющий форму запятой.— Прим. авт.

мы писали, наши пальчики устали... и так далее. Так в обиход провинциального медфакультета входят остроуты, уже местными доцентами из года в год повторяемые. Например: «Хирург все умеет, но ничего не знает; терапевт все знает, но ничего не умеет; все знает и все умеет патологоанатом, но уже поздно». А со статистикой связана притянутая за уши: «Есть ложь, есть грубая ложь, наконец, есть медицинская статистика».

Вот на эту медстатистику нанизывается еще одно звено, отдаленно связанное с конфузом Сереги Евсюкова на госэкзамене.

Только что в местном, областном облздраве, в девяностых переименованном в департамент, а ныне и вовсе в министерство, случился грандскандал с оргвыводами. В столице, в настоящем министерстве, остались недовольны статистическим отчетом за прошлый год по нашей области. Особенно не устроили вышестоящих цифры смертности по сердечно-сосудистым заболеваниям. Как раз на должность местного медик-министра заступил совсем молодой, даже не достигший тридцатилетнего возраста родной племянник мощной руководительницы кадрами облдминистрации, что крепко сидит на своем месте: я, мол, четырех губернаторов пережила и сколько-то их еще будет! По молодой наглости и полному отсутствию административной грации, зарвавшийся молодец не только начал хапать не по чину, но и посмеялся в части медстатистики, обьявив подчиненным в том смысле, что если в Москве не нравятся цифры по сердечным болезням, то перепишите этот отчет, убавив эти цифры в несколько раз, а умерших «растачите» по другим нозологическим группам. И привел пример: допустим, отдал богу душу сердечник, едучи в автомобиле или в простонародном трамвае, так и пишите его по графе ДТП. И так далее, сами сообразитесь!

Исправленный статотчет прибыл в Москву одновременно с доносом на зарвавшегося племянника. Известно со времен Гиппократы, Авиценны и древнеиудейского Маймонида, что именно по медицинскому ведомству доносы есть самый распространенный рабочий инструмент. По закону «парных случаев», тоже исповедуемому в медицине, как раз в области сменился губернатор: прежний ушел с должности с очень сомнительным диагнозом «по собственному желанию». А новый удельный руководитель на Руси со времен еще языческих Гостомысла и Рюрика в самом начале своего властвования ведет себя стереотипно и проверенно, как то великолепно описал (сам вице-губернатор, а в нашей губернии председатель Казенной палаты) Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин в цикле сказок про медведя на воеводстве: для начала устраивается кровопролитие — чтобы хорошенько запомнили! Здесь же и заслуженная жертва есть — зарвавшийся племянник. Его с позором — то есть перевели на менее заметную должность в другом месте — изгнали, провели образцовую порку и в самом облздра... то есть министерстве. Дело получило всероссийскую огласку.

...Не будем утомлять и запутывать читателя нанизыванием звеньев цепи, а просто укажем на два основных, что причастны к конфузу Сереги Евсюкова на госэкзамене: учительница мать и новая областная медминистерша. Да еще введение в последние тридцать лет в обиход русского языка множества американизмов. Теперь сочлененную своими звеньями причинно-следственную цепь накинем на попавшего в ее теньта Серегу.

♦ Учился Серега ни шатко, ни валко, но далеко не двоечник, даже ближе к четверичнику, нежели записному тройбанщику. А на фоне иностранцев, бывших советских среднеазиатов и ближневосточных арабов, у которых по бедности не было денег для учебы в америках-европах, даже в российских медвузах «с традицией», и вовсе отличником гляделся. На шестом курсе госэкзамена не опасался. Правда, уже год как пресловутая «оптимизация» в медицине — самая грандиозная после строительства Панамского канала афера — наказала и образование: отменили ранее обязательную для всех медиков интернатуру. А в двухгодичную ординатуру по числу мест все не попадали. То есть выпускники всего лишь с дипломом об окончании медвуза единственным местом работы могли иметь только должность поликлинического терапевта.

Самую ничтожную и малоодоходную. То есть все же озаботился Серега: чем с лучшей стороны на госэкзамене покажешься, тем больше вероятность, что на тебя обратят внимание члены комиссии, то есть завкафедрами и главврачи городских лечебниц — руководители ординатур по специальностям. Понятно, что и весь шестой курс — с дальним прицелом на ординатуру — тоже требовал поднапряга, чтобы закрепить в памяти руководителей ординатур. Конечно, это не относилось к среднеазиатским и ближневосточным студентам: им нужен только диплом, чтобы на своих исторических роинах занять должности по медицинскому чиновничеству.

Вот почему Серега Евсюков, по необходимости, на последнем курсе слегка посерьезнел, научился у девок лицемерить перед преподами, а у иностранцев, у ближневосточных арабов, льстить, хотя бы по домашнему воспитанию по жизни к таким качествам относился брезгливо. Нужда заставит и петухом запоешь!

Настал момент истины. С начала экзамена волнующиеся выпускники узнали и новость: впервые за двадцатилетнюю практику госэкзаменов их почтило своим вниманием областное медицинское начальство в лице новоназначенной вместо огорченного племянника здравоохранительной министерши. Почему впервые? Казалось бы, кому как не губернскому медчиновничеству пестовать *собственную* кузницу кадров, гордиться ею и всячески афишировать в прессе, на телевидении, главное, в отчетах для Москвы. Ан нет, здесь нашла коса на камень. Хотя за двадцатилетие выпусков эти кадры уже на три четверти составляли медперсонал города и всей области, трудились и специалистами и завотделениями, один даже сумел стать главврачом областной больницы, но быстро проворовался и ушел в отстой, тем не менее для департамента, потом министерства областной медицины, а значит и для масс-медиа, таковой кузницы кадров как бы не существовало. Более того, все эти двадцать лет, явно с департаментско-министерской подачи, сарафанное радио, традиционно сильное даже сейчас, в интернетовский век, распространяло слух, что-де на медицинском факультете местного университета готовят вовсе не врачей, а фельдшеров и медсестричек!

Причина опять же в исторически глубокой традиционности уклада и устройства жизни древнего, ровесника столицы, города. Избегая неполиткорректного, введенного в мировой обиход Джузеппе Гарибальди* термина «мафия» использовать не станем. Просто именно и только в медицинской сфере в городе еще с царских времен сложилась даже не родственная семейственность, но скорее династичность «духа и порядка», куда чужаков на любые руководящие должности, а также в образовательные сферы и, так сказать, в круг ведущих специалистов-практиков, стремились не допускать. Но в лихие девяностые «все смешалось в доме Облонских», а руководителем областной медицины и создателем медицинского факультета стал не человек «семьи», но чужак — хотя бы он и трудился на гиппократовой ниве областной и городской медицины с момента окончания медицинского института, а в наши пенаты попал по распределению. Но — чужак он и есть чужак. Когда во второй половине девяностых порядок «в доме Облонских» начал постепенно восстанавливаться, то медицинская семейственность и династичность скоренько взяла реванш, отстранив чужака от здравоохранительной власти. Но медфакультет остался за ним, а потому и по сию пору пребывает в глухих нетях со стороны этой власти.

...Потому-то визит новопоставленной министерши на госэкзамен в качестве почетного члена комиссии и вызвал в головах студентов и преподавателей, руководства медфакультета многие думы и догадки, а вдруг? — Но никакого «вдруг» не было и

---

* Мафия — это аббревиатура MF — блестяще использованная Гарибальди в многолетней борьбе с Австрией за освобождение Италии и создании единого государства традиция «семей» Сицилии и Южной Италии: мафиозные семьи финансировали армию Гарибальди. Это как эсеровские и социал-демократические «экспроприаторы» готовили русские революции в начале XX века. Классическая здесь фигура — Камо в Закавказье. — Прим. авт.

не могло случиться. Все дело в пресловутой административной грации. Новый же губернатор, не зная о традиционности местного чиновничества (только в курс дел входил по прибытию), восхитился, узнав о существовании *своей* кузницы эскулапов, и сделал комплимент медицинской министерше на одном из совещаний с высшими чиновниками области. Той не оставалось ничего иного, как сделать визит осторожной вежливости на медфакультет, избрав в качестве повода любопытствовать насчет качества проводимого госэкзамена. Кстати, и дочь ее подружки со школьных лет этот экзамен сдавала. Ну, это просто совпадение.

Сергея Евсюков хорошо написал тест — первую часть экзамена. Уверенно и даже со слегка наигранной бойкостью отвечал на вопросы в части устной. Уже экзаменаторы одобрительно переглядывались, довольные ответами, явно собираясь следующего «на ковер» вызывать, как министерша, доселе молчавшая, выдерживавшая авторитет и монаршую снисходительность к происходящему — где вы, а вот где мы? — и обратилась к Сергею, уверенно ответившего на последний вопрос: о причинах, этиологии по-медицински, и патологии секреции пепсиногена, активирующего или, наоборот, снижающего выработку пепсина, регулирующего, в свою очередь, поступление соляной кислоты в желудочно-кишечную систему, а значит в крайних случаях провоцирующих всякие язвенно-гастритные хвори, с вопросом общего характера, но по теме: «Скажите, студент, э-э, Евсюков, а как *лечить* эту проблему?»

Вот здесь-то и случился конфуз, который едва не стоил будущей врачебной карьеры Сергею Евсюкову, а его анекдотическая передача наверняка в будущем перейдет в фольклор медфакультета. Причину же конфуза, уже потом, здраво размышляя, Сергей видел в учительнице матери, а более в том возбужденно-веселом состоянии, что обычно для студента, уже почти сдавшего экзамен, причем явно на хорошую, даже отличную оценку. Услышав адресованные ему слова доселе горделиво молчавшей министерши, дамы профессионально чиновной, возраста последней, увы, уже косметической *спа-молочно-восковой*, молодости, полнота которой если и скрашивалась, то только высокой должностью, Сергею бы чуть призадуматься, припомнить из курсов патофизиологии, внутренних болезней и фармакологии, что показана здесь терапия препаратом омега, а еще лучше (хотя в десять раз дороже!) японского декслансопразола с торговым названием дексилант... но всю эту премудрость, в силу возбужденно-веселого, лихорадящего состояния, вытеснил образ матери, школьной учительницы литературы, в силу принадлежности к которой она люто ненавидела современную порчу русского языка: американизмы, околокомпьютерный жаргон, совершенную безграмотность всех, без исключения, вещающих на радио и телевидении. Даже неприятности в своей школе с родителями учеников по этому поводу постоянно имела. И директриса ее дружески уговаривала: «Екатерина Васильевна! Да так сейчас все говорят. Ведь зачем с ветряными мельницами сражаться? Вспомни, Катя, какому нас с тобой русскому языку учили в пединституте (подругами-однокашницами они были), и что мы вокруг слышим? Оставь, не наживай себе хлопот...».

Мать и дома порой, за тем же обедом, выплескивала свое возмущение супругу и сыну: «Как же можно на всю страну по телевизору и радио чуть не сто раз за день говорить: «Участники голосования, *достигшие* восемнадцати лет...»? Или полный идиотизм: якобы политкорректно называть афроамериканцем чистокровного африканского негра! А как обезьянническая, набившая оскомину «перезагрузка»? Мало им американского жаргона, так и чисто русские слова окончанием *инг* вовсю снабжают: паркинг, банкинг, инжиниринг!» Отец, которому в его заботах наплевать было на чистоту русского языка, приняв рюмку перед обедом «для здоровья», подмигнув сыну, шутковато подначивал жену: «Вот-вот, Васильевна, все частят по ящику каким-то фашистским словом навроде «хрен-со-штегом». Да еще эти собачьи дети, телекомментаторы, издеваются над народом, обязательно это «хайль-штег» вставят, когда говорят о подготовке к парадам военным!»

...Но пуще Гитлера и Чингисхана с Мамаем Екатерина Васильевна ненавидела слово «проблема», ранее в русском языке употреблявшееся редко и только в науке, навроде «проблемы математики», «проблемы художественного перевода». «Теперь же,— возмущалась мать Сереги Евсюкова,— эта чертова «проблема» заменила половину всех русских слов. Понятно, американский диалект английского языка нищенски беден словами, вот у них и на каждом зубе это проблем. А нам это зачем? Я вот как-то вечер посидела и нашла под тридцать слов, контекстно заменяющих эту «проблему»! Противно...».

Теперь же, услышав вопрос министерши, внутренне ужасаясь своим словам, чувствуя что падает в бездонную пропасть, но уже не в силах управлять своей речью, Серега произнес одну из материнных язвительных присказок: «Так ведь лечить проблему все одно, что раскопать теорему! Лечат ведь болезнь, а не проблему?» Сказал и потерял дар речи, хотя собирался далее продолжить по существу вопроса — это про японский декслансопразол.

♦ В заскучавшей было от рутинности экзаменационного действия аудитории тотчас возникло заметное оживление. Глубоко плюющие на все медицинское начальство, знающие себе цену и незаменимость больничные специалисты, члены экзаменационной комиссии, откровенно заухмылялись, даже поощрительно поглядывая на Серегу. Но заведующие выпускающими кафедрами, как истинные верноподданнические препода, зашикали на защитника русской словесности, с наигранным возмущением попарно перебивая друг друга: «Позор! Нашел место для остроумия!» «Плохо, плохо их воспитывают деканат и общетеоретические кафедры!» «Никакого понятия о субординации!» «Таким не место в ординатуре, пусть поработает терапевтом в поликлинике, научится вежливости!»

...Председатель комиссии как-то ловко замял назревающий скандал, переведя разговор на все усиливающуюся заботу областного здравминистерства об их факультете «с приходом к руководству известного организатора здравоохранения, поборника улучшающей его качество и доступность оптимизации, оказавшую нам честь сегодняшним присутствием Надежду Семеновну». Выйдя из минутного ступора, Серега каким-то чужим, вроде как бы со стороны произносимым, голосом все же рассказал о терапии препаратами омеза, а еще лучше (про сравнение цен благоразумно умолчал) применении японского декслансопразола. Чисто машинально, боковым зрением, он отметил, что обиженно поджавшая несколько плотоядные губы министерша, щеки которой покрылись злым малиновым румянцем, вынула из своей сумки блокнот в кожаном переплете, что-то записала в нем, искоса заглядывая в экзаменационную ведомость, лежавшую на столе перед ее соседом — председателем комиссии. Понятно, запротоколировала полное ФИО Сереги. Это и ежу понятно. Некстати вспомнились и слова веселого московского профессора, рассказчика анекдота о медстатистике: «...Чиновники вообще народ злопамятный, но и здесь медицинские на голову выше!»

На Серегиних рассуждениях о японском препарате председатель сделал экзаменуемому отмашку рукой, дескать, достаточно, малоуважаемый, и так слишком *много* чего сказал. На ватных ногах вышел из аудитории. На расспросы толпящихся в коридоре однокурсников, еще не представших перед экзаменаторами, только — не хуже как только что председатель — махнул рукой и, провожаемый сочувственными взглядами явно равнодушных к чистоте родного языка однокашников, побрел к выходу из корпуса. Но и на улице застывший в безветрии раскаленный воздух середины лета бодрости не прибавил. Требовались радикальные меры. Известно какие: в совсем близкую «Наливайку». Перейдя улицу, боковым зрением увидел, что и министерша покидает корпус, почтительно провожаемая председателем комиссии до стоявшего у самого входа черного служебного «мерса» с водителем. Это Серегу добило, поэтому через пяток минут дойдя до известного всем студентам заведения «Наливай-

ка!», он сразу у стойки хватанул сотку, а еще одну и бутерброд с колбасой перенес на столик.

Отупело глядя на стакан с водярой, Серега гнал из головы все мысли, почти насильно, психотренингом приводя себя в состояние бездумной расслабленности. Но здесь затренькал мобильник. Звонил дружбан Севка: уже все знали о происшествии, а со слов выходявшей по делам из аудитории секретарши комиссии и о счастливом исходе конфуза: устную часть экзамена Сереге зачли и даже со справедливой оценкой. Но — с серьезной укоризной, имеющей малоприятные для отрока последствия. Узнав, точнее — угадав, о месте пребывания борца с американизмами, Севка просил не торопиться, а дожждаться его. Домой он заявился поздним вечером: молодой организм, в компании с Севкой и еще двумя одногруппниками, успел дважды нагрузиться и вытрезвиться. Родителям сказал просто, немногословно, что экзамен сдал. И пошел в свою комнату отсыпаться до одиннадцати часов утра следующего дня.

До скорого вручения диплома и выпускной гулянки Серега улучил случай поговорить с двумя завкафедрами, ранее вроде бы благоволившими к нему — насчет ординатуры по направлениям их кафедр. Обе специальности уже с прошлого года полагал он для себя вполне приемлемыми. Но они, отводя в сторону глаза и озбоченно все торопясь уйти по своим хлопотным делам, отчужденными голосами и в сугубо казенных словах говорили об уже «заполненных по вакансиям местах». И малопривлекательной для их солидных фигур рысцой убежали от Сереги.

Но видно господь на горних вершинах небеси, аки сущий в триединстве, почувствовал нашему отечеству, дабы хоть родной язык в его чистоте сохранить, и послал Сереге случайную встречу в коридоре корпуса медфакультета с членом экзаменационной комиссии, заведующим травматологией городской больницы скорой помощи. Николай Александрович, человек прежнего закала, хотя с внешностью еще веселой бодрости, зашел в деканат в чем-то там расписаться по экзаменационной части. Завидев же скандального студента, поздоровался в ответ на приветствие Сереги, приостановился. «Ну и лихо ты министершу осадил! Однако, поосторожнее в жизни будь: жить с оглядкой всегда у нас первый девиз. Оценки у тебя хорошие — уже определился с ординатурой?» Расчувствованный таким вниманием Николая Александровича, которого он знал по первому семестру этого учебного года — со своей группой по курсу травматологии ходил на практические занятия в «травму» больницы скорой помощи, Серега и рассказал о последствиях экзаменационного конфуза. «Да? Видно Надежда наша Семеновна не на шутку разобиделась, раз объявила тебя персоной нон грата. Вот что,— посерьезнел главтравм,— парень ты, я вижу, с головой и, главное, руки у тебя по виду крепкие, с бицепсами не от каши. Давай ко мне. Место образовалось: обещал для сына приятеля своего, но тот в последний момент испугался костоломного нашего ремесла». Получив тотчас согласие, главтравм (его прозвище у студентов) развернулся и в сопровождении ошачливленного Сереги вдругорядь пошел в сторону деканата. «Полагаю, толк из тебя выйдет, если не на одни слова смел окажешься. А в нашем деле смелость не излишество, но — рабочий инструмент!» — по пути в деканат завершил свой приговор почтенный Николай Александрович.

♦ С официально оформленной ординатурой и памятуя совет Николая Александровича, что «теперь ты не вольнослушатель, на лекции свои на медфакультете, не такие уж и частые, похаживай, не манкируй ими, главное — отмечайся там, но ординатура — это уже работа врачом, за которую деньги платят, но и дисциплину, график и прочее строго спрашивают», Серега даже не стал волынку тянуть, дожидаясь положенного первого сентября. На отцовы «премиальные за окончание» слетал на десять дней в компании с Севкой во всероссийскую здравницу Турцию. Попили водочки, покупались, поусмехались: не зря же у России с османами целых пятнадцать войн было! Еще на пару недель съездил в соседнюю Калугу, куда год назад перебралось

семейство отца брата — перевели с повышением по службе эмчесной. Как раз Серегин двоюродный брательник Мишка, с которым они все школьные годы учились в одном классе, окончил тот же универ по компьютерной специальности, а теперь числился аспирантом (все же отец не последний человек в городе!) в калужском филиале Бауманки и работал в «банановой фирме», как он сам рекомендовался для краткости и понятности, дескать, «бананов на наш век хватит». Эти недели с Мишкой, в новом для него городе, с пляжами на Оке и яченском водохранилище, пришлось намного больше Сереге по душе, нежели регламентный, с душком анодированного «под золото», комфорт «всероссийской здравницы». А вернувшись домой, досрочно отправился в больничную травму, удачно застав там Николая Александровича, оформлявшего себе отпуск в бархатный августовский сезон.

Завотделением похвалил за серьезное отношение к будущей профессии и работе и передал «на руки» своему неофициальному заму Алексею Георгиевичу со словами: «Мы с Георгием одного возраста и поля ягоды и в этом богоугодном заведении кости страдалцам собираем напару после институтов, я — рязанского меда, Георгиеч — аж первого московского. Он тебя всему и обучит... под моим чутким руководством значит. Если к моему возвращению из отпуска у тебя вопросов ко мне не найдется, то значит ученье идет впрок. За сим — адью! Отвальную, ямскую, пристяжную и прочие стопки выставлять не буду. Не из жмотства, но завтра с утра за рулем, с разумно ограничивающей скоростью супругой, и курсом через новопостроенный мост в очередной раз обретенный Крым, а за мостом налево в любимую, умеренно жаркую Феодосию».

«Деньги закончатся — звони, но лучше не мне», — отшутковал на расстанях Алексей Георгиевич, явно не меньший, чем шеф юморист.

...Когда к концу августа вернулся из отпуска Николай Александрович с крымским матово-коричневатым загаром, отличающимся от здешнего городского, с этойкой быстро исчезающей краснотой, то вопросов у Сереги не возникло. «Ну-ну, — многозначительно заметил завотделением в свой первый рабочий день «после выхода», понаблюдав ненавязчиво за работой *своего* ординатора, — вижу, Георгиеч тебе не только анекдоты рассказывал, а ты, в свою очередь, не только их слушал. Старайся. Сейчас лето, трезвый человек не упадет, не поломается. А пьяный? — так ему бог ладошку подставляет, то есть организм, не управляемый излишним соображением, руководится только инстинктом, а тот и управляет телом и его конечностями, и что главное, как мягче грохнутья. Это я к тому, что сейчас время репетиций к осеннезимним гололедам. Не прежние советские дворники ведь! «Гастритные» арбайтеры только летом своими венчиками помахивают, а как непогоды на дворе — фьюить! И на шайтан-арбе в свой чуркестан покатили, до весны. Готовься, студент!»

Пройдя курс молодого бойца до начала следующего года, включая лихорадящую напряженку декабрьских костоломов, в приемном отделении, Серега начал практиковаться и в стационаре с коечными пациентами. Много чего на ус намотал и по врачебной специальности и, так сказать, по медицинскому быту. Уже не задавался вопросом, мол, почему все врачи записи по больничным делам ведут не шариковыми или гелиевыми ручками, а допотопными перьевыми, хотя бы — своего рода щегольство — сто долларовыми паркерами? Алексей Георгиевич разяснил: «Допустим, что нередкость по нашей травматологии, возьмут тебя за, так сказать, заднее место ментовские. Сидишь у следователя, а он тебе протягивает эпикриз, твоей рукой сочиненный с оплошностями. Что настоящий врач делает? — А он просит у следака стакан водички. Руки якобы от волнения ходуном ходят — р-раз и пролилось на эпикриз, написанный чернилами, которые мигом расплываются до полного непрочтения! Ай да эскулап, ай да сукин сын! И еще сами менты перьевыми пишут — у них свое гестапо имеется, отделом собственной безопасности именуемое...».

Но про ментов Серега и сам знал. Давешний калужский дядька, начинавший тру-

довую жизнь опером в милиции, со смехом рассказывал как-то за праздничным столом. «Я раз записал показания одного уголовного элемента и дал ему подписать свой новенький паркер, на который из лихости ползарплаты отдал, а тот автограф черкнул и не менее залихватски с размаху точку поставил! С тех пор для работы использовал самую дешевую ручку. Перьевую же, понятно дело».

Поскольку и Алексей Георгиевич и Серега принадлежали к ныне самой дискриминируемой категории людей, то есть курили, то сугубо воспитательные беседы чаще велись в каптерке, как его наставник именовал какую-то подсобную комнатенку из владений сестры-хозяйки. Впрочем, с диванчиком и окном. «Навалился классгегемон, Серега, на нас с тобой. На этот раз антитабачная кампания что-то затянулась. Ну-у, ты парень сообразительный, понимаешь, что мани-мани во главе всего. А в отношении больных так это вообще издевательство: и без того человеку хреново, так его дополнительно истязают, лишая успокаивающего курения. Опять же это не пресловутая вредная привычка, а нарушение секреции организмом фермента пепсина, латиницей, вот и приходится для предотвращения пеллагры извне вводить с дымом никотиновую кислоту!»

Много чего впитал в себя Серега из бесед с опытным врачом. Особенно тот кипятился насчет оптимизации, онанизации по его терминологии, здравоохранения, в неполные два года почти до основания разрушившей поликлиническую сеть. «Слава богу и его наместнику на земле Эскулапу,— попыхивал сигаретой наставник,— вроде как сверху эту кампанию онанизации в медицине скоренько сворачивают. Но в минздраве чиновников что г... в выгребной яме, всем надо «инициативами» оправдывать свою нехилую зарплату, так что через полгода-год снова на нашего брата очередная дурь свалится! И в частную лавочку с нашей специальностью по закону — вот здесь-то, по человечеству рассуждая, ему хвала — не уйдешь! Так что, юноша, знание практического жаждающий, будем трудиться на пользу насущную страждущим, держа круговую оборону, между молотом и наковальней, то есть между очередными кампаниями сверху и законными неудовольствиями наших пациентов. Самое обидное в такой нашей срединной ситуации: стрелочники мы от верхоглядных кампаний и козлы отпущения, говоря библейскими сюжетами, со стороны людей болящих. Но нет худа без добра: молот шарашит нас сверху, снизу наковальня народная нам жестко стелет, но в такой ковке из нас в итоге-то дамасская сталь выделяется. Наш врач — явление уникальное по сравнению со всеми там западно-восточными лекарями, избалованными инвалютными гонорариями. При всех режимах такова наша русская тысячелетняя обыденность; наш лечебник с виду грубоват, порой лечит одним аспирином, зато с изобретательной головенкой и опытными, как в нашей специальности, руками. При всем этом ловко увертывается от «верхнего» молота с нищенским медицинским бюджетом, а наковальня, ворча и матерясь, все же по излечению помянет нас невзначай добрым словом, приняв на досуге стопку другую «очищенной». Вот так-то, Серега, юноша страст... впрочем, повторяюсь. Ты иди в четвертую палату, чем-то они — медсестра Нина говорила — недовольны, разберись. А я, с разрешения господина-вседержителя, сосну на этом диванчике с полчасика». Серега и сам догадался, что Алексей Георгиевич, судя по разговорчивости в высоком штиле, после утреннего обхода принял у себя в ординаторской стопку этой самой «очищенной» — из даров благодарных излеченных пациентов. Ведь на дворе-то понедельник, первый на неделе трудовой! Гиппократу гиппократово, а маммоне маммоново, как говорит тоже шутник Николай Александрович.

...На прошлой неделе Алексей Георгиевич, «не в службу, но в субординационную дружбу, Серега», послал его в хирургический корпус больницы: отнести тамошнему заведующему заключение по ихнему пациенту из второй палаты, которого Серегин наставник стремился спихнуть в хирургию. «Дело тонкое, по телефону не решается. Ты этого Васильчикова сам ведешь и сам постарайся убедить».

Ожидая прихода завотделением с планерки у главврача, устроившись на широком подоконнике еще дореволюционной постройки здания, невзначай услышал разговор за близким углом поворота коридора. Еще минутой до этого отметил стоящую там каталку с пациентом, явно везомым на операцию. В ожидании «катающей» медсестры, к страдальцу кто-то, невидимый Сереге из-за угла, подошел. «...Так значит, поняли: благодарности оперирующему хирургу и мне, анестезиологу, каждому отдельно». — «Да будет вам что положено, везите же, наконец, в операционную!» — со сдвинутым раздражением отвечал пациент. «Век живи, а два — учись, — усмехнулся Серега, — зато медицина вроде как бесплатная...».

В наше благодатное время даже ленивый может стать «народным целителем». Люди они простые, из биологии только знают, что вода — основа жизни, а лечить ею можно все болезни кроме бешенства. Используются следующие лекарства на основе H₂O: магнитная вода; вода, заряженная био-полем ТВ-экстрасенса; заговоренная вода; вода, обработанная торсионным полем; вода из зон с минимумом геопатогенности; биологическая вода (в урино-терапии)... всего 205 препаратов. Да, кроме бешенства, такими водами нельзя лечить человеческую доверчивость, граничащую с глупостью.

Олеся Янгол
(г. Юрмала, Латвия)

ЗАРАЗАТАКАЯ

Наш постоянный автор.

Петухи поют. Навозом пахнет. Бревенчатые стены сарая, прогретые за день солнцем, засырившие за ночь — дышат едва уловимой плесенью. Куры черкают по утоптанной тропке, теплые со сна. Из кухонной пристройки, для живности, раздаётся блаженное — хрю. За буйством и кучерявостью сада поле уклоном идет к реке. Вдалеке слышится — му-у. Рыжую дед уже отвел пастишь.

Дед кашляет хрипло и густо. Гнутая папироска в пальцах. Тяжеловат немного, но крепок еще. Идет во двор, кашлем сам с собой разговаривает. Кашель у него говорливый, но все по делу. Хрххы-кхы-хрм. Сейчас это означает — Поправлю-ка забор у вишни. Совсем покосился.

Из летней кухни шкворчание. Бабка яишню жарит.

— Дед, ты бы майку сменил. Уж неделю таскаешь.

— Хрхх-гм-гм.

Что означает — дотаскаю уж до вечера. Видишь, работы сколько.

Аленка просыпается в половине девятого. Сама еще одеться не умеет.

В трусиках, маечке, как есть, бежит через двор, к бабушке на кухню. Молча распахивает дверь и стоит на пороге — я пришла, я проснулась.

— Проснулся, бобочек мой!

Бабушка начинает суетиться. Огонь пригасила, Аленку на руки взяла.

— Идем-ка глазки умоем, платице наденем.

Целует Аленку в заспанные глазки. Аленка щурится, сонно еще улыбается, трет кулачком глазки, доверчиво обняв бабушку за шею. У колодца свежо, даже прохладно. Это потому, что тут вода живет, — Аленка уже знает, дед рассказывал.

На край колодца прыгает маленький, рыже-белый котенок. Аленка тянет ручки к нему.

— Погоди, погоди, дай-ка умою, — бабушка крепко держит Аленку, плескает горстью ей в личико.

Аленка отпугивается, пытается увернуться.

— Ну, ну. Вот, чистенькая, свеженькая теперь. Где там колготочки наши?

Бабушка несет Аленку в дом...

Стеклянная веранда вся солнцем пронизана. Много интересных вещей на веранде. Аленка еще не все исследовала. Вон, за голубой шторкой дедова кровать. Иногда он тут после обеда храпит. Когда дед храпит, Аленка его боится и на веранду не ходит. А сейчас деда нету.

Давно Аленка на шкафу веревку заметила. Надо сначала табуретку на кровать поставить, забраться и со шкафа веревку палкой смахнуть.

Палка короткая, до веревки не дотянуться. Аленка пошатнулась на стуле, но удержалась, слезла на кровать, на пол спрыгнула. В коморе палка была большая,

вспоминает она. Но в комору страшно одной идти. Там дверь огромная, тяжелая, и темно и пахнет.

А веревка призывно свисает с верхотуры и достать непременно нужно.

— Где там бобочек мой? Иди-ка завтрикать! — бабушка со двора Аленку зовет.

Аленка еще раз пристально глянула на веревку — ничего, я до тебя доберусь — обещает она и бежит во двор.

Дед за столом уже ложкой гремит, хрымкает.

— Хрым-кх-хрым. Ну, зелик-козелик, пожремси?

— Что ты слова-то такие ребенку говоришь!

— А что ж тут такого. Слово-то, оно, что. Главное, как произнести.

— Философ прямо.

— Эх, бабка... Хрым-кхххх. На-ка, зелик, моей ложкой кушай. Моя из алюминию. Легенькая. А эти, мельхиор чистый. В руке не удержишь.

Дед ложку свою облизывает, Аленке протягивает. Аленка на него смотрит насупившись. Молчит.

— Удумал чего! Помой сначала, — говорит бабка.

— А что жа, мыть-то, авось не чужие.

Аленка позавтракала. Сначала к кроликам сбегала. Они прямо за летней кухней, у кукурузы. Клеток много. Одна на другой. Аленке нравится дверцы раскрывать, протягивать руку и кролика гладить. Кролик по началу глазами пугается, а потом не пугается. Задними лапками переберет и смотрит на Аленку — выпусти меня на травку. Больших кролей Аленка еще не поднимет. Тяжелые. А деток смело вытаскивает за уши и на травку пускает. Пусть гуляют. А бабушка уже из кухни бежит.

— Ой, убегут, Аленка!

Бабушка кроликов собирает и обратно в клетки.

Аленка про веревку вспомнила. На веранду поспешила. А веревки-то нету!

Кхр-хм. Раздается из мастерской.

Аленка враз смекнула — дед взял! Бежит. Дед уже веревку накручивает. Схватила Аленка за конец и тянет упрямо, и на деда, не мигая, глядит исподлобья — моя!

— Ить! Чего? Зачем тебе?

Дед не отпускает, Аленка не отпускает. Упрямо тянут каждый в свою сторону.

— Ить, заразатакая глазастая! Бабк, ты смотри какая упертая.

Дед строит «злые глаза». Когда дед строит «злые глаза», Аленка разревется может. Бойтся она. Страшно. А дед знает это, вот и пользуется, пока бабка не видит. У Аленки вся упертость пропала, зрачки увлажнились. Если дед сейчас еще и кхрымкнет, она враз убежит. А веревка нужна. Собрала Аленка всю смелость, деду с силой на большой палец ноги как наступит.

— ЗАРАЗАТАКАЯ!!!!

— Да, что опять?!!!

Бабка с полотенцем из кухни выбегает. Дед, согнувшись, за палец держится.

— Молоток уронил.

Аленка из-за дерева глядит на деда с бабкой. Вережка у нее в руках. С порожек слышится — мяу.

А если рыжего веревкой обвязать и в колодец спустить, как оттуда будет мяу слышно? Алена направляется к порожкам. Рыжий поиграть рад. Бежит за веревкой, что тянет Аленка по земле. У колодца он почуял неладное. Присел, и как только Аленкина рука коснулась его рыжей спинки, сиганул в кусты.

Аленка подтащила к колодцу детский стульчик. Но и со стульчика, чтобы в колодец заглянуть, подтянуться надо. В колодце вода темная, гулкая. Если громко шепнуть, шепот еще долго слышно будет. Но только он страшный становится. Аленка делает — у-у-гу — и, соскочив со стульчика, бежит во двор, на солнышко, подальше от прохладной и таинственной тени.

К вечеру, после обеденного сна дед обычно гитару берет. У старой груши за столом струны перебирает. Бабка иной раз просит спеть что-то из любимого. Дед откашляется, дым от сигаретки втянет, глаза в дыму прищурит и поет.

Иногда Аленке нравится послушать, а иногда убегает на задки к кукурузе и сбивает початки, потому что у деда «дурацкая песня».

Дед поет, поет и закашляется. Хррр-кхрым-хра-хра!

— Ох, бросал бы курить што ли!

Бабка из дому пшикалку приносит. Дед пшикнет в рот, поспопит еще чуток и затихает.

— Последнюю радость бросать? Не дождесси! — смеется дед.

А у Аленки уже план есть. Вечером, как дед уснет, проберется к нему на веранду — если, конечно, он храпеть не будет — и утащит сигареты. На заднем дворе на кучу распотрошит.

— Заразатакая! Всю пачку распотрошила! Бабк! Что ты с нею будешь делать! Раздается по утру.

— Докуришься, докуришься! Дохтур уж она, ругается.

— Кхрррыбым! Хрк-хрк!

Бывают дни тихие, спокойные. Тепло, жары нет. И небо в прозрачной серой дымке. И дождик время от времени сонный. И Аленка, словно погода, тихая. В глазах тень лесная прячется. Бродит по двору. То курам посыплет, то кролей навестит. А бывает, к деду потянет в мастерскую. В мастерской все интересно. И запах Аленке нравится, и стол длинный, усыпанный инструментом всяким, стружками. На стенах полки с жестянками. А в жестянках шурупчики, гайки. Дед иногда снимет с полки, даст перебрать.

— Вона, смотри. Эти вот, с полукруглой головкой, ты их в коробочку ссыпай. А вот эти, с потайной, в баночку.

Аленка перебирает. Старается. Потом пальчики железом пахнут и серой пылью присыпаны. Для Аленки шурупы, как человечки, потому что дед сказал, что у них головки.

А еще любит Аленка смотреть как дед из дерева режет. У Аленки ладошка маленькая — прохладная и теплая одновременно. Лежит доверчиво на дедовом колене. Стружки из-под резца завиваются, как локоны у куклы. Аленка заморожено смотрит на вырезанные фрукты, овощи. Яблоки пузатые, груши длинные и кривые. А еще тыква есть. Тыкву бабушка уже раскрасила. А дед потом лаком покрыл. Она уже давно на полке в комнате стоит и блестит, когда солнце выглядывает.

— Ну, зелик-козелик, скучаешь? Кхрым-кх-кх.

У Аленки взгляд неподвижен. Ждет, когда из дедовых рук выйдет новая груша. Ей сейчас не скучно. Она сейчас вся в волшебстве дедовом. Спокойно сегодня. Слышно, как капли дождя шлепаются в бочку с водой.

Вечерами в дождливые дни можно и дома побыть. Игрушек здесь нет. Аленка свои из города не взяла. Но тут всякого интересного полно. Дедовы деревянные фрукты-овощи, а у бабушки в серванте за стеклом много всякого блестит. Тоже можно достать — только не расколи, пальчики порежешь. Аленка осторожно вытаскивает фарфоровые фигурки. Вот Емеля со щукой в руке. А еще тетенька в полосатой красно-черной юбке. Она шатается из стороны в сторону, как колокольчик. А на самом верху серванта большая фигурка красавицы Аленушки. Сидит, пригорюнившись, склонившись над озером, и за братиком своим горюет. Это бабушка рассказывала. Аленушку брать нельзя — высоко.

В избе пол кривой. Дерево когда-то на крышу повалило, пол и повело. Чтобы телевизор включить, в гору идти надо. Бабка вздыхает.

— Ничего, бабка, зато физкультура.

— Мне физкультуры за день хватает. А тут и вечером еще на гору лезть.

— А чего ты его выключаешь-то! Он же ж современный. Вон, у всех соседей включен в ризетку, только пульт нажать.

— Да что мне соседи! Вещь-то ненавидеть. Сохранней, когда выключено. И железке отдых нужен.

— Ненавидеть... Ну, бегай, бегай в горочку. Говорю ж — физкультурка. Хрым-кх-кх-хр.

Дед бывает смешной. И в такие минуты Аленка даже не боится, когда он хрымкает. Но чаще всего Аленке хочется что-нибудь устроить эдакое. И не потому, что она деда не любит. Да она и сама объяснить не может... хочется, и все.

— Бабк, что она у нас все молчит-то? Уж пятый год пошел.

— Заговорит когда надо. Да и сейчас, если нужно, все скажет. А ты-то сам рассказывал, в детстве до пяти немтырем бегал.

— Ну, я-то... Чего мы, голопузья немытая. С нами и поговорить некому было. Мамка с папкой в поле. А тут тебе и телевизор, и я, вон, под боком кхекаю. Сказку на ночь скажу. А все молчит... Себе на уме, заразатакая.

— Вот что ты ее так прозвал-то!

— Дык, я ж, любя, зелика моего, козелика.

— Это я знаю, да, Аленка. А соседи, что могут подумать?

— Ить, соседи твои. Бабки языкатые.

— Вот любишь ты всем прозвища-то давать, дурень старый.

— Хркхе, кхе, кхе... Бабк, где там моя пшикалка-то?

— Ой, шас, шас, дед. На трюме лежит.

Все чаще деду пшикалка нужна.

Аленка глаза напрягает, и сама вся напрягается от какой-то неясной мысли. Дед страшный только когда кхекает или храпит. А так с ним интересно. Она больше за ним бегает, чем за бабушкой.

Днем, после сна, одеялко откинула, испарина еще на лобике, волосы кучеряшками скрутила. За окном листья сирени с солнечными лучиками перемигиваются. Даже в глазах рябит.

Аленка слышит голос бабушки. Не такой. Так бабушка никогда еще не говорила. Чуть выше живота сжалось что-то и через комок в горле к глазам подступает. Страшно сделалось. Чего деда-то не слышно?

Выбежала Аленка из комнаты, через темный предбанник, тяжелую дверь с размаху, со страху с силой — и на веранду. Дед у лавочки лежит и лицо синее. А у Аленки страх пропал, знает, что делать надо.

Бабушкин голос за кроличьими клетками, там только телефон связь берет. Ало, але, скорая!

Бабушка уже плачет и на коленях рядом с дедом. А он рукой слабо ее за руку.

Где же эта пшикалка? Аленка вспоминает, как дед ходит. Он рано просыпается, раньше, чем Аленка. Она не знает, как он там в раннем ходит, а потом, днем, все дорожки его знает. У забора, колодец, сарай, куры, поросенок, за калитку. Нет нигде. Все кусты облазила.

— Долго-то как, — слышит она бабушкин отяжелевший голос. И еще быстрее соображать начинает. Утром-то куда он ходит?

Может к реке? Через огород, туалет, вниз, по картофельному полю, кукурузному.

Там всегда пар идет по утрам. Там река. Но Аленка там еще ни разу не была. Далеко, и кукуруза высоченная, а в ней звенит и стрекочет.

А сейчас побежала, глаза зажмурила, кулачки сжала. К реке бежит. И вот она, река. Теплая, блестит и не страшная. Плеск тихий. Спокойно. Ива плакучая в воде ветки полощет. Лодка лежит перевернутая. Удочки дедовы, сетка. Вон, вон пшикалка, у самой сетки валяется! Видать, из кармана выпала, а дед не заметил. Аленка схватила, бежит обратно. А там уже гудит что-то громкое и пронзительно.

И деда у лавочки нету.

Через двор, через вишни, к забору. Там старая калитка в тени, проводком подвязана. Аленка знает, что досочку можно откинуть и на улице. И гудит мотор. Машина большая тарахтит. Бабушкин голос и голоса чужие.

— Деда! — Аленка изо всех сил крикнула, продираясь сквозь калитку.

Дверь в машине железная закатывается уже.

Увидели Аленку. Бабушка на руки схватила. А дедовы ноги уже из машины торчат.

Аленка к деду руки тянет, пшикалка в кулачке зажата.

— Зелик ты мой, козелик. Заразатакая любимая. Хрм-хр-хр.

Ефим Гаммер

(г. Иерусалим, Израиль)

ТЯПА-ЛЯПА

(юмористический рассказ)

Ефим Гаммер — член редколлегии израильских и российских журналов «Литературный Иерусалим», «ИСРАГЕО», «Приокские зори», автор 29 книг стихов и прозы, лауреат премий имени И. А. Бунина, Н. С. Лескова («Левша») и многих других. Живет в Израиле, печатается в России, Израиле, США, Франции, Германии, Англии, Канаде, Австралии, Швеции, Дании, Финляндии, Украине, Беларуси, Латвии.

1

Жила-была наколка — рожица кривая на двух ножках, по прозванию Тяпа-Ляпа. Жила-была не в районе Бермудского треугольника, где все туманно и зыбко, и всякая нечисть бродит по водам, заманивая в глубины. А на курорте, в благословенном Крыму, под поэтическим небом Коктебеля: тут что ни шаг — поэтесса, что ни взмах руки — поэт, да и вино в бочках. Жила-была, хлеба не ела, воду не пила. Но смешно морщилась, дивно корчилась на запястье, когда рука — хозяйка ее — подносила стакан ко рту. Не ко рту Тяпы-Ляпы, понятно. А ко рту обладателя наколки, человека вполне зрелого для вечно молодого поэта по псевдониму-имени Катет, который намылился в ЗАГС ради женитьбы на Гипотенузе, подающей творческие надежды, когда не работает в гардеробе местного самодеятельного театра «Верхом на Пегасе».

Женитьба его должна была состояться по любви. А любовь — зла, вот и потребовала Гипотенуза свести со свету татуировку с Тяпой-Ляпой. А то торчит на самом видном месте. Причем, на той руке, какой предназначено расписываться в ЗАГСе.

Люди увидят, сочинят злые стишки:

*«Девушку с глазами дикой серны
Полюбил мужик в любви неверный».*

Какая женщина потерпит соседство с этой зеленоватой, как Змий-искуситель, Тяпой-Ляпой, впечатанной по глупости в руку мужчины? А что подумают соседи и свидетели со стороны слабого пола? Не в стихах подумают, типа:

*«В ночи не сыщешь ярче света,
Чем от присутствия поэта!»*

А подумают брэнной и настолько замшелой прозой, что тошно становится, когда мыслишь под них: мол, баловник Катет на заре туманной юности предлагал уже руку некой Тяпе-Ляпе. В память о первых поползновениях любви и выгравировал на личной коже, словно фирменный знак, ее портрет.

Фигушки!

Словом, Катет, еще не доходя до ЗАГСа, влип по уши в кашу перловую с подливкой из чужих слез и угрызений собственной совести.

— Или Тяпа-Ляпа! Или я! — сказала Гипотенуза.

И сочинила язвительный стишок:

*«Восторженный козел,
Девицу увидав,
Сказал: «Гав-гав!»,
Держа в уме:
«Мне-ме-е».*

Катет не смутился, и не в таких поэтических переделках он бывал на Парнасе, когда его сталкивали к подножию мощным в исчислении лошадиных сил трактором соцреализма, чтобы закопать в землю.

Без долгих колебаний он избрал, конечно, Гипотенузу и отправился к ближайшему косметологу-татуировщику сводить со свету Тяпу-Ляпу.

В результате похода рука у него стала чистая, с глянцем на месте наколки.

Думал: вот и окончилась эта скверная история с непредвиденной даже в кошмарном сне ревностью.

2

А что Тяпа-Ляпа?

Лежит себе на дне мусорного ведра, куда ее стряхнули с лоскутка человеческой кожи, и пошевелиться от ужаса не может. «До чего жизнь — штука непредсказуемая!» — проносится в ее мыслях.

И то: вела-вела... В кино вела, в рестораны... И привела к банкротству жизненных сил и полной безликости.

Кем она была прежде? Не просто Тяпой-Ляпой, а синеокой красавицей «дней его мятежных, когда встречал девиц он нежных, лобзал в уста и говорил подруге: «Поэт! Как много в этом звуке!». Она находилась на виду и всегда при неотлучном Катете, накрытом столе и бутылке. И если кто-то приставал к нему, значит, приставал и к ней. И получал по мордасям. Причем, не без ее помощи.

Как там ни толкуй о слабости женского организма, но ведь и она, прочно впечатанная в руку Катета, участвовала в мордобойных схватках, и делала кисель на роже обидчика. При этом вполне профессионально — ни разу не схлопотала «фонарь» под глазом. Выходит, не только ее покровитель, но и она, Тяпа-Ляпа, способна была за себя постоять.

«Способна была за себя постоять!» — с тоской подумала наколка в полумертвом своем положении. И от тоски душевной готова была разбить голову о железную стенку ведра. Но вместо синяков и ссадин народились стишки — недаром питалась каплями пота с тела своего возлюбленного.

*«Любовь отпросилась по малой нужде.
Ушла и за площадью скрылась.
А мне — в стенку гвоздь, и висеть на гвозде,
Роняя из глаз своих сырость».*

С угасанием творческого порыва и силы оставили Тяпу-Ляпу. А если нет сил, то и не надейся на избавление из плена. Осознала это и — в рыдания, а из рыданий — в истерику, и оттуда еще дальше, пока не забилась в судорогах. Ибо представила себе, как коварная Гипотенуза гладит Катета по той же руке, где раньше находилось ее изображение, и соблазнительно говорит в стихах, иначе — тварь такая! — не умеет:

*«Мой любимый ты, мой хороший,
Полюбила тебя не за гроши,
А за ум твой, характер и совесть —
Вот какая любовная повесть!»*

Что тут ответишь? Надо бы стихами. А как они подвернутся, если ты трясешься в судорогах.

«Не трясись!» — весело сказала себе Тяпа-Ляпа из левого полушария мозга в правое, где произрастает не чертополох, а совсем иное растение, описанное Пушкиным в классическом стихотворении «Анчар».

Как у Пушкина?

*«И зелень мертвую ветвей,
И корни ядом напоила».*

А у нее, и без того от природы зеленой?

У нее не менее ядовитое, и с точным адресом: Коктебель, улица Блока — это на-счет Катета, и Коктебель, улица Грина — в отношении его невесты.

*«Был он не прост,
Хоть судьбою обижен.
Деньги любил,
Как бесплатный сыр.
Вот и ухаживать стал,
За той, что живет поближе,
Чтобы не тратиться
На такси».*

3

Вначале Тяпа-Ляпа, впад в истерику, даже не заметила, что уже бьется головой о стенку мусорного ведра. Потом заметила и прибавила энергетике ударам — голова не живая: ничего с ней не случится.

Догадалась правильно. С головой ничего худого не произошло, и фигуру не испортила.

Тут мусорное ведро и опрокинулось.

Тяпа-Ляпа выбралась наружу.

Теперь ее не привяжешь ни к какому запястью: сама себе хозяйка — ходи, куда ноги ведут, дерись, с кем пожелаешь.

Осмотрелась, куда попала? Вроде как медицинский кабинет. На столе прожекторная лампа, рядом зубоврачебное кресло с кожаной подушечкой наверху. Стену украшает зеркало, над ним висит плакат с пояснительной для клиентов этого заведения надписью: «Игла для татуировки зовется «пешня», «пчелка», «шпора» или «жало», тату-машинка — «бормашина» или «швейная машина», тушь — «мазутой» или «грязью». Сама же татуировка называется «реклама», «регалка», «расписка», «клеймо» или «портачка».

— Фу! — скривилась Тяпа-Ляпа.— Чтоб я так жила, какие имена придумали! «Регалка», «портачка». На «тату», положим, согласна. А на «регалку» или «портачку» ни в коем разе! Кто меня с таким именем полюбит? С таким именем можно только разлюбить! О, да это идея!

И Тяпа-Ляпа взобралась на стол, чтобы вооружиться «пчелкой».

Свадьба пела и плясала.

Гипотенуза пела: «Ля-ля-ля, ля-ля-ля, полюбила кобеля!»

Катет плясал возле нее. Гости танцевали тоже, но вокруг них. Водили хоровод, водили, пока не украли невесту. Почему? Да потому, что таков стародавний обычай: самое милое дело, напоить невесту и спрятать куда подальше, чтобы жених потом раскошелывался во благо ее возвращения.

Очнулся Катет от веселой пляски, глядь, а Гипотенузы нет в наличии. Ни за столом, ни под столом. Гости кричат ему, будто в насмешку: «Горько! Горько!» Действительно, горько: с кем, скажите на милость, целоваться, когда суженая неведомо где?

Целоваться Катету и впрямь было не с кем. Не с наколкой же своей — Тяпой-Ляпой. А ведь как раз с ней и мог, если бы различил ее, полупрозрачную, зеленоватого отлива, возле стула невесты.

Тяпу-Ляпу так и не заметил. А она, тайком пробравшаяся на свадьбу, засекала все, что ей было нужно.

И как наливалась шампанским Гипотенуза, и как похитили ее бородатые люди, обманув бдительность жениха.

И как повели в соседнюю комнату, которая называется по народному «спальня», а на псевдонародном наречии «Конюшня Пегаса».

И как там произошло форменное преступление, когда эти бородатые люди, чтобы произвести впечатление, загалдели наперебой в рифму.

В результате...

*«Пегас скончался от восторга,
Вкусив под хохот стог стихов.
Теперь не вытацишь из морга
Его недавних седоков».*

Тяпа-Ляпа вывела все, что надо и не надо, включая оперативный материал для криминальной хроники, и притаилась в ожидании: что еще будет? Похитители невесты, умаявшись от стихотворной речи, разлили водку и стали уговаривать Гипотенузу выпить рюмку, выпить две, чтоб кружилось в голове.

Наколка знала из опыта посещений ресторана на запыстье попивающего не только сырую воду Катета, что при смешивании шампанского с молочком из-под бешеной коровки получается коктейль по прозванию «Белый медведь», и он, этот коктейль, так туманит нетренированные алкоголем мозги, что наутро девушка не помнит, что вытворяла ночью.

Но с охмелевшей Гипотенузой выходила история и того похлеще. Она уже не помнила, что делала даже минуту назад. И слыша за стенкой крики «Горько! Горько!», лезла целоваться с бородатыми дядями, укравшими ее ради выкупа.

Поцеловалась с одним, поцеловалась с другим и сладко зевнула: «А теперь спать!» И бряк с ног — прямым в кровать.

— Спящая красавица! — удовлетворенно сказал один бородатый мужчина и почмокал языком, выпив с удовольствием водки.

— Настоящее сокровище! — сказал второй бородатый мужчина и тоже почмокал языком, выпив с удовольствием водки.

Так они говорили и пили, говорили и пили, пока это занятие им не надоело. И тогда они пошли в гостиную, где свадьба пела и плясала, чтобы поторопить Катета с денежной выплатой.

Тяпа-Ляпа воспользовалась их оплошностью, допущенной при охране невесты от посягательств посторонних личностей, и взобралась на похрапывающую новобрачную со своей «пчелкой».

— Тик-тик-тик! — тихонько заработал ее хитроумный инструмент, украшая лоб спящей соперницы татуировкой. — Тик-тик-тик! Тик-тик-тик!

*«Когда раскаянье придет,
Ты скажешь мне: «нет-нет, послушай...»
А я: «Ты съела бутерброд,
Который я хотела скушать».*

5

А свадьба продолжала веселиться.

— Эх! Ах! Та-ра-рах!

— Мы покажем скок и мах!

— Все сегодня для души!

— Спляшем, братцы? Все пляши!

— Эй, жених! Теперь уместно

Дать нам выкуп за невесту.

— Выкуп вам я дать готов

Хоть в две сотни добрых слов!

— Нам слова твои до феньки.

Вместо слов мы просим деньги!

Хмельная толпа загудела:

— Деньги! Деньги! Деньги на бочку!

Бочки поблизости не оказалось. Ее заменил пиршеский стол.

Катет с барской щедростью и легким сердцем выложил на скатерку, между салатом «Оливье» и баночкой килек в пряном посоле, кучу денежных знаков. И соврал, не моргнув глазом, что это якобы гонорар за книгу стихов, принятую к изданию в Москве пятитысячным тиражом в расчете на последующие допечатки.

— Получайте выкуп мой.

Жду невесту я домой.

Хмельная толпа свадебных гостей подхватила его призыв:

— Невеста! Тили-тили-тесто! На выход!

От непрекращающихся воплей Гипотенуза немножко отрезвела и очнулась. А затем чихнула так сильно, что сдула с себя невесомую Тяпу-Ляпу вместе с ее безотказной «пчелкой».

После этого девушка поднялась с кровати и, немного шатаясь, двинулась из спальни на призывные крики: «Горько! Горько!» В дверях растерянно остановилась, увидев, как внезапно вытянулись физиономии у всех собравшихся ее поздравить с законным браком.

А физиономии у гостей вытянулись по причине всеобщей грамотности. Каждый из них, будь у него даже начальное образование, что необходимо не только поэту, имел возможность прочитать на лбу невесты такую татуировку: «РЕГАЛКА», она же «ПОРТАЧКА».

Хмельным людям тут же почему-то захотелось еще выпить. И совсем расхотелось кричать: «Горько! Горько!»

А Катету с той же скоростью расхотелось целоваться, хотя он и вышел навстречу Гипотенузе с распростертыми объятиями.

Так и стоял, застыв, как и поднялся из-за стола: рот раскрыт, а слова — «люблю!» — не слышно, будто проглотил его заодно с последней порцией выпивки.

Тяпа-Ляпа злорадно корчила рожицу, наблюдая со смехом за этой немой сценой.

— Ха-ха! Худенькие да прозраченькие тебе не нравились — живи теперь с длинной, как экватор, Гипотенузой. Так тебе и надо! — произнесла весело, но достаточно тихо, чтобы ее никто не услышал. А то ведь и побить могли.

Яков Шафран

(г. Тула)

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

НАДЕЖДА

Посвящается моей бабушке Рае

Стояла ясная солнечная погода без единого облачка на небе. Выжав выстиранные пеленки и повесив их на веревку, протянутую через весь двор, Рая, девочка семи лет, оглянувшись и никого не увидев, забилась в свой потайной, в зарослях малины, уголок между сараем и забором. Здесь за березовым поленом в фанерном ящике, укрытом от дождя клеенкой, сидела подаренная ей отцом тряпичная кукла. Взяв на руки, она прижала ее к себе.

Ягоды на кустах уже начали чуть краснеть. Рядом с малиной, как всегда, буйно росла крапива, и жужжали большие черные, отливающие желтым мухи. Это жужжание и густой тяжелый дух, идущий от зарослей распаренной крапивы, были неприятны девочке. Но это было единственное место, где можно было на какое-то время укрыться от требовательного, властного взгляда мачехи, у которой постоянно находилась работа для Раи.

Вот и сейчас послышался повелительный голос:

— Ну, где ты опять?! Нужно покормить Соню и Лизу, я приготовила им.

Это были сводные сестры Раи — пяти и трех лет. Третьей сестре, Ане, было еще три месяца, и мать кормила ее грудью.

Девочка посадила куклу обратно, прошептав ей: «Не грусти, я скоро вернусь», устало поднялась и пошла в дом.

У Раи был родной брат на семь лет старше ее, но он уехал в город, когда мать при родах девочки умерла. В городе жили родственники отца, и брат устроился у одного из них, сапожника, подмастерьем с проживанием. Отец же Раи быстро женился — хозяйство и дочь-младенец. Мачеха, правда, выкормила девочку, однако нехотя, поневоле, и уже с четырех лет та стала прислуживать ей, ухаживая за Соней и только что родившейся Лизой и убираясь в доме. Отец был молчалив и всегда в работе — он был единственным сапожником на все небольшое местечко, потому заказов было очень много. Лишь иногда он не выдерживал ругань жены на дочку и, прижав Раечку к груди, как та свою куклу, произносил: «Ничего, ничего, потерпи, дочка, вот вырастешь, придет Бешт...». Бешт был добрым волшебником из еврейских сказок, которые изредка в субботний вечер рассказывал он ей перед сном, спасителем от злых колдунов и духов, от разбойников и молитвенником за души несчастных людей.

Однажды, вдруг откуда-то взявшись, поднялся сильный ветер, и новое красивое, только что выстиранное субботнее платье мачехи слетело с веревки и упало в еще не просохшую после вчерашнего дождя лужу. Рая в это время сидела в своем закутке. Сколько так платье пролежало в грязи, неизвестно, но когда мачеха увидела, она побаврела и закричала:

— Где ты, а?! Почему не смотришь? Ну, подожди... Я тебя сейчас, и на отца не посмотрю! Где ты забавляешься, проклятая? Чтоб ты провалилась там, где ты есть!

Отец сидел на скамье в своей сапожничкой, дверь которой выходила во двор и была открыта. Он отложил работу, тяжело дышал, закрыв глаза, и большие натруженные руки его, лежавшие на коленях, дрожали. Желваки ходили на скулах его бледного лица, но он молчал.

Раечка появилась из закутка. Мачеха швырнула грязное платье прямо ей в лицо.

— На, стирай и суши, как хочешь, но чтобы к вечеру платье было как новое! — Она резко повернулась и, ни на кого не глядя, направилась к дому.

— Жена! — наконец воскликнул отец. — Не надо так!

— Ну, что от тебя, старого дурака, взять? — резко обернувшись, ответила та. — Фаршилтнир*! Зачем душу свою надрываешь? Кормишь, поишь, всему потакаешь... Что еще нужно? Ох, ни до чего хорошего все это не доведет...

Ни в чем не виноватая Раечка, по щекам которой вперемежку со слезами текла грязная вода, взмолилась в своей душе: «Мама, мамочка моя, где же ты? Почему бросила, оставила меня!?!» Она представила себе образ матери, который ей, как мог, нарисовал отец, когда она спрашивала его о ней. Мама смотрела на Раечку с любовью, молча — ну что она могла сказать дочке? — и слезы тоже текли по ее щекам...

...Однажды приехал в их местечко родственник — так, «седьмая вода на киселе», но добродушный, улыбчивый человек. Приехал он — большой-небольшой человек — однако, из Питера. Зашел и к ним в гости. А тут снова крики мачехи, вздохи отца и слезы Раи. Послушал он, послушал, да и говорит отцу, когда они остались наедине в сапожничкой:

— Слушай, отпусти девочку со мной в Питер, там у меня знакомая молодая семья есть, и им как раз нужна прислуга. Интеллигентные люди, только что свадьбу сыграли, ребеночек намечается. Будет в чистоте жить в городской квартире, сыта будет, одета, обута — они обеспечены, все то же будет делать, но без всяких коз и курей, да и без криков и оскорблений. Дело ли так жить? Правда, мачехи разные бывают, и многие не в пример твоей жене.

— Страшно отпускать одну в такой большой город, — сказал отец. — Но и здесь ей ой как не сладко. Мое сердце разрывается, когда слышу такое. — И он кивнул в сторону двери. — А каково ей-то все это терпеть?

— Вот и не надо терпеть. Поверь, все будет хорошо.

На том и порешили...

И вот Раечка в городе Петрограде. Хозяева и впрямь хорошие попались, культурные, слова обидного не допустят, тем более крика. И она в ответ на их доброту старается, все делает по совести, хорошо, не откладывая в долгий ящик. Хозяева и приодели, и приобули ее — она приехала, в чем была, так как ничего другого у нее и не было, захватив с собой только любимую куклу, — кормят со своего стола, и в награду за старание отпускают погулять.

Вот и сегодня между делами Рая решила прокатиться на трамвае. Сидит, смотрит в окна по сторонам — какой город красивый! Куда там их губернскому, где останавливалась с родственником по пути в Питер, до него, не говоря уже об их местечке. Потом решила выйти на остановке и пройти пешком. Идет и видит: много людей столпилось на площади, у завода, что ли, не может понять. Решила подойти, посмотреть, что там. А там какой-то коренастый, невысокого роста и лысый человек с бородкой говорит с возвышения, а все его, затаив дыхание, слушают. И Рая тоже стала слушать, однако мало что понимала.

Вдруг к ней подошел человек, по виду рабочий или ремесленник, и сказал:

---

* Черт тебя возьми! — на идиш.

— Слушай, малая, ты худенькая, везде пролезешь, протиснешься между ног, не чета мне, мне где уж... Понимаешь, записку нужно передать человеку, который выступает — вон, видишь,— а люди так плотно стоят, что не пролезть, да и отвлекать их неохота. А тебя никто и не заметит, как проберешься. Ну что, сделаешь?

— Сделаю, дядя,— сказала Раечка, чуть не захлебнувшись от гордости, и взяла сложенный вчетверо листок.

Она, действительно, достаточно легко пробралась вперед, и когда очутилась перед возвышением, с которого выступал тот человек, периодически выбрасывая правую руку перед собой, словно показывая куда-то, а левую держа в кармане пиджака, то немного заробела. Но потом, набравшись храбрости, она сказала:

— Возьмите, это вам! — И протянула записку.

Человек нагнулся к ней, взял листок, улыбнулся и другой рукой погладил ее по голове.

— Спасибо, девочка.

Рая, окрыленная выполнением порученного ей, как взрослой, дела, стала пробираться обратно. Того рабочего, как девочка его не выглядывала, уже нигде не было. Тогда она, немного смущаясь, спросила у женщины, стоящей рядом с ней, показывая на выступающего:

— Тетя, а кто это?

— Это, девочка, Ленин!

— А кто он такой? — спросила она, не понимая, имя ли это, фамилия, либо слово, означающее принадлежность кому-то или чему-то.

— Он за простых людей, за народ: за меня, за тебя, за вот всех их,— ответила та, показав на людей, одетых в простую, неброскую одежду, плотной массой стоящих перед возвышением, казалось, каждой своей клеточкой слушающих выступающего. Лица их были светлы, и в глазах светилась надежда. Надежда. Но ведь и Рая приехала в этот город с надеждой на свою лучшую детскую долю. И она своим детским сердечком хорошо поняла в тот миг, что эта лучшая доля ее как-то связана с этим человеком, с Лениным. А он, будто почувствовав движение ее чистой детской души, улыбнулся ей.

Рассказ написан по старым записям со слов моей бабушки

ДВЕНАДЦАТАЯ ОСЕНЬ

Моей матери посвящается

Этот осенний день выдался волшебно солнечным, светлым. Девочка стояла у окна и радовалась, радовалась всему: и богатой красками листве, и переливчатому сиянию, и тому, что сегодня воскресенье и у папы, наконец, выходной, и не последние числа месяца, когда нужно делать «баланс» (это страшное слово, отнимавшее отца даже в нерабочие дни, она очень не любила). А больше всего радовалась сегодняшнему с папой и младшими сестренками походу в ТЮЗ. Вот и новое платье уже на стуле висит, его старшая сестра вчера вечером погладила — у нее сегодня воскресенье и ее не будет с ними,— а рядом нарядные туфельки, почти как у взрослых, стоят. Жалко, что по улице сейчас в платье не пройдешь, уже холодно, нужно пальто одевать. Но ничего, в театре покрасуется.

А вот и папа вернулся из парикмахерской, все же с «дамами» идет в театр. И мамочка из кухни, как раз к его возвращению, несет на подносе так вкусно пахнущий завтрак — любимые в их семье картофельные драники с теплым молоком в кувшине. Мама поставила поднос на стол и включила радио. Она как чувствовала, передавали хорошую песню. Папа разделся, помыл руки, и семья села за стол...

Вдруг раздался длинный звонок в дверь. «Кто это? Может быть, подруга, но мы

не договаривались?» — подумала девочка. Квартира была коммунальной, и кто-то уже открыл дверь. Раздались приглушенные голоса, и соседка постучала в их дверь: «Это к вам», — сказала она.

Мама открыла, и в комнату вошли трое незнакомых людей...

Девочка словно оцепенела, когда чужие люди стали рыться в книжном шкафу, вытаскивали книгу за книгой, рассматривали, вытряхивали каждую, будто надеясь — что-то выпадет из нее. Рылись даже на ученических полках, в детском письменном столе, вытряхивая из ящиков прямо на пол тетрадки, учебники, дневник, куда она, как любая двенадцатилетняя девочка, записывала стихи о дружбе и любви. Потом они перешли к гардеробу, и все повторилось.

Когда закончили, на лице старшего отразилось неудовольствие. Видимо, не нашли того, что искали. Отец и мама сидели у стола, к ним жались испуганные младшие сестренки. На отце не было лица, он как-то сразу постарел, посерел, руки его лежали на коленях, но были напряжены. В глазах была опустошенность... Мама подошла к нему, встала сзади и, положив руки на плечи, глядела на этих людей, словно говоря: «Ну, ничего не нашли ведь, так оставьте нас в покое. Завтрак вот безнадежно остыл. А драники уж и не разогреешь. Какие это будут драники?»

Девочка так и не села, как *они* вошли. Так и стояла, как в ступоре, и глядела, не мигая, на все происходящее.

Старший, обращаясь к отцу, предложил пройти с ними. Когда тот подошел к вешалке и стал надевать пальто, она еще не верила, что он сейчас уйдет один, без нее с сестренками, вернее, его уведут. Но вот *они* окружили его, чтобы вывести. Отец обернулся и проговорил: «Не волнуйтесь, я ни в чем не виноват и скоро вернусь». Однако девочка не почувствовала уверенности в его словах. Когда один из *них* открыл дверь, вдруг оцепенение ее прошло, она бросилась на старшего и стала бить его кулачками в грудь, крича: «Не трогайте моего папу! Не смейте его забирать! Он хороший!» Слезы катились по щекам. Младшие тоже заплакали в голос. Тот, криво улыбаясь, взял ее руки, сжал их, отвел от себя и, обращаясь к матери, сказал: «Заберите».

Мама обняла дрожащую в судорожном плаче девочку и отвела в сторону. Когда за *ними* и отцом закрылась дверь, мать тяжело опустилась на стул и, рыдая, уронила голову на стол. А девочка подошла к стене, на которой висел портрет человека с аккуратно зачесанными назад волосами, с усами, со спокойным уверенным взглядом, с ямочкой на подбородке и легкой улыбкой на лице. Она знала, что это самый главный человек. И в ее детском сердце, переполненном большим горем, родилась страшная ненависть к этому человеку, так как, если он главный, то виноват в случившемся с отцом, по его команде эти люди забрали любимого папочку. Девочка взяла стул, встала на него и, уже взявшись за рамку, хотела снять этот портрет, разбить стекло и в клочья изорвать изображение, но мама, закричав, остановила ее руку: «Не делай этого! Опомнись! Хочешь, чтобы нас тоже забрали?!»

Она отдернула руки от портрета, слезла со стула и, подойдя к матери, обняла ее и младших сестер. Обе плакали. Только мать, не верившая, что отца отпустят — слишком много было примеров вокруг, — плакала от горя о том, как и на какие средства они теперь будут жить. А девочка, кусая губы, плакала от ненависти. Где ей, ребенку, убитому горем, было понять, что не этот человек на портрете виноват в произошедшем с отцом и в происходящем вокруг. А виноваты те крупные и мелкие «князьки», восседающие повсеместно, боящиеся потерять свои места и посты, которые, как им мнилось, они завоевали праведной революционной борьбой и боями гражданской войны, в страхе потерять всю эту сытую, обеспеченную привилегиями жизнь из-за альтернативных выборов, объявленных принятой накануне Конституцией, написанной вот этим самым усатым человеком. Откуда ей было знать, что он хотел, дабы на смену этим зажившим и ничего не желающим делать для народа «князькам» через

выборы пришли молодые, знающие и умеющие профессионалы. Откуда девочке было знать, что «князьки» повсеместно, повязанные общей судьбой, подготовили списки, куда внесли честных, порядочных и умных людей, дабы уничтожить их, чтобы не стало среды, из которой могли бы появиться конкуренты.

Всего этого девочка не знала в этот солнечный осенний воскресный день, в год своего двенадцатилетия, когда надломилась ее душа. Обо всем этом она узнает намного позже, уже в зрелом возрасте. Узнает и поймет. Однако кто вернет цельность и чистоту души, цельность и чистоту разума ее, только вступающей на стезю жизни?

Рассказ написан по старым записям

Галина Солонова
(Брянская обл., г. Сельцо)

МАГИЯ ОГНЯ

Галина Алексеевна Солонова родилась на Брянщине. После окончания педагогического ВУЗа работала в системе народного образования на разных должностях. Писать рассказы для взрослых и детей начала в зрелом возрасте. Член Союза писателей России, член международной общественной организации «Союз писателей и мастеров искусств».

Виктор медленно шел по улице, наслаждаясь теплом вечернего майского солнца. Его внимание привлекла вывеска «Бар», украшенная декоративными коваными розами. Он остановился, оценивая мастерство кузнеца. Решил зайти...

Сел у барной стойки на свободное крайнее место. Чуть поодаль две молодые пары увлеченно беседовали друг с другом, поджидая приготавливаемые для них напитки. Девушка, явно скучавшая, часто поглядывала по сторонам. В белой с накрахмаленным воротником рубашке за стойкой жонглировал бармен. В ход шли бутылки, стаканы, фужеры, бокалы и рюмки разных размеров. То и дело подхватывались блендер, дозатор. Вглядываясь в лицо хозяина барной стойки, освещенной висящими над головой абажурами, Виктор неожиданно узнал своего школьного товарища.

— Василий,— позвал он тихо.

Тот быстро подошел, радостная улыбка пробежала по лицу:

— Рад тебя видеть, друг. Какими судьбами?

— Случайно я здесь. Вижу, что тебе не до меня сейчас. Предлагаю встретиться послезавтра в десять утра у Измайловского «Вернисажа». Сможешь?

Василий на мгновение задумался, что-то просчитывая в уме:

— Буду. Обязательно приеду.

— Вот и лады. А сейчас сваргань мне простенький безалкогольный напиток...

* * *

Рукопожатия и объятия при встрече двух друзей-товарищей говорили о желании общаться.

— Это ж сколько мы не виделись... Двенадцать лет,— уточнил Василий.

— Да, после выпускного так и не встречались. В баре я наблюдал за тобой. Ты работал виртуозно, артистично. И как тебя угораздило стать барменом? Ведь окончил ты машиностроительный институт.

— На последних курсах учебы стал подрабатывать, постепенно приобрел практические навыки, индивидуальность. К окончанию института предложили работать на постоянной основе. Я и согласился. А что: зарабатываю неплохо, правда, ответственность и физическая сила нужны.

— Сегодня ты посмотришь на мою работу,— уверенно продвигаясь среди множества людей вглубь комплекса,— сообщил Виктор.

Вскоре остановились у большой железной двери с вывеской «Кузница». Василий недоуменно взглянул на друга. Вошли. Просторное помещение. Несколько человек стояли у стены. Василий не заметил, как Виктор исчез.

Пышущий жаром горн привел Василия в оцепенение, магия огня его заворожила. Наконец он перевел взгляд на множество щипцов разной формы, что висели рядом, наковальни с крошевом окалины, верстаки, на которых рядком лежали инструменты, обрезки металла. С любопытством рассматривал гидравлический молот. «Вместо дюзего детины-молотобойца»,— догадался Василий. Вдруг что-то знакомое из детства почудилось ему.

— Друзья, наш заключительный день семинара мы закончим мастер-классом, который проведет член Союза Кузнецов, Народный Мастер кузнечного дела Виктор Яхонтов,— объявил мужчина богатырского телосложения.

«Видимо, руководитель этой встречи и, конечно, кузнец»,— подумал Василий. Он встрепенулся, устремляя изумленный взгляд на школьного друга, который предстал перед публикой в кожаном фартуке и рукавицах. Виктор закинул в печь порцию каменного угля, несколько металлических полос отправил в горн. По его внешнему виду было видно, что он по уши влюблен в свое дело. Мастер ловко выхватил щипцами из горна раскаленную добела полосу. Под уверенными ударами молота полоса послушно меняла форму, превращаясь в три хвоста. Орудуя точно и быстро молотком, он заострил каждый хвостик, превратив их в художественные круглые завитки. Виктор виртуозно подхватил щипцами только что изготовленное изделие и продемонстрировал публике. Новая металлическая раскаленная полоса под магическими движениями рук, инструментов и включенного молота приняла вид изящного цельнокованого ножа. Будто от чудного сна пробудили Василия аплодисменты...

— Ты — настоящий маг! — возбужденно сказал Василий подошедшему Виктору.

— Здесь недалеко небольшой скверик. Пойдем, посидим.

Уединившись в уголке открытой веранды уютного кафе, друзья молча смотрели друг на друга, думая каждый о своем. Весеннее солнце щедро посылало свои лучи, лаская молодую листву деревьев, что стояли рядом с верандой. «Чив-чив, чив-чив-чив»,— пели радостно хором воробьи.

— Я поражен твоим мастерством. Расскажи, как ты всего этого достиг,— наконец заговорил Василий.

Виктор улыбнулся:

— Ты помнишь, когда нам было по двенадцать лет, я уговорил своих родителей отпустить меня с тобой в село, где жили твои бабушка с дедушкой. Дед Матвей повел нас в кузницу. Вот тогда я впервые увидел танец пляшущего огня в горне, волшебные руки твоего деда. Он из куска металлической полосы смастерил жука и подарил его мне.

Виктор отхлебнул глоток кофе капучино, помолчал. Василий не торопил.

— Из нашего районного центра ты помчался в столицу, а я нашел кузнеца и записался к нему в ученики. Бывало, сутками от горна не отходил: лемеха кривые мне учитель все поставлял, а я их выправлял. Внутри меня творческий огонь все больше разгорался. Хотелось создавать самому что-то новое, сказочное. Привлекала художественнаяковка. Начал с простых завитков и петель. Не все получалось. «Металл надо чувствовать, а не творить на ощупь,— говорил мой наставник. Помогло то, что окончил машиностроительный техникум. Я понял, при какой температуре металл калится, когда становится послушным, как пластилин. Да и без вдохновения никак. Иногда мучаешься, ночь не спишь, пока в голове не сложится образ будущего изделия. Сейчас требование к эстетике металла возрастает.

Виктор замолчал, обхватив кофейную чашку обеими руками, будто согревая ее содержимое упругими ладонями.

— Эстетика эстетикой, а финансовая сторона твоего дела не страдает? — осторожно спросил Василий.

— У меня собственная кузница. Сейчас кузнечное дело переживает второе рождение. Богатые люди строят большие дома, заказывают металлические, с элементами декора, заборы, ограждения различные, перила, декоративные лестницы, двери и ворота. Простые клиенты — решетки, всевозможный инструмент, сувениры, — Виктор достал из кармана джинсов и протянул на ладони кованого майского жука, — вроде таких, как этот. Дарю на память о нашей встрече. На его брюшке номер моего телефона, и если что — звони...

* * *

Глубокая ночь, а Василию не спалось. Подробно вспоминались события прошедшего дня. Ему мерещились то пляшущий огонь в горне, то висящие инструменты, то раскаленные металлические полоски. «Я радуюсь за школьного друга, его мастерству, — думал он. — Но меня поражает, как сказал Виктор, «ни с чем несравнимое удовольствие», которое получает он в процессе работы и по ее завершении. Виктор назвал меня жонглером и артистом. Я тоже могу мастерски приготовить напитки, знаю секреты их рецептов и тоже приношу пользу посетителям. А удовольствие я получаю от своей работы? — неожиданно жар хлынул ему в лицо. — Что это? Мне стыдно?.. Да, моя работа не для настоящего мужика. Мои дед и прадед работали кузнецами, а я погнался за столичной жизнью. И что, я счастлив? Деду Матвею уже восемьдесят восемь, бабушке чуть меньше, они еще живы, а я, единственный внук, за последние два года не удосужился навестить их»... Через не закрытое шторой окно Василий увидел свет, который начал теснить прохладную ночь. Он взял в руку подаренного жука, что сидел на тумбочке рядом, ощутил прохладу металла и, вспоминая деда, кузницу, так и не уснул...

Целую неделю Василий находился под впечатлением встречи с Виктором и тех чувств, которые посетили его той бессонной ночью. Договорившись с хозяином бара об отпуске, он поехал к бабушке и дедушке. Ранним утром село ему показалось каким-то новым. Люди спешили к автобусу с названием «Мираторг» — «видно, на работу едут, а ведь недавно работы у многих селян не было», — отметил про себя Василий. Новое здание магазина, стройный ряд строящихся и обновленных домов — все это по-хорошему впечатлило Василия.

— Внучок, внучок приехал! — восторгалась со слезами на глазах бабушка, обнимая внука.

— Ну, наконец-то! Думали и не дождемся, — распахнув руки для объятий, сказал дед.

— Сейчас будем завтракать, у меня все готово: мама еще вчера утром сообщила о твоём приезде. Какое чудо — этот сотовый телефон, — «щебетала» бабушка, накрывая на стол.

— А что, дедуль, цела еще кузница? — ошеломил своим вопросом внук.

— Конечно, цела, я смотрю строго за ней, иногда по старинке что-то кую.

— Так пойдем туда прямо сейчас, — загорелись глаза у Василия.

— Нет уж, имей уважение. Сначала позавтракаем...

* * *

Конец мая дарил тепло, запахи сирени, что красовалась почти у каждого дома.

— Эх, погода, какая чудная стоит. Наше село здорово преобразилось. Замечатель? — шагая неспешно, говорил дед Матвей.

— Почему так кузницу далеко построили, за селом? — удивился Василий.

— Строил ее еще твой прадед, в честь него назвали тебя его именем. А на краю села — это ж поверье исстари было такое: кузнецов почитали за людей, связанных с потусторонними силами, наделенных магическими приемами, колдовством. Считали, что опытный кузнец мог «прижать» болезнь, «прищемить» беду. Амулеты для этих целей люди заказывали у кузнеца... Вот мы и пришли. Узнаешь?

Дед Матвей достал из кармана ключ и открыл дверь. Она приветливо заскрипела. Василий ожидал, что изнутри пахнет сыростью, затхлостью, полетит пыль, качнутся по углам паутины. Ничего этого не случилось. Было сухо, опрятно, все лежало, стояло и висело по своим местам. Только помещение теперь по сравнению с детскими воспоминаниями было маловато.

— Такое впечатление, что здесь кто-то работает, даже уголь каменный есть! — воскликнул внук.

— А как же! Я и работаю! Изредка, правда: силы уже не те. Жив старинный обряд. Молодожены хотят придать брачным узам крепость железа. Вот и заказывают подковы, сердца.

— Деду, давай сейчас разогреем горн и попробуем что-нибудь сотворить,— предложил Василий.

— Ну что ж! Разогревай горн. Сувенирное сердечко будем ковать. Только орудовать молотком по моему указанию будешь ты...

Огонь, искры, звон металла, раскаленное железо, стук потрепанного жизнью молотка, команды деда: «Бей! Бей!» — все для Василия превратилось в музыкальный ритм, зазвучало симфонией.

— Готово! Подхватывай «сердце» щипцами! — эхом прозвучали слова дедушки. Василий был смущен, но счастлив,— и это он чувствовал и осознавал.

* * *

На следующий день он позвонил Виктору:

— Приезжай, друг, скорее в село к моему деду. Поможешь на более современном уровне оснастить нашу кузницу. Хочу стать сельским кузнецом...

Александр Петренко
(г. Краснодар)

БАТЬКИНА ЖИНКА

Наш постоянный автор.

Хрупкая дверь жалобно затрепетала.

— Откройте немедленно! Военный патруль!

Минуту спустя, старший по званию, козырнув, вручил отпечатанную на серой бумаге повестку. Женщина взяла ее в руки, смахнула набежавшие слезы, подняла глаза к небу. В столице поверженной Германии стояла тихая предосенняя жара. Три месяца прошло с момента подписания акта о капитуляции.

— А вдруг это не из-за давнишних событий? — пронеслось в голове. — Может, коменданту срочно понадобились переводчики. А вдруг работу предложат? Ведь написано же явиться с документами. Сколько воинских частей занимаются вывозом материалов и оборудования из Германии. И в каждую требуется переводчик. Понятное дело, без тщательной проверки на такую работу не устроиться. Особисты будут проверять. Но ведь сколько лет прошло. Может, глубоко копать не станут. В их конторе сейчас и других проблем выше крыши.

* * *

Надежды Галины Кузьменко не оправдались. Домой из комендатуры она не вернулась. Отправили в фильтрационный лагерь. При обыске у женщины обнаружили двести десять марок. Берегла на черный день. И он настал. Но дензнаки не пригодились. Изъяли при обыске.

В Киеве поместили в одну камеру с уголовницами. Следователь предложил сделку.

— Будешь ездить во Францию. Общаться с эмигрантами из России. Выявлять тех, кто сотрудничал во время войны с немцами.

Галина отказалась. Сослалась на то, что плохо знала бывших белогвардейцев.

— На роль предательницы не гожусь. Противно это.

Незадолго до Нового года вынесли приговор: восемь лет лагерей.

* * *

УРА! УРА! УРА!
ПОЙДЕМ МЫ НА ВРАГА,
ЗА МАТУШКУ ГАЛИНУ,
ЗА БАТЬКУ — ЗА МАХНА.
(Из махновской песни).

По собственной воле (из-за вечно пьяного отца) или по желанию родителей юная гимназистка оставила учебу и оказалась в женском монастыре. Тамошнее бытие обитательниц на виду. Послушницы передавали из уст в уста:

— А наша Анфиска-то, ну та, которую, в миру, Галинкой кликали, с полицейским Евстигнеевым, того...

Молодая монахиня слухов не опровергала. Собрала нехитрый скарб, да и покинула обитель вместе с сыном барона Корфа.

Отбыли к новому месту жительства. В родовое имение суженного.

Однако родители выбор сына не одобрили. Кандидатку в невестки быстренько спровадили назад.

Запасной вариант так же отпал. Ухажер Евстигнеев, узнав о бегстве возлюбленной, свел счеты с жизнью. Настоятельница монастыря, устав от скандалов, не пожелала видеть любвеобильную монахиню в обители Господней.

* * *

О знакомстве и сватовстве батьки и Галины ходят легенды. Среди них и такая. Нестор, наслышанный о необыкновенной учительнице, нагрянул в школу. И предлог сыскал соответствующий. Потребовал редкую книгу, хранящуюся в тамошней библиотеке.

Ничуть не испугавшись грозного атамана, девушка сообщила.

— Издание уникальное. Подобные раритеты за пределы школы выносить никак не можно.

Нестор кричал, что без книги и шагу не сделает!

Галина швырнула тяжеленный том на пол.

— Подними!

— Не на ту напал! Тебе треба, вот и гни спину.

Батька выхватил револьвер.

— Для такой упрямой и всего барабана не жалко!

Из ореховых глаз девушки вылетели такие искры, что лихой атаман осознал: училка — его женщина.

Дабы произвести впечатление на Галину, Нестор прибахлился. Обзавелся набором шелковых сорочек, раздобыл высокие сапоги. Не отставала от ухажера и учительница. Облачилась в мужской костюм. Носила каракулеву шапку.

Родители Агафьи — Галины, набожные люди, потребовали от Нестора перед свадьбой поклясться, что ходит в церковь.

Став женой атамана, дама шеголяла в пальто, отороченном мехом котика, и в светлых ботах. Сложно поверить, что эта улыбающаяся элегантная особа наравне с мужиками ходила в атаку. Случалось, что и из пулемета строчила. Расстреляла махновцев, застав за грабежом и насилием над женщиной.

* * *

Село Песчаный Брод заняли красные. Не мешкая, приговорили к расстрелу местных кулаков. Среди них оказался и отец Галины. Бывший жандарм Андрей Кузьменко. Спустя несколько часов батьке доставили депешу. Махно отправил туда отряд из трехсот человек.

Утром в освобожденный Песчаный Брод приехал атаман и убитая горем жена. Тут же разыскали ту, которая выдал родича. Местную жительницу по фамилии Бродская.

Дочь зарубила предательницу собственноручно.

На площадь вывели плененных красноармейцев. Лучшая подруга бывшей училки Феня Гаенко расстреляла всех лично. Атаман сидел мрачный. Молчал и не вмешивался в происходящее.

* * *

Женщина и на войне остается женщиной. «Крестьянская царица», несмотря на многочисленные протесты, взяла на воспитание маленькую дочь командира Стального полка, коммуниста Михаила Полонского. Нестор расстрелял его за подготовку заговора.

В последние дни лета двадцать первого года, преследуемый красноармейцами, Нестор с Галиной и небольшим отрядом пересек Днестр у деревни Монастырка. Батяка еле держался на ногах. В последнем бою схлопотал пулю в шею. Навылет, через щеку.

Их встретили люди чужой страны — Румынии.

Женщина первым делом стянула с себя мокрую одежду. Пограничники, вдоволь налюбовавшись на даму в неглиже, доставили беглецов на заставу.

В начале двадцатых годов Советское правительство не имело официальных дипломатических отношений с соседней страной. Однако сей факт не помешал наркому иностранных дел направить ноту генералу Авереску с требованием выдать Махно.

Румынское правительство тянуло время.

Перебежчиков держали в бараке. Кормили кукурузной похлебкой.

* * *

Через некоторое время чета Махно сбежала. Власти вздохнули с облегчением.

В апрельские дни двадцать второго года измученные люди смогли-таки перейти польскую границу.

Нестора и Галину немедленно арестовали и заставили предстать перед судом. Обвиняли в подготовке восстания в Галиции.

В тюремных застенках Галина стала мамой. Родила девочку. Европейские и американские анархические организации оплатили не дешевые услуги адвокатов. И те выполнили поставленную перед ними задачу. Варшавский окружной суд вынес оправдательный приговор. Услышав это, Нестор сделал заявление для прессы. Сообщил корреспондентам, что посвящает жизнь беспощадной борьбе с советской властью. Но ожидаемого отклика из эмигрантских кругов не последовало. Денег на святое дело никто не предлагал.

* * *

Бывший атаман сильно изменился. Даже попытался свести счеты с жизнью.

В среде русской эмиграции бытовала другая версия. Анархистка Ида Метт уверяла: «На правой щеке Махно заметен шрам. Галина попыталась убить мужа во сне. Кажется, у нее был роман с петлюровским офицером». Врачи оказались на высоте. Спасли бунтаря от смерти. А власти усилили полицейский надзор. В конце концов, от греха подальше, семейство депортировали во Францию.

В Париже Нестор устроился плотником в оперный театр. Затем работал рабочим в одном из цехов концерна Рено. Жили впроголодь. Обострилась чахотка. Галина всерьез опасалась, что малолетняя дочь заразится от отца. Забрала малышку, переехала в другое жилище. Открыла лавку бакалейных товаров «Махно».

В тридцать четвертом году батяку окончательно одолела неизлечимая болезнь. Стали гнить ребра. Жена навестила умирающего супруга в госпитале.

— Ну, ты как?

Бывший хозяин Гуляйполя ничего не ответил. Из глаз усталых, мутных катились слезы.

Лавка разорилась. Преуспевающей бизнес-леди из Галины не получилось. Чтобы как-то выжить, работала где придется. В сапожной мастерской изготавливала заго-

товки для обуви. Бралась стирать белье. Прошла медицинскую комиссию и стала получать мизерное пособие.

После оккупации Франции фашисты вывезли атаманскую жинку и дочь Елену на работы в Германию.

* * *

Из обвинительного заключения по следственному делу 1. Кузьменко Г. А., 2. Михненко Е. Н. «В августе 1945 года оперативной группе НКВД района Митте-Берлин стало известно, что в г. Берлине проживают жена и дочь руководителя анархистских банд на Украине Махно Нестора — Кузьменко Галина Андреевна и Михненко Елена Несторовна, которые в эмиграции занимались активной антисоветской деятельностью... Дело... направить на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР».

* * *

Батькина жинка в лагере утратила былой шарм. Дама с глазами цвета ореха в котиковом пальто исчезла навсегда. Отбыв положенное по приговору, на свободу вышла советская старушка в заштопанном платочке.

Шли годы. Наступила хрущевская «оттепель». Галине посоветовали обратиться в компетентные органы с просьбой о реабилитации.

«По Вашему заявлению Прокуратура УССР изучила дело, по которому Вы были осуждены. Материалами дела виновность Ваша доказана, и оснований для реабилитации не усматривается.

Зам. Начальника отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Г. Малый».

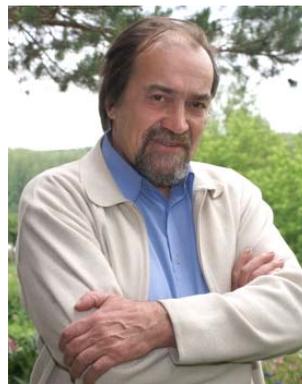
* * *

Галина (Анфиса) Андреевна Кузьменко-Махно до конца дней жила контрреволюционеркой на законном основании!

Вячеслав Софронов

(г. Тобольск Тюменской области)

КАЧЕЛИ-КАРУСЕЛИ

Родился в 1949 г. в Тобольске, где последние годы работал преподавателем истории в местном педагогическом институте им. Д. И. Менделеева на должности профессора. Автор нескольких исторических романов: «Кучум» (3 тома), «Отрепленные люди» (4 тома), «Земля печали», изданных в российском издательстве «Вече». Имеет ряд научных трудов и монографий по истории Сибири. Лауреат нескольких литературных премий.

Качели изобретены были еще в незапамятные времена и у многих народов считались вещью сакральной, мистической. Среди русских песен можно найти массу связанных именно с качелями, когда каждый норовил проявить свою доблесть, храбрость, отвагу. Сейчас, когда на детских площадках видишь раскрашенные столбики высотой чуть выше метра, то остается лишь вздохнуть, подумав, вот ведь как измельчал народ, куда им до наших высот!

Да, во времена нашей молодости качели ставили высотой никак не меньше пяти метров и были они пусть не возле каждого дома, но едва ли не на каждой улице. Существовал и свой обряд, когда парень приглашал девушку занять место напротив него, а значит, довериться, проявить расположение. А это уже многое. И действительно, разогнать закрепленную меж веревок доску, большого ума не требовалось, но вовремя остановиться, не совершить мертвую петлю, подвергнув тем самым смертельной опасности и себя, и свою избранницу, тут нужна была определенная выдержка и сдержанность.

Большинство девчат, взлетая на уровень крепежного бревна, начинали повизгивать, то ли от страха, то ли от иных чувств, чем доставляли парню неслыханное удовольствие. А когда еще можно остаться недосягаемыми от всей массы собравшихся снизу и с завистью взирающей на летунов? Ты и она. Она и ты. И ярко синее небо, которое так и зовет, манит к себе. Разве можно было в те годы испытать большее счастье, испытующе смотря в глаза друг другу? Да ни одно развлечение не сравнится с подобным полетом, когда непонятное чувство радости переполняет тебя и ни за что не хочется останавливаться и возвращаться на унылую землю.

И у нас во дворе отец с дедом соорудили подобный снаряд, доходящий почти до крыши двухэтажного дома, и сразу пустующий прежде двор заполнился десятком желающих покачаться всласть, взлететь в немыслимую высь. Только вот не все соседи восприняли это новшество с радостью, и однажды ночью кто-то срезал веревки, показав тем самым свое взрослое отношение к нашим детским радостям.

Но, как узнал много позже, далеко не всем любителям качелей они принесли в жизни радость и развлечение. Уже будучи человеком можно сказать взрослым, как-то летом выбрался в сторону моря, благо отпуск позволял это сделать. Нас в купе подобралось трое парней, все примерно одного возраста. И где-то в средней полосе, в районе Мичуринска, на очередной остановке, видим, карабкается по ступенькам дед

без одной руки, а следом бабка его засовывает в тамбур разные корзинки со снедью и даже настоящий глиняный горшок со сметаной по самый край. Мы кинулись помогать деду, оказалось, что билет у него как раз на пустующее место в нашем купе. А бабка, пока поезд не отошел, успевала давать нам наставления:

— Сынки, вы там за дедом моим следите, смотрите, чтоб ел исправно, а то у него желудок больной, врачи велели есть, как положено мужику...

Что она еще говорила, мы уже не слышали, потому как остановка была совсем коротенькая, поезд уже тронулся. Дед же по-хозяйски расположился на нижней полке возле окна и начал выгребать свою снедь из многочисленных плетеных корзинок и пакетов, причитая:

— Куда ж она мне столько наложила: два десятка яиц вареных, половину жареного гуся, да еще огурцов, помидорчиков, яблочек, а вот горилки положить, точно, забыла. Вот ведь, курва старая, говорил ей, не забудь, нет, как специально позабыла... Уж я ей, как вернусь-то!...

Но нашлась и горилка, замотанная в чистую холстинку, и он вывалил все свое богатство на приставной столик, заявив командным тоном:

— Чтоб все съели! Без остатку! Выбрасывать добро не по-христианскому обычаю, а мне все это богатство до конца отпуска не одолеть. Все поняли? И чтоб без всякого отказа...

А отказываться никто особо и не думал. У меня в запасе было всего пара уже зачерствевших бутербродов, думается, что и у моих спутников тоже. Поблагодарив запасливого деда и его старуху, начали с истекающего жиром гуся, а потом пошли в ход и остальные продукты. Само собой, приняли и по чарочке, которую запасливый дед, как оказалось, тоже возил с собой.

— Фронтная чарка, у немца в окопе захватил, наших таких не встречал, потому и памятна, завещаю, чтоб ее со мной вместе в гроб положили. Вот на том свете все явятся пустыми, а я, будьте-нате, со своей, глядишь, Господь и нальет чего, глядишь, не обидит.

Вообще дед оказался мужиком свойским, разговорчивым, про таких обычно говорят — заводной. Он подробно рассказал про свое хозяйство, куда едет и на сколько дней. Я же поинтересовался, где он лишился своей руки, на что он просто отмахнулся:

— К чему теперь вспоминать, чего нет. Все равно вторая не вырастет. Осколком срезало, да до того чистенько, словно хирург какой. Я бы и дальше воевал, да вот упекли в госпиталь. Так положено, говорят. А вот уж там мне культя моя такую службу сослужила, век не забуду....

— А что такое? — заинтересовались мы. — Воспаление началось или что другое? Расскажи, дед...

— Воспаление точно началось, только в моем мозгу, — охотно отозвался он. — Весна же была. Госпиталь наш от фронта далеко, фриц не тревожит. Ну, само собой, ходячие солдатики начали на санитарочек да сестер медицинских чересчур пристально так поглядывать. У кого дома кроме старенькой матери — никого; а у иных семья, ребятки — и они туда же. И я, хоть и безрукий, а влюбился по уши в сестричку одну, Анютой звали. Глазища, что блюдца чайные, волосенки русые, губки пухленькие. Чего скрывать, проходу ей не давал. И она, гляжу, не особо противилась от обхождения моего. Уже подумывал с политруком потолковать, чтоб печать нам в документы поставить, а там уже и выписка не за горами, увез бы с собой, как девку замужнюю...

Дед сокрушительно вздохнул и на какое-то время умолк, видно вспоминая ту свою Анюту, с которой у него почему-то не сложились отношения.

— И что случилось? Кто помешал? — поторопили мы его.

— Осталось там чего? — дел встряхнул бутылку. — Вроде есть, плесну себе малость... — он налил себе чарку, ловко перевернул ее в широко раскрытый рот, крякнул и продолжил.

— Говоришь, кто помешал? А качели проклятые. Они всему виной. И культя моя, мать ее культину...

— При чем тут качели? — удивились мы все. Разбилась, что ли, Анюта ваша или другое что?

— Ой, ну, коль начал рассказывать, негоже останавливаться. Слушайте, как все вышло. Качелины те были здоровущие, башку задерешь и шапка с головы свалится. Постарались солдатики, что на поправку шли. Ну, и очередь к ним, само собой. Все по парам. И я сговорил Анюту. Она еще упиралась долго, мол, как ты с одной рукой справишься, а я хорохорюсь, сдую, так раскачаю, навек помнить будешь.

Он опять умолк, посмотрел в окно на сидящие вдоль полотна деревья, словно они напоминали чего, а потом, решившись на что-то, рассказал, как все вышло, после чего он лишился своей Анюты.

— Встали мы, значит, на доску качельную. Она на одном краю — я на другом. Уцепился здоровой рукой крепко-накрепко, чтоб не соскользнула и начал потихоньку раскачивать доску. Вначале так это легонько, а потом все шибче да шибче. Анютка, видать, за меня переживает, глядит во все свои глазища, как бы не сорвался. Вот уже так доска расходилась, что еще чуток и перелетим через поперечное бревно. А я чуток присяду, ногами изо всей мочи как поддам — и летят качелины! Словно аэроплан какой-то!

Вот тут самая беда и вышла... Из одежки больничной на нас что было? Халатик, пояском перепопаянный, у которого полы во все стороны развиваются да кальсоны на одной пуговичке. И вот эта проклятая пуговичка в самый ответственный момент возьми и оторвись. А кальсоны с меня так вниз до самых ступней и свалились. Ну и все мое богатырское хозяйство на виду оказалось.

Слышу, внизу смех стоит, все пальцем в мою сторону жают. А Анютка зарделась, словно маков цвет, и глазища свои в сторону отводит, будто ничего не заметила. Я и так, и эдак кручусь, чтоб скрыть то, что посторонним людям показывать не следует, только ничего не выходит. И качелину эту не затормозишь и кальсоны одной рукой натянуть тоже никакой возможности нет... Я бы вниз сиганул, только думаю, Анютка тогда тоже разобьется из-за дурасти моей. Едва дождался, когда парни, что вокруг стояли, поймали доску руками, она и остановилась. Все вокруг ржут, как жеребцы, а я не знаю, куда глаза спрятать...

Анютка сразу бегом через всю толпу, а я кальсоны подтянул и к себе в палату. Там мне пуговицу ту пришили крепко-накрепко суровой ниткой, кинулся ее искать, извиниться хотел, а она не выходит. Подружки ее гуторят мне, мол, опозорил девку перед всем госпиталем, и чтоб ноги твоей тут близко не было. Я же и виноват остался...

Мы сдержанно похихикали после его рассказа, кто-то спросил:

— А провожал вас кто? Не она?

— Да я тебе, дурья башка, только что втолковывал, что в глаза Анюту больше не видел. А этак уже другую, после того, как меня комиссовали, приглядел. Вот живем, уже не помню, который годок. Но тоже не без приключений. Только вместо качелей меня на сей раз карусели подвели, не знаю, как и живы остались. Судьба, видно, так у меня выстроилась, нечистый ножку свою нет-нет да подставит...

— Да ты расскажи, дед, что за история на сей раз вышла, — попросил кто-то из парней, но нет, дедок уперся, набычился и упорно крутил головой. — Все, горилка кончилась и рассказам моим конец. Хватит с вас.

— Так мы найдем, — кинулся из купе один из парней, — чтоб я да не нашел... — и он действительно вскоре вернулся с бутылкой, замотанной в старую газету. — И далеко ходить не пришлось, у проводницы выторговал, гуляем!

— Ну, деваться некуда, коль слово дал, только много мне не наливайте, силы уже не те, — предупредил дед, пододвигая свою чарочку, — а историю с каруселью, так и быть, расскажу, может, вам, молодым, она на пользу пойдет.

Он как-то неохотно пригубил налитую ему порцию, похрустел огурчиком и без всякого перехода начал:

— Вот скажите, кто всякие игры да веселухи придумал? Ну никак же не Господь Бог. Скажите — человек?! Может, и так оно. Но ведь кто-то подсказал ему, как то да это соорудить, да запустить. Возьми тот же самолет, вроде для дела собран, а сколько человеческих жизней через то бьется, не счесть. Была ране лошадка, запряг, да и ездай, куды тебе требуется. Устал, отдохни. Куда спешить? Разве что на тот свет, так туда завсегда успеешь. Вот и развлекашки разные для искушения людского образовались. Одно дело, качели, ежели с умом, то никакого тебе вреда не будет. А вот без удержу всякого, оно и выйдет, как у меня на тот раз, о котором уже вам сказывал.

Мы заметили, что деда от выпитого повело куда-то на философские рассуждения и попробовали напомнить ему, что он обещал рассказать, что за случай произошел у него с каруселями. Он сделал вид, что обиделся, но глаза его, заросшие густыми поседевшими бровями, озорно блеснули и он хитро погрозил нам пальцем:

— Вы, сынки, наперед кобылы в оглобли не встревайте, будет вам и про карусели. Историйка простенькая и опять же по моей дурусти вышла. Меня после фронту взяли счетоводом в одну контору. На счетах, значит, щелкать. Там две руки ни к чему. И так у меня этно дело здоровоки получалось, что не знал, куда от разных грамоток и выпелов деваться. Одно слово, уважаемый человек. Даже начальство передо мной издала шапки сымало: «Здрасте, Петр Иванович». Я, однако, и не сказал, что Петром меня кличут. Вот... А баба моя, да вы ее видели, как она меня провожала, все искала себе работу полегче. Она вышить или скроить что, себе ли, знакомым кому, большая любительница и как минута свободная выдастся, сразу тряпочки свои в руки, и все, затихла. И мне этак-то спокойней. А робить где-то все одно надо, вот ей и присоветовали идти билетершей в городской сад. Его только летом открывают, а зимой занимайся, чем хочешь. Она и рада. А билеты проверять на эти самые карусели, по мне так даже не работа, а обычное баловство. Но чего ей скажешь, коль так решила...

Дед опять помолчал, допил остатки из своей фронтовой чарочки, облизал губы, не закусывая, и, словно решил на что-то важное, махнул единственной рукой и продолжил рассказ дальше:

— Что мне в ее службе нравилось, так это то, что всегда все новости первой узнавала. И перед людьми на виду. И я пристрастился в парк тот хаживать. Как работу свою на счетах щелкать закончу, все бумажки заполню, сложу стопочкой и на выход. Домой загляну, детей-то у нас не случилось, она тоже фронтовичка, сорвала себе нутро, раненых поднимая, но жили ладно, дай Бог каждому. Дома, значит, перекушу чего и айда в парк. Пройдусь туда-сюда, с друзьями-знакомыми словечком перемолвлюсь, и к ней, на карусели. Сажу на лавочке, поджидаю, когда звоночек брякнет и по репродуктору объявление скажут, мол, парк наш до завтра закрывается. Выключим агрегат, на замочек входные дверцы закроем и чинно-важно под ручку домой вместе шествуем. Не жизнь, а благодать Божья. До того мне это нравилось: вечерком не спеша домой возвращаться, все дела переделав, представить себе не можете.

Но вот как-то у главного бухгалтера на службе нашей какой-то юбилей случился. Само собой стол накрыли, все вокруг него уселись, стали тосты сказывать. А ведь только обычай какой, ежели за здоровье именинника не выпил — негоже. Пей до дна. А там второй тост, за ним третий. Я глянь на часы, а Шуручке моей, жену мою так кличут, вот-вот закрываться пора, будет меня ждать, куды подевался, что приключилось. Ну, я извинился и бегом в парк. Как раз успел, когда карусели последний круг сделали, народ вниз сошел и к выходу потянулся. Мы с ней вдвоем остались. И дернула же меня нелегкая предложить ей такое...

Дед опять остановился, мы думали, что он ждет очередной порции, но он наотрез отказался.

— Нет, свое выпил. Хватит. Я вот думаю, как мне такая дурная мысль на ум пришла. Это же каким дураком надо быть...

— Да что за мысль? — кинулись мы расспрашивать, — что случилось? Мы же не знаем, что дальше было?

— Да ничего особенного, — спокойно ответил дед, — предложил я своей бабе на карусельке той прокатиться. А то, говорю, сколько лет ее сторожишь, а сама ни разочку и не попробовала. Садись, давай, а я рубильник включу.

Она ни в какую. Боюсь одна — и все тут. Я ее уговаривать и так, и сяк, не соглашается. А потом и заявляет:

— Вот если с тобой вместе, тогда другое дело...

Я и согласился, давай, за чем дело встало. Залазь вон на эту поросюшку, держись крепче, а я сзади на оленя с рогами взберусь. Все по ранжиру и будет...

— А рубильник кто включит? — она мне. — Машина сама ведь не тронется, крутиться не начнет.

— Да я успею. Включу, а пока она разгоняться станет, запрыгну на своего олешку позади тебя.

— Смотри, не промахнись, — говорит.

— Не сумлевайся, я хоть с одной рукой, но прыгать не разучился.

— И что дальше-то было, — не выдержал кто-то из парней.

— А то и было. Включил я рубильник и, когда олешек мой мимо проплывал, хоп, и верхом на него.

— Кто же остановил вашу карусель? — уже едва сдерживаясь от смеха, продолжил выпрашивать все тот же парень, который, судя по всему, живо представлял себе все происходящее.

— Кто ж ее остановит, когда весь народ из парка по домам разошелся. Остались лишь мы, горемычные, крутиться на карусельке.

— И как оно, ощущение?

— А ты попробуй, тогда скажешь, когда кругов сто, а то и двести намотаешь, — беззлобно ответил дед.

— Неужели не попадали? Оно ведь так и разбиться можно...

— Так мы ведь фронтовики, всякого натерпелись, вам не понять, куда там. Вот хлебнете с наше, тогда и поговорим...

— И все же, как карусель остановили? — осторожно спросил я деда.

— Рыбаки на наше счастье еще затемно на рыбалку шли. Глядь, а карусель гудит, как самолет на старте, вся цветными огоньками полыхает. Пригляделись, а там два дурня: дед и баба круги нарезают, все зеленущие, глаза закатили, словечко вымолвить не в состоянии. Догадались рубильник найти и остановить всю эту свистопляску...

— Так вам теперь можно в космонавты прямым ходом идти, — на все купе захотел парень, что бегал за водкой, — все бы испытания выдержали.

— А давай ты первым начнешь, потом расскажешь, каково там, — резко оборвал его дед. — Там таких смешливых ох как любят, быстро научат уму-разуму.

Все как-то сникли, поняв, что обидели старого фронтовика, и принялись тихо укладываться. Утром оказалось, что дед сошел на какой-то станции, а мы и не слышали, не попрощались. Зато на столике обнаружили его выдавшую виды чарку. То ли забыл, то и нам на память о себе оставил, как узнать. Спросил у попутчиков, нужна ли она кому, но все отказались.

Так и оставил ее себе, поставил дома на полку, и как попадется на глаза, сразу вспоминается старый фронтовик, его рассказы, и думается: а может и прав он, что баловство да развлечения разные до добра не доводят. Видно не таков русский народ, что не знает меры ни в работе, ни в веселье. И не зря у нас постных дней больше, нежели скоромных. Если бы не строгости церковные, давно бы мы все в распыл пошли, и не стало бы такой страны — России.

Николай Макаров

(г. Тула)

КРЫМ

(Из цикла «Воспоминания батальонного врача»)

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

...В Рязанский радиотехнический институт я не поступил. Дальше приемной комиссии меня не пропустили. С «волчьим билетом» («Не годен в мирное время, ограниченно годен к воинской службе в военное время») не брали в этот институт.

Происходит срочная переоценка ценностей. И с другом детства Толькой Краденовым мы сдаем документы в Крымский медицинский институт. Во, куда меня занесло после Рязанского радиотехнического шока. Где сдавались вступительные экзамены по физике и математике, по которым у меня в школе были «железные» пятерки с плюсом. Или с двумя плюсами, даже.

Конец июля. Жара — под сорок в тени! (А кто, спрашивается, вас заставляет лезть в эту самую тень?) В общаге нас образовалась группа «отличников» — единомышленников из двенадцати человек.

Футбол. Волейбол. Купание в мелком Салгире и глубоком водохранилище. Кино. Изредка — учебники. Кстати, немного забегу вперед: из нашей «тепленькой» компании поступили одиннадцать человек. Из двенадцати. Конкурс на лечебный факультет среди школьников был ужасающий даже по тем временам, меркам и размерам — восемнадцать с половиной человек (!!!) на одно место.

У медалистов, у стажников, у «дембелей», у окончивших медучилище — конкурс был намного и намного меньше. У нас проходной балл — десять из десяти («пять» — физика, «пять» — химия) и «зачет» по сочинению. Но отвлекся.

Первое августа. Жара — за сорок. Все (!), как один, абитуриенты мужского пола — в темных пиджаках, темных брюках, темных полуботинках, в белых рубашках, естественно, при галстуках и все... в липком, вязком, раздражающем поту. От жары ли? От мандража ли? Но все — в поту... А на мне (подсознательно сработали, тогда еще только в зачаточном состоянии, инстинкты психолога) — светлые брюки в клеточку, цветная в попугаях рубашка с короткими рукавами, не заправленная в брюки, ворот расстегнут чуть ли не до пупа, старые сандалии на босу ногу...

Экзамен по физике. Главное — не попасть к Генералову! Зверье!! Зверина!!! «Режет» за малейший промах, за малейшую, не там поставленную или озвученную запятую. «Четверка»: и собери вещички — вокзал отходит.

На подоконнике, перед входом в экзаменационную аудиторию, лежит учебник физики за шестой (!) класс. На открытой странице жирным шрифтом выделен «Закон Торричелли» (это — про атмосферное давление). Машинально смазываю его взглядом, вхожу в аудиторию, отдаю экзаменационный лист, получаю билет... Первый вопрос — «Закон (!?) Торричелли» (!?!). Второй — биофизика. Третий — ядерные реакторы. И задача... при нем. Да, задача... Та еще задача попалась. Дана электриче-

ская цепь: куча всевозможных конденсаторов, катушек, сопротивлений и дано — входное напряжение. Требуется суший пустяк. Такой маленький пустячок. Определить напряжение на выходе. Для меня — пара пустяков: 21 вольт. И точка! (До сих пор помню в мельчайших подробностях). Знаю — 21 вольт. Более того — уверен на сто процентов: 21 вольт! А доказать, то есть решить по формулам эту задачу, не могу. Заклинило у меня что-то тогда, не пойму? Но целый час бился над получением злосчастной формулы — так ничего и не добился. Хоть тресни!..

Очередь неумолимо выносит меня к столу... Да... да... да... К столу Генералова! Зверюга!! Зверина!!! Прощай, институт!..

— Задачу решил? — сквозь очки на меня зыркнули бесстрастные, беспощадные глаза хищника.

— Решил! — Наглости моей не было предела. А что, в конце концов, было мне терять?

— Ответ!

— 21 вольт! — Генералов берет мою писанину (аж, три исписанных, непонятно чем, листа). Видит окончательный итог: 21 «вольт», трижды подчеркнутый и... откладывает листы, листики, листочки в сторону. «Отлично!» «Пять баллов!».

...Экзаменатор (или экзаменаторша?) по химии, молодая, красивая женщина, видя мое обличие, прыснула от смеха и спросила:

— Откуда ты?

— Это, ну, дети — откуда, оттуда и я! — она засмеялась во весь голос.

— Бери билет...

Сажусь за первый стол. Быстро записываю ответы на все три вопроса (вопросы оказались пустяковые даже для моей «четверки» по школьной химии) и... и зависаю над задачей. Ни черта в задачке не понимаю. И так, и эдак: как эту задачу решить (вот и сказала «четверка» по школьной химии)? Сижу. Верчу головой. Стены голые. Ни одного плаката. Соседи далеко. Да и кто на вступительных рискнет подсказывать? Тем более, потенциальному конкуренту. Жду неизбежного. Жду краха... Опять, что ли, вокзал тронулся?.. И тут слышу... Чего же я слышу? Слышу, как прямо передо мной очередной «абитура» отвечает мою задачу. То есть, формулы, как в моей задаче, а цифры — другие. Еле-еле успел за ним записать... Моя очередь...

...Темы для сочинений абитуриенты выбирали сами. Какие хотели — такие и выкрикивали. Демократия полная: собрали нас всех, выживших после двух экзаменов, в актовом зале и ректор института предложил нам самим назвать темы сочинений, какие мы хотим писать. Оценки за сочинения ставиться не будут. «Зачет» — поступил в институт. «Не зачет» — вокзал окончательно уедет.

Пишу: «Ленин в произведениях Маяковского и Горького». За полтора (из шести положенных) часа написал сочинение. Без черновика. Сразу — набело. В школе, совсем недавно, три раза (!) то же самое писал. Да к тому же, Маяковского почти всего наизусть знал.

Написал сочинение за полтора часа (я сижу, как всегда, за первым столом, перед бдительным оком экзаменатора) и сдаю свой опус. Следует недоуменный вопрос:

— Где черновик?

Оказывается, сочинение сдавать без черновика нельзя. Не положено. Мало ли что сидел рядом, перед глазами и никак списать не мог — черновик должен все равно быть. Еще полтора часа я писал черновик...

...На лечебный факультет (а кроме него в институте в те времена был еще и педиатрический; детских врачей на нем готовят, а не педагогов и, тем паче, не педиков) приняли более трехсот человек.

Исключительно лиц мужского пола, христианского вероисповедания, в основном, славянской внешности и, естественно, соответствующих анкетных данных.

Но имелись и исключения. Как без них-то? На наш первый курс приняли всего одиннадцать (!!!) девчонок.

Девять — дочери, внуки, племянницы Номенклатуры. Одна, ростом около 140 сантиметров, с мужем,— из какой-то островной папуасии Тихого океана. И одиннадцатая... — но о ней следующая история...

...Историю ее поступления я знаю из первых рук. Вступительные экзамены она сдавала со мной в одной группе (опять подводит память — не помню ни ее имени, ни фамилии). И потом в одной группе мы участвовали весь сентябрь в битве за урожай помидоров и винограда в одном их крымских совхозов.

Немного о ней самой. Мать ее — учительница из южно-украинской какой-то деревни (или как там у них называются сельские населенные пункты). Об отце не было никаких сведений. Не отличница. Хорошистка. Твердая хорошистка. Внешность? Ах, внешность... Но не вытравить из воспоминаний ее портрет: голова и груди (в отдельности, естественно) — одинакового размера, по форме и величине чуть меньше волейбольного мяча каждая; огромные, ядреные ягодицы, переваливающиеся под юбкой, в любое мгновение готовую расплзтись по швам; такие же ядреные бедра, толстые икры и... изящные цыколотки, переходящие в сорок второй — сорок третий размер идеальной по форме стопы.

Что еще? Ах, да,— соломенно-желтая (Тимошенко, умри от зависти!), в руку толщиной (в ее руку), ниже колен (!), туго заплетенная коса. Без бантика. На резинке от бигудей. Нос — картошка, хорошего среднего размера картошка. И глаза... наивные, бездонные, сине-васильковые глаза, с пробегающими бесенятами-искрами...

Первый экзамен. Физика. Отвечает весь билет без запинки. Оценка — «хорошо».

Мать подает ректору (демократ был до мозга костей, не чета нашим нынешним дерьмократам) апелляцию. Ректор созывает экзаменационно-апелляционную комиссию по физике. Она отвечает без подготовки. Ровно сорок минут ее откровенно валят. Но не «свалили». Ректор выносит вердикт: физика — «отлично!»

Второй экзамен. Химия. Отвечает весь билет без запинки. Дополнительные вопросы — ответы без запинки. Оценка, естественно,— «хорошо».

Мать второй раз подает ректору (а был его негласный приказ: девчонок и лиц с «ущербным» пятым пунктом на лечебный факультет не брать, а может, такое указание было и выше) апелляцию. Ректор созывает экзаменационно-апелляционную комиссию по химии. Она отвечает без подготовки. Ровно восемьдесят минут ее нагло валят. Но не «свалили» и в этот раз. Ректор во второй раз выносит вердикт: химия — «отлично!»

Третий экзамен. Сочинение. Накануне экзамена ее мать идет к ректору на очередную аудиенцию. И очень ласково, не повышая голоса, доходчиво, на чистом русском языке, без хохляцкого акцента, объясняет ему: если за сочинение родная и единственная ее кровиночка не получит «зачет», то... и т. д., и т. п...

Так я с ней и оказался вместе в совхозе на битве за урожай. В учебную группу она попала со всеми девчатами (всего их было — одиннадцать человек) нашего первого курса лечебного факультета к медалистам и иностранцам. В первую группу.

А я стал учиться в восьмой группе. И на всю жизнь запомнил ее в локоть толстой косы и сине-васильковые бездонные глаза...

...В этой «битве за урожай» местное начальство дурило нас, как только могло, солидно подкармливая нашего руководителя, какого-то ассистента с какой-то кафедры. Он, в свою очередь, назначив старшим недавнего «дембеля» из Мелитополя, совсем забил на нас. Считай, отпуск для него дополнительный.

Из всей нашей группы «передовиков производства» мужского пола только у меня имелось представление об изнанке и светлой стороне деревенской жизни, остальные — горожане. Поэтому, как только я понял, что нас жестоко и жутко дурят, принял адекватные симметричные меры.

При уборке помидоров с огромных площадей, через полчаса работы я не утруждался наклоняться за каждым помидором отдельно, а, якобы гуляючись, шел к предыдущему бурту овощей (собирали помидоры «по корень» и высыпали их в большие кучи). Так выполнял две—три, а то и четыре дневные нормы.

Через две недели — «битва за виноград». Здесь проще — переворачиваешь узкую из твердого картона бочечку вверх дном (дно-то у бочечки выпуклое внутрь) и сыпешь половину ведра винограда в это углубление. Бочечки-то и снизу, и сверху выглядят одинаково. И здесь перевыполнял план в два — три, а то и четыре раза.

Но даже и после такого «перевыполнения плана» меня в денежном эквиваленте уравнили со всеми. Пришлось по душам поговорить с нашим старостой — «дембелем» с чисто англо-саксонской фамилией Романенко и восстановить справедливость в товарно-денежных отношениях, получив, естественно, в четыре раза большую сумму за добросовестно проделанную работу.

...В марте 1967 года, записавшись в институтский парашютный кружок, я совершил три прыжка. Сдал все нормативы по физической и психологической подготовке, меня зачислили в институтскую команду с отнюдь неплохой перспективой на будущие успехи в этом виде спорта.

Но...

Ох, это, не к ночи будет помянутое, «но». На тренировке со штангой, взяв запрещенный вес, порвал мышцы спины, и всю весну вплоть до экзаменационной сессии ежедневно посещал физкультурный диспансер.

На этом и закончилась моя спортивная карьера парашютиста.

Но...

Опять «но!» — выходит, я подспудно, в непознанных глубинах подсознания готовил себя к службе в Воздушно-десантных войсках.

Мистика?

...В Симферополь приехал с гастрольями какой-то крутой эстрадный гипнотизер-телепат, позиционирующий себя учеником великого Мессинга. Естественно, не обошел он и Крымский медицинский институт со своими выступлениями.

Сидя в последнем ряду рядом с Борисом Байзером, выдал свой первый афоризм:

— Внушает мысли, но не внушает доверия!

Пожимая мне руку, Борис напутствовал меня:

— Возьми за правило — постоянно рожать такие меткие выражения и публиковать их в печати.

С тех пор утекло много времени, мои афоризмы и миниатюры публиковались в тульских областных газетах, в журнале «Чаян», сборнике «Ока», журнале «Приокские зори», вышли в свет три книги афоризмов и анекдотов.

Как-то так.

